

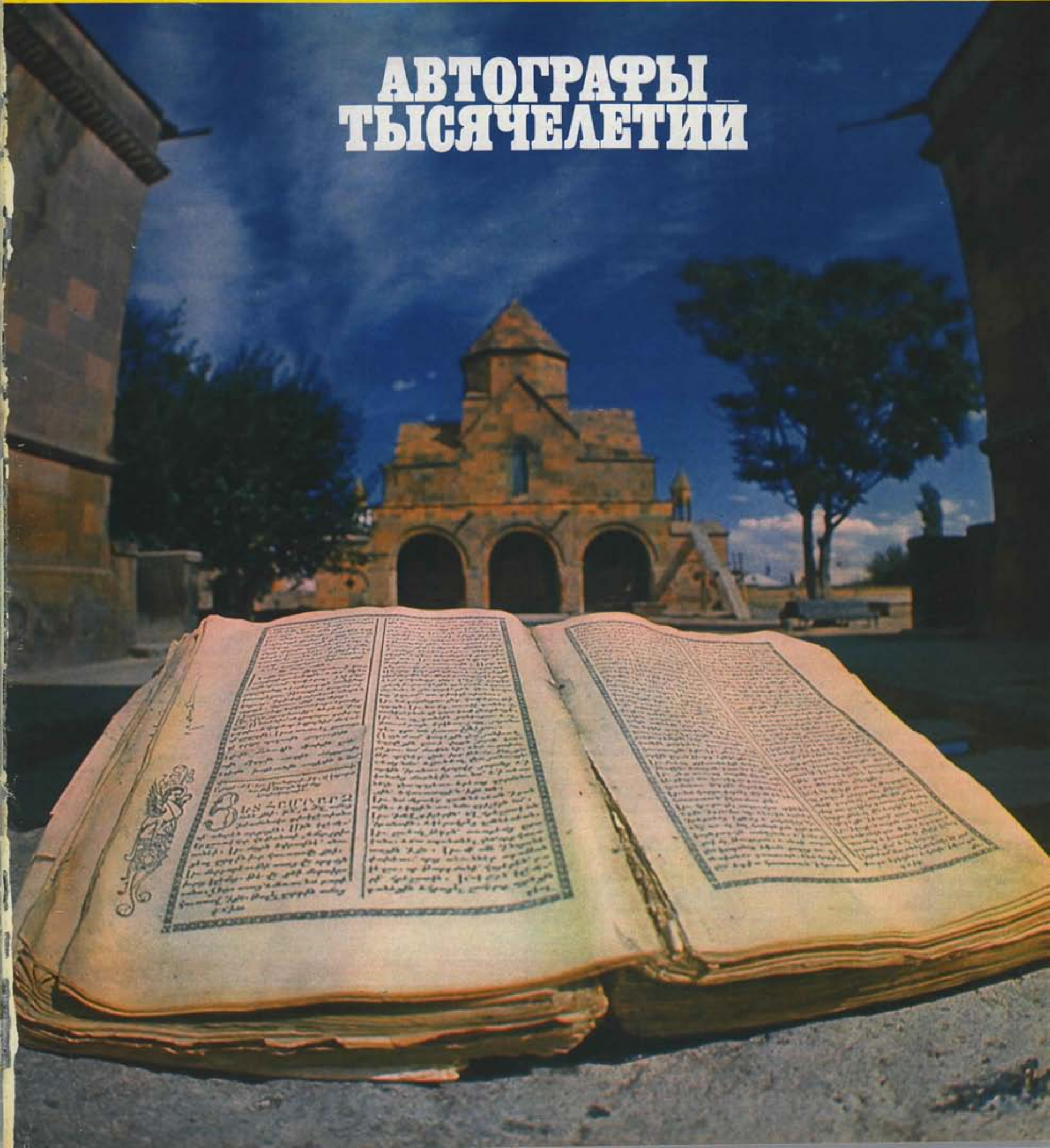

СМЕНА

№ 23 ДЕКАБРЬ 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

АВТОГРАФЫ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

ДОБРО НА ЗЕМЛЕ УТВЕРЖДАЮТ ЛЮДИ...

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза товарищ Леонид Ильич Брежнев говорил о теме, которая всегда занимала важное место в произведениях литературы и искусства. «Это — тема морали, нравственных исканий. Были здесь и свои издержки, но все-таки больше достижений. Заслуга наших писателей, художников в том, что они стремятся поддерживать лучшие качества человека — его принципиальность, честность, глубину чувства, исходя при этом из незыблемых принципов нашей коммунистической нравственности».

Литература и искусство в нравственном воспитании молодежи — вот тема разговора, который состоялся за «круглым столом» в редакции журнала «Смена». В заседании «круглого стола» участвовали:

Михаил АЛЕКСЕЕВ, писатель, секретарь правления СП РСФСР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР имени А. М. Горького, главный редактор журнала «Москва»;

Владимир АМЛИНСКИЙ, писатель, секретарь правления Московской писательской организации;

Борис АНАШЕНКОВ, писатель, критик;

Георгий БАЖЕНОВ, специальный корреспондент журнала «Смена»;

Армен ДЖИГАРХАНИЯ, народный артист РСФСР;

Евгений ДОБРОВОЛЬСКИЙ, писатель;

Юрий ЖИГУЛЬСКИЙ, главный режиссер Московского ТЮЗа, заслуженный деятель искусств РСФСР;

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ, писатель;

Лев КРУГЛЫЙ, артист театра и кино;

Евгений МАРТЫНОВ, композитор;

Игорь СКОРИН, писатель.

Л. ЖУХОВИЦКИЙ. Два десятилетия назад в Москве состоялся первый день поэзии. Мало кто помнит, что у этого праздника, положившего начало традиции, была в свое время сугубо конкретная, безрадостная причина и вполне практическая цель: сборники стихов не раскупались, Книготорг «резал» тиражи, и московские поэты решили сами встать за прилавки, чтобы доказать товароведам жизнеспособность и даже, если хотите, коммерческую перспективность поэзии.

Тогда бедствовал не только Книготорг. Многие театры тосковали по зрителю, а библиотекари на своих конференциях обсуждали вопрос, как убедить читателя брать не только классиков, но и современную прозу...

Сегодня все по-иному. Интерес к искусству, литературе — а главный их «потребитель» — молодежь — небывало, фантастически велик. Достать билеты почти в любой московский или ленинградский театр — сложная проблема. Вечера песни, в том числе и самостоятельной, собирают тысячные аудитории. К прилавкам книжных магазинов порой невозможно пробиться. Поэты читают стихи не где-нибудь, а во дворцах спорта. Пресса бьет в колокола: как оградить картинные галереи от толчеи и давки, от непредвиденного нашествия посетителей?

Что это? Серьезный интерес к искусству и литературе? Или мода?

Видимо, и то и другое.

Лично меня «мода на искусство» не страшит, а радует.

Допустим, лишь часть молодежи, наиболее глубокая и умная, стремится к искусству, чтобы понять жизнь. А остальные только хотят казаться глубокими и умными. Что ж, и это не беда. Парень, добывший дефицитную книгу лишь из соображений престижа, наверное, все-таки ее прочтет. Девушка сначала пойдет в театр, потому что ходят все, а потом уже по внутренней потребности.

М. АЛЕКСЕЕВ. При этом нужно обязательно учитывать, что у молодых особое восприятие слова. Слово воздействует и на разум и на сердце. Так вот, молодежь воспринимает литературу прежде всего сердцем. И если то или иное произведение не затрагивает сердца молодого человека, тогда не спасет никакая специальная «молодежная» тематика. Я вообще не люблю эти слова — «тема» и «тематика». Они оказывают понятие «литература». Какова, например, тематика «Войны и мира»?

Смешно спрашивать. Там все — жизнь. Разделение литературы на темы неправомерно. В центре внимания писателя должен быть человек. Он, как говорится, и жнец, и швец, и на дуде игрец. «Человековедение» — вот что такое литература, по словам Горького. Какое дело, например, доярке до Анны Карениной? Но отчего-то ее страшно волнует судьба Анны. Или что мне до «Пиквикского клуба» Диккенса? А я смеюсь вместе с его героями, думаю, сопереживаю. Я не решаюсь делить литературу не только по тематике, но даже на «современную» и «историческую». Настоящая современная проза исторична, настоящая историческая вещь современна. Вот, к примеру, во время Великой Отечественной войны появился исторический роман Степанова «Порт-Артур». И сразу пришел в окопы. Почему? Потому что этот роман оказался злободневным, оказался современной любого так называемого современного романа.

Г. БАЖЕНОВ. Очевидно, это произошло еще и потому, что в романе Степанова есть атмосфера особой искренности. Но всегда ли молодой человек в состоянии отличить подлинные духовные ценности от мнимых? Всегда ли он в состоянии сделать правильный выбор?

М. АЛЕКСЕЕВ. Нужно помогать молодым. Нельзя оставлять их без руля и без ветрил. Слово — оно может и поднять, а может и в бездну бросить. Сейчас как будто бы всеобщее книголюбие. Но, как всякое великое явление, оно идет вместе с разным рода поветриями. Я много езжу по стране и всегда бываю огорчен, когда вижу: в моде всего несколько книг. И многие «знатоки» этой моды даже не слышали таких имен, как, скажем, Василий Федоров, Николай Рубцов, Виктор Коротав. А ведь все, кого я назвал, большие поэты. Вот и спрашивается: нужно ли управлять чтением молодежи? Ответ, по-моему, ясен.

Г. БАЖЕНОВ. Литература — это мощное средство познания души человеческой. Какая наука, какая специальная психология могла бы сделать столько открытий в душе одной лишь Наташи Ростовской, сколько сделал Толстой? Кто, кроме Пушкина и Лермонтова, обладавших даром глубоко чувствовать живую душу, мог сказать столько о своей эпохе, сколько они сказали только двумя своими героями — Онегиным и Печориным? Естественно, чтобы понимать, слышать, чувствовать, словом, постигать человеческую сущность, художник должен быть нравственно зрелым человеком, обладающим особой чуткостью к самым тонким движениям человеческой души. Он должен быть связан множеством незримых нитей со своим читателем, зрителем, с тем, для кого он работает.

Л. КРУГЛЫЙ. Мне, например, как человеку и как артисту, необходимо общение с молодыми, чтобы острее чувствовать время, чувствовать новое, то, что ярче всего проявляется именно в молодых. В процессе дружественного и уважительного обмена мнениями в твою душу что-то западает, ты начинаешь задумываться о том, над чем раньше никогда не думал, в тебе вдруг возника-

ет какой-то новый поворот мысли и чувств...

Мне кажется, что и в воспитании главнейшую роль играет процесс общения между людьми. Это очень длительный и сложный процесс, в результате которого молодые обретают какие-то конкретные навыки поведения и принципы, впитывают в себя саму атмосферу среды, в которой живут.

Ю. ЖИГУЛЬСКИЙ. Я полностью разделяю это утверждение. Именно поэтому мы, актеры и режиссеры Московского ТЮЗа, считаем, что выпуск спектакля — далеко не окончание нашей работы. Это только повод, чтобы затем в ПТУ, в школах развернуть широкое обсуждение этих постановок, их связей с реальной жизнью. Нам мало, чтобы ребята просто посмотрели наши спектакли, мы хотим, чтобы каждая постановка пробуждала в них желание разобраться в собственной жизни, учила бы их понимать внутренний мир окружающих и уважать этот внутренний мир.

Е. ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Театру — в смысле непосредственности воздействия на людей, — пожалуй, повезло больше других видов искусства. Ведь драматург, режиссер и актер непосредственно, напрямую доносят свое создание до сердца зрителя. А вот как быть писателю? Как ему узнать, насколько действительны его книги? Для меня поэтому просто необходимы встречи с моими читателями, необходимы их замечания, оценки, вопросы.

Так получилось, что вот уже несколько лет моя и писательская и человеческая судьба связана с Московским автозаводом имени Лихачева. Я часто встречаюсь с молодыми рабочими. Меня интересует, чем они руководствуются, выбирая книгу для чтения. Оказывается, они, так же, как и вы, Михаил Николаевич, не разделяют произведения литературы по темам и по тематике. Молодые зилловцы говорили мне, что их привлекают «жизненные» произведения, то есть такие, которые вызывают желание размышлять, сопоставляя свой собственный опыт с прочитанным. А это желание рождается в том случае, если в самой художественной ткани, в развитии характеров, в нравственных конфликтах читатель ощущает, что автор тонко препарировал бесчисленные конкретные факты и явления. Только тогда художественное произведение начинает оказывать влияние, в том числе и воспитательное, на формирование читательских представлений, помогает найти ответы на самые серьезные вопро-

сы, которые ставят реальная жизнь, реальные взаимоотношения, реальная борьба за утверждение наших идеалов.

Вот принято считать, что молодых больше всего привлекают остросюжетные произведения. Разговаривая с молодыми рабочими-зилловцами, я не раз убеждался: их привлекают не сами по себе острые сюжеты и головоломные ситуации. Нет. Молодых читателей волнует то, как обыкновенный парень, «такой же, как мы», не струсил и не сломался, столкнувшись с суровыми испытаниями.

Книга для них — это тот умный, авторитетный, вызывающий доверие собеседник, с которым человек остается один на один, чтобы решить самые важные, а порой и самые сокровенные проблемы.

Б. АНАШЕНКОВ. А проблем этих множество. Нынешние молодые начинают трудовую жизнь на три-четыре года, а то и на пять — восемь лет позже, нежели их отцы, их деды, в качественно иных условиях производства, быта. Молодые понимают, что им предстоит постоянно учиться в силу объективных обстоятельств — так требуют интересы НТР, общественного прогресса... Урбанизация, информационный взрыв, воздействие телевидения, сдвиги в характере и масштабах потребления — вот лишь некоторые из проблем, на которые хорошо бы выйти совместными усилиями художественной литературы, критики, социологии, философии, экономики, театра, кино.

Г. БАЖЕНОВ. Ну, а все-таки есть ли такие книги в нашей литературе, которые бы в какой-то мере синтезировали духовные искания молодежи?

М. АЛЕКСЕЕВ. Я думаю, что роман Юрия Бондарева «Берег» — это приближение к тому, что нужно сегодня молодежи. Современный человек находится в напряженных раздумьях о судьбах мира. И открытому юному сердцу «Берег» Бондарева может многое сказать... У каждого на планете своя Родина. Заберите у меня Родину — и самый смысл моей жизни тотчас исчезнет. Именно это чувство Родины помогает нам понять другие народы. Потому и дороги для нас «Судьба» П. Проскурина и «Вечный зов» А. Иванова, что это книги о Родине. Именно поэтому они и интернациональны. Такие книги учат размышлять. Они неназойливы. И в то же время остры, не обходят сложных и запутанных вопросов нашего бытия.

К такого же рода прозе отношу «Последний поклон» и «Царь-рыбу» Виктора Астафьева. Молодому человеку необходимо, как мне кажется, прочитать и маленькую вещь Валентина Распутина «Последний срок». Среди нынешней молодежи можно порой встретить и эгоистов и эгоцентристов. Вот о них-то и пишет молодой писатель — со взрослой мудростью и болью.

Л. КРУГЛЫЙ. Как актер, я назвал бы еще и А. Гельмана с его пьесой-хроникой «Протокол одного заседания», и Г. Бокарева с его «Сталеварами», и М. Шатрова, по пьесе которого московский «Современник» поставил спектакль «Погода на завтра».

Мы иногда говорим, что вот, дескать,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 23 (1189) ДЕКАБРЬ 1976

Наша обложка: одна из древних армянских книг, хранимых в Государственном институте древних рукописей — Матенадаране.

Фото
Сергея ПЕТРУХИНА

1 «КРУГЛЫЙ СТОЛ «СМЕНИ».
«ДОБРО НА ЗЕМЛЕ УТВЕРЖДАЮТ ЛЮДИ...»

3 Стихи Рюрика ИВНЕВА.

4 «СЕМЬ ВЕЧЕРОВ В НЕДЕЛЮ». Фотоочерк
Георгия ВАЛЕНТИНОВА и Юрия УСТИНОВА.

8 Анатолий АНАНЬЕВ.
«СЕМЕЙНАЯ ССОРА».

11 НОВОЕ ИМЯ.
Стихи Александра БОГОМОЛОВА.

12 ЖЕМЧУЖИНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.
«ВОЗВРАЩЕНИЕ РОСЛИНА».

14 Стихи Александра БОГУЧАРОВА.

18 ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНИ».
Сергей КОШЕЧКИН. «ПСЕВДОНИМ МОЙ «АРИСТОН»...»

20 НОВОЕ ИМЯ.
Стихи Игоря ЖЕГЛОВА.

22 ЗАКОН И ТЫ.
Юрий ФЕОФАНОВ. «ШАГ В СТОРОНУ».

24 ВСЕСОЮЗНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ САМОДЕЯТЕЛЬНОГО
ТВОРЧЕСТВА ТРУДЯЩИХСЯ.
«ТЕАТР, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ».

26 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».

27 КОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ.

28 Роман Андрея ЛЕВИНА «ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН ЦЗЯО».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ
РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, С. А. Абрамов, А. П. Кулешов,
В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), Г. Л. Немченко,
В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рождественский,
Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов,
А. П. Середа, Г. С. Терзибашьянц (главный художник), Б. А. Фаин,
Д. Н. Филиппов, О. И. Шестинский.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор И. Кузьмина.

© Издательство «Правда». «Смена». 1976 г.

тот или иной молодой человек нам не нравится, что иных молодых фасон джинсов волнует больше, нежели духовные проблемы. Здесь мы, люди старшего поколения, не должны забывать, что «связь времен» идет от отцов к детям. Бездуховность, «вещные» интересы — все это было заложено в общении «детей» с теми «отцами», которые были рядом. И в то же время, я уверен, все молодые по природе своей очень чутки к хорошему.

Вот, например, был у меня такой случай. Однажды в Ленинграде в свободный от съемок день поехал я в Шлиссельбургскую крепость. Народу никого, тишина... В самом воздухе, как говорится, чувствовалось дыхание истории. И вдруг появилась компания — две девушки и два парня. Они о чем-то галдели, пели, кричали... Делать замечания всегда как-то неловко. Я терпел-терпел, а потом подошел к ним и сказал: «Ребята, в таком месте все-таки, наверное, не орут...» Больше ничего не сказал. Они на меня насмешливо посмотрели, но тем не менее затихли, выключили свой транзистор и стали как-то по-другому вглядываться в окружающее.

Конечно, мне в тот раз повезло. Оказалось достаточно сказать всего несколько слов, чтобы эти ребята изменили свое поведение. На час или на день, не знаю... Понятно: для того, чтобы человек изменился по-настоящему и надолго, нужно много усилий. Но именно поэтому я и сказал в самом начале, что воспитание — это процесс длительного и сложного общения.

Ю. ЖИГУЛЬСКИЙ. Безусловно. Только в этом случае мы будем хорошо знать тех, кого нам предстоит воспитывать. Мы, пловцы, часто встречаемся со школьниками, учащимися ПТУ. И порой кажется, что все-то ты знаешь об этой школе и об этом училище, знаешь, как ребята живут, как настроены... Но приходишь туда через месяц и ощущаешь, что здесь очень многое изменилось. Возникли новые идеи, новые страсти, новые планы. Мы должны жить в одном времени с нашим зрителем и не запаздывать в восприятии нового. Только тогда наша работа будет ему нужна.

У нашего театра есть одна важная особенность. С нами вместе работают специалисты-педагоги, которые оказывают нам поистине неоценимую помощь. Это люди, которые живут непосредственно интересами школы, выполняют роль наших разведчиков, с удивительной чуткостью улавливая самые насущные и самые глубинные проблемы, которые волнуют юного зрителя.

Л. КРУГЛЫЙ. В последнее время мне тоже пришлось немало размышлять о проблемах школы. В недавно поставленном в театре на Малой Бронной спектакле «Рассказ от первого лица» (по пьесе А. Гребнева) я играю директора школы Свешникова, который преподаёт литературу. Я с большим удовольствием работал над этой ролью, потому что мои жизненные, нравственные убеждения совпали с убеждениями Свешникова. Мой герой убежден, что воспитывает, изменяет, улучшает душу подростков именно атмосфера взаимного, уважительного, истинно человеческого общения.

Педагог Свешников как раз и старается создать в юношеском коллективе именно такую атмосферу дружелюбия, таланта, фантазии и уважительности... И зритель остро реагирует на это, подтверждая правоту Свешникова.

Мне, как киноактеру, часто приходилось встречаться со зрителями, с молодыми рабочими, со студентами, со старшеклассниками, с учителями. И я всегда, пусть не с таким успехом, как Свешников, стараюсь с самого начала установить атмосферу взаимного общения. Если же проходит просто встреча, когда я что-то говорю, а меня вежливо слушают, — это, по-моему, никому не нужно.

Г. БАЖЕНОВ. Общение со зрителями или читателями — будущими героями пьес и книг — помогает нам не только с чисто утилитарной точки зрения: мол, почерпнул материал — уехал — написал. Нет, оно помогает писателю по-новому увидеть современного человека, помогает постичь духовную суть явлений. Взять хотя бы БАМ или КамАЗ...

М. АЛЕКСЕЕВ. Не убежден, что поездки на ту или иную большую стройку могут напрямую помочь молодому писателю. Правда, Твардовский вот съездил на Дальний Восток, а потом появилась его поэма «За далью — даль». Но Твардовский был подготовлен к этому всей предыдущей жизнью. Настоящий писатель, я уверен в этом, сам все пережить должен, иначе будет только голая схема и место действия.

Г. БАЖЕНОВ. Трудно не согласиться с этой мыслью, хотя... Я вот хочу рассказать, как года полтора назад мне пришлось жить в глухой тайге, в зимовье, вместе с ребятами, строящими Байкало-Амурскую магистраль. Я приехал написать о них очерк. И что же? Очерк я написал, но куда более важным для меня оказалось само общение с молодыми строителями. Честное слово, то, что я открыл для себя тогда, было гораздо глубже всех моих прежних представлений о БАМе. Нигде и ни в ком я не ощущал столько нравственного здоровья, сколько в этих обыкновенных, совсем молодых парнях и девчонках, строящих в невероятно сложных условиях не только железную дорогу, но и свою судьбу. И теперь, что бы я ни писал о молодых, я всегда помню: есть на свете ребята из бригады Леши Казакова, которые, что ни говори, а все-таки особые люди. У меня возникло искреннее, глубокое чувство восхищения, даже преклонения перед ними.

Е. МАРТЫНОВ. Острота и сила чувств... Без этого, по-моему, вообще не может быть искусства. Я, например, всегда пишу так, как чувствую. Вот, скажем, «Яблони в цвету». Как я написал эту песню? Я был в Целинограде, вышел утром на Центральную площадь и вдруг вспомнил свои родные украинские места. Вспомнил, как там цветут сады... И неожиданно во мне зазвучала мелодия. Потом, когда мы встретились с поэтом Ильей Резником, я рассказал ему, что почувствовал тогда и что увидел...

А потом, уже на БАМе, ребята говорили мне, что с удовольствием слушают эту песню. Я спросил: «Почему?» Они ответили так: «А вот когда мы эту дорогу построим, было бы здорово, если бы из окна вагона мы увидели вдоль дороги яблони в цвету, такие же, как в вашей песне».

И еще мне говорили, что хотели бы любоваться такими же белыми лебедями, о каких поется в песне на слова Андрея Дементьева «Лебединая верность». Особенно дорого было, что там, на БАМе, молодые рабочие-строители поняли, что мы в этой песне хотели рассказать не о некой «драме из жизни лебедей», а пробудить в каждом нашем слушателе естественное и прекрасное человеческое желание: «Чтобы жили лебеди, чтоб от белых стай мир добрее стал...»

Ю. ЖИГУЛЬСКИЙ. Добро на земле утверждают люди. И здесь перед нами

сразу же встает проблема современного героя. Молодые не верят придуманному, чистенькому, стерильному героичку. Им нужен настоящий герой, чтобы верить ему, чтобы подражать, чтобы «делать жизнь» с него. Драматурги, пишущие для юношеской и молодежной аудитории, должны помнить: чем выше они возносят героя, тем дальше он уходит от своих зрителей. Они смотрят на него снизу вверх. В них не возникает внутренней потребности, органической необходимости сравнить себя с персонажем, в котором театр призывает их видеть героя. Но как только молодой человек в зрительном зале вдруг ощутит духовную близость с героем на сцене, он сразу же начинает задавать себе вопросы: а смогу ли я так? Смогу ли я так? И отвечает: «А ведь, пожалуй, получится, смогу, дотяну!» И тогда возникает потребность подражания, потребность поступать так, как поступает герой на сцене или в книге.

И. СКОРИН. Я помню, как в 60-е годы в МУР шли письма, адресованные инспектору Сергею Коршунову. В одних просили Коршунова дать совет, как жить дальше, в других — оказать помощь в устройстве на работу. Родители спрашивали, как повлиять на подростка, сбившегося с пути. Мы пересылали эти письма Аркадию Григорьевичу Адамову, создавшему такой достоверный и всем полюбившийся образ умного, обаятельного инспектора уголовного розыска Коршунова в «Деле пестрых». Читатели не хотели верить в то, что Сергея Коршунова не существует, что это литературный герой, и стали обращаться к нему за советом.

Поскольку детективная и приключенческая литература у нас расходуется, что называется, нарасхват и имеет особенно много поклонников среди молодежи, хочу сказать о тех качествах, которыми должны, по-моему, обладать эти произведения.

Первое — нести воспитательно-правовую нагрузку.

Второе — содержать не назидания, а умно поданные рекомендации, которыми мог бы воспользоваться читатель, ограждая своих друзей и самого себя от правонарушений и неблагоприятных поступков.

Третье — занимательность детективной литературы должна стать одним из компонентов художественной выразительности.

В. АМЛИНСКИЙ. Мне, Игорь Дмитриевич, после публикации моего романа «Возвращение брата» тоже присылали

письма из мест, как принято говорить, не столь отдаленных. Среди них было и письмо одного молодого человека, чья судьба походила на судьбу моего литературного героя. Он рассказал мне о себе, о своем падении, просил поверить, что осознал свои прегрешения и хочет стать честным человеком. Потом он вернулся домой, поступил работать, женился. И мне было радостно, что я в какой-то степени оказался причастным к тому, что этот человек сумел найти место в жизни. Но, увы... Он вновь сорвался, возникли прежние «кореша», и в результате вновь колония. И снова письмо оттуда, и снова раскаяние.

И. СКОРИН. Да, старые «кореша», как правило, люди nastyные, они не любят, когда кто-то уходит из-под их влияния. Надо быть сильным и смелым человеком, чтобы не сорваться. Ваш Ваня Лаврухин оказался именно таким.

Г. БАЖЕНОВ. Лаврухин заставил человека, написавшего писателю Амлинскому письмо, сделать попытку разорвать со своим прошлым и стать другим. И, может быть, он все-таки сумеет добиться своего, пусть со второй попытки. В данном случае литературный герой принес объективную пользу уже тем, что заставил реального человека задуматься о своей жизни, о своем будущем. А это первый шаг к тому, чтобы изменить себя, стать лучше.

Писатель становится воспитателем в том случае, если он открывает людям характеры, которые привлекают своим духовным богатством, нравственной чистотой, вызывая желание подражать этим героям.

А. ДЖИГАРХАНИЯ. Искусство, как и литература, тоже воспитывает людей, ибо в истинном искусстве, в самой его природе незримо присутствует воспитательное начало. Но произведение искусства доходит до нашего сердца только в том случае, если оно способно нас потрясти. Истина эта, разумеется, не новая, но ничего лучше я не знаю. Если же авторы того или иного произведения будут пытаться воспитывать зрителей напрямую, предлагая им готовые формулировки, но не потрясая образами, то тогда ничего не получится.

Особенно часто грешит таким упрощением телевидение...

Но ведь как только нам заранее скажут, что Вася плохой, а Петя хороший, не дав почувствовать, какая биография стоит за каждым из героев, какой мир, как нам сразу становится скучно, неинтересно... И, естественно, такого рода искусство никого воспитать не может. Я уверен: слабая художественная форма может скомпрометировать даже самую прекрасную идею. Об этом следует задуматься всерьез. Ведь подсчитано, что только первую программу ЦТ смотрит около 170 миллионов зрителей, среди которых, наверное, большинство — молодежь...

Один из моих самых любимых героев — Сократ, роль которого я играю в спектакле «Беседы с Сократом» на сцене Театра имени Маяковского. Там есть поразительная фраза: «Если бы люди были образованны, зло исчезло бы». Речь, разумеется, идет о нравственном образовании.

Нужно, конечно, быть утопистом, чтобы верить, будто плохой человек, придя в театр или в кино и увидев там «плохого» героя, мгновенно перевоспитается и станет хорошим. Нет, конечно... Но если он испытает то потрясение, о котором я говорил, он задумается и какие-то изменения в нем постепенно произойдут...

Г. БАЖЕНОВ. У литературы и у искусства много дел на земле, по образному выражению Сергея Залыгина. Но не случается ли иногда так, что, стремясь охватить все многообразие современного мира, некоторые деятели нашего искусства и нашей литературы забывают, что главное здесь именно «человеческое», о чем в самом начале нашей беседы напомнил Михаил Николаевич Алексеев?

Л. ЖУХОВИЦКИЙ. То, что зафиксировано в моральном кодексе Программы нашей партии, утвержденной XXIII съездом, отражает весь послереволюционный опыт воспитания нового человека. В октябре семнадцатого года мы только приступили к решению этой задачи, а сегодня целеустремленно идем к цели во всеоружии средств для ее достижения. Вопрос «Как лучше?» никогда не будет снят с повестки дня, ибо нравственному совершенствованию нет пределов.

Мне кажется, искусство и литература из своих традиционных задач сегодня должны особое внимание обратить на одну: помогать молодому человеку развиваться в мыслящую, самостоятельную, ответственную личность. Ведь ему предстоит жить и работать в сложных обстоятельствах, не «просматриваемых» на десятилетия вперед, предстоит самому улавливать и разбирать не всегда ясные сигналы жизни, принимать решения и отвечать за них.

Думаю, что вполне верный вывод, извлеченный читателем из книги, не будет до конца эффективен, если он получен без напряжения, без труда. Я уже не говорю о том, что это приучает к интеллектуальному и нравственному иждивенчеству. Воспитывает не результат, а сам процесс, читательское сопереживание и, если можно так выразиться, сомышление. В этом смысле вопрос без ответа иногда, пожалуй, даже полезней, чем вопрос с ответом. Подлинное произведение искусства всегда дает нам труднейшее «домашнее задание» — случайно ли проблема Печорина, Татьяны Лариной или Базарова мучает нас всю жизнь? И, ломая голову над судьбой Печорина, мы сами становимся умней...

Серьезного прозаика по-настоящему радуют не письма, полные похвал, а письма, полные вопросов. Серьезного драматурга больше устраивает не положенный по ритуалу взрыв аплодисментов в финале, а напряженная тишина, сменяющаяся напряженным гулом. Хорошо, когда спектакль вместе со зрителем выходит на улицу, растекается по городу, продолжается в автобусах, в лифтах, в кухоньках за поздним ужином. Да, театр начинается с вешалки. Но истинный театр никогда не кончается вешалкой!

Будить, будоражить, даже раздражать мысль — вот, наверное, самая важная сегодня задача искусства.

От редакции.

Тема, которой было посвящено заседание нашего «круглого стола», практически неисчерпаема. Поэтому многие читатели, вероятно, захотят поделиться мыслями по существу затронутых проблем, дополнить кого-либо из участников или кому-то возразить, так как некоторые утверждения носили заостренно-полюемический характер.

Редакция «Смены» и все участники «круглого стола» с интересом ознакомятся с откликами наших читателей.

Беседу за «круглым столом» записали Борис АНДРЕЕВ и Валерий ГЕОРГИЕВ.

Рюрик ИВНЕВ

Колонный зал в марте 1918 года

*Сколько раз эти люстры смотрели,
Не мигая, мне прямо в глаза,
Когда, плотно закутан в шинели,
Замирал от волнения зал.*

*Я казался песчинкой беззвучной
И себе самому и другим.
Брестский мир плыл тяжело тучей,
Задыхались от счастья враги.*

*Все гудели: «Конец неизбежен», —
От кадетов и меньшевиков
До заклятых врагов зарубежных
И отечественных кулаков.*

*А под сводом Колонного зала
Голос Ленина твердо звучал.
Торжествующее начало
Дней победных он возвещал.*

*Этот день не забыть никогда мне,
Пусть ракетами мчатся года,
Не давишим, а будто недавним
Он мне будет казаться всегда.*

Утро

*Ты чувствуешь себя двадцатилетним
На день, на час или на единый миг.
К тебе в окно заглядывают ветви,
Зеленые, как отроческий стих.*

*Немое солнце плавно и спокойно
Вершит свои обычные дела.
Ты переводишь взгляд
К деревьям хвойным,
Свидетелям, доверия достойным,
Неистовой борьбы добра и зла.*

*Ты рад всему, что видишь, ощущаешь.
Старо оно или ново для тебя,
Будь это только первой чашкой чая
Иль тысячной былинкой бытия.*

*Зеленые теплые листья,
Как птицы, поют за окном.
И кажется мне немалым,
Что нет никого кругом.*

*Но вот, как голос любимый,
Зазвенел на столе телефон.
И чувствую, как незримо
Друзьями я окружен.*

*А впрочем, зеленые листья
Разве не те же друзья,
Которые, может, искренней
Умеют любить, чем я.*

*Так пусть же и те и другие
Сольются с моим окном,
Как звуки земного гимна,
Пронизанного торжеством.*

*Скитанья по свету, скитанья
Пора уже кончить давно.
Вот сбылось твоё ожиданье,
Покоя же нет все равно.
Ты к пристани тихой причалил,
Не видно вокруг кораблей.
Живешь ты, и не случайно,
На твердой московской земле.
Однако душа твоя, странница,
Не может никак успокоиться,
Как будто извечная данница
Пустого курьерского поезда.
Как будто веселая пленница
Кают, и вагонов, и палуб,
Взаправду — живая ровесница
Начала чудес небывалых.*

Рисунки Владимира ДЕЛБЫ

В Ватутинском лесу

*Мне критики скажут: несносно
Нанизывать, как на нить,
Все те же березы и сосны
И только о них говорить...
Но как поступать мне, если
Я чувствую, что весь лес —
Одна непрерывная песня
От нашей земли до небес.
И мы, пьянея от счастья,
Рокочущего, как струна,
Сердца раскрываем настезь
И пьем эту жизнь до дна.*

*Быть может, это только кажется,
Но вдруг повеяло теплом,
Которое совсем не вяжется
С полярным холодом и злом.*

*Теплом не только солнца летнего,
Теплом не печек и не шуб, —
Теплом, что вдоха неприметнее,
Теплом веселья глаз и губ.*

*Теплом волнения сердечного,
Идущего из тех глубин,
Что носят имя счастья вечного,
В прах развевающего сплин.*

Дорожные столбы

*Что скрыто за мечтой, не знаем
И не узнаем никогда.
Летят легко, как птичья стая,
Тяжеловесные года.*

*Они несутся без оглядки.
Зачем, куда и почему?
С непостижимой загадкой,
Ненужной сердцу и уму.*

*Так пусть же будет все, как надо,
Чтоб человек доволен был
И без особенной досады
Считал дорожные столбы.*

СЕМЬ ВЕЧЕРОВ В

Операция разворачивалась по плану...

Старший инспектор ОБХСС Васильченко обеспокоенно поправил ручные часы:

— Прошу сверить время. На моих одиннадцать тридцать две. В одиннадцать сорок пять все семь групп начинают действовать. Командира отряда Сухочеву прошу отправиться с первой группой. Общий сбор—в тринадцать ноль-ноль. Вопросы?

Вопросов нет.
Сухочева берет с собой Людмилу Ковтыкову с двумя подростками. Не подведут ли ребята? Не рано ли подключили к операции Володю Корябочкина и Колю Самарина?

Небольшой подмосковный город Долгопрудный. Магазин № 32. Сухочева остается на улице—ее знают в лицо. Люда Ковтыкова с ребятами заходят в магазин.

— Пожалуйста, триста граммов масла, сто граммов сыра...

Казалось бы, обычная просьба покупателя, но Володя Корябочкин волнуется до легкого подрагивания в руках.

— Спокойно, Володя,— шепчет Людмила.

Операция началась...

...Ровно в тринадцать ноль-ноль спецавтобус выехал на сбор рейдовых групп: семь групп—семь протоколов. Семь прото-

колов—семь страстных оправдательных, заклинающих, проклинающих, умоляющих, увещевающих словесных потоков: не хотели обманывать, обвесили случайно, простите, руки подвели, плохо глаза видят без очков, больше никогда, никогда, честное благородное слово, поверьте, в последний раз... И так до бесконечности. Семь протоколов общерайонного рейда комсомольского оперативного отряда (КОО)—семь строгих заключительных актов: я, внештатный инспектор ОБХСС, в присутствии свидетелей произвел закупку и контрольное перевешивание купленных продуктов, недовес составил столько-то, на такую-то сумму; число; подписи.

Откуда этот грозный и неожиданный ветер для тех, кто еще не разучился воровать в торговле? Это бойцы Мытищинского КОО. Группы ОБХСС—самые оперативные и популярные в отряде. Внезапность, точность и бескомпромиссность—самые важные принципы. Каждый день комсомольцы отряда контролируют торговлю в районе. Результат? Продавцы всех магазинов Мытищ твердо знают: за законностью в торговле следят не только штатные инспектора ОБХСС, но и многосотенный отряд комсомольцев.

...Заседание штаба КОО—водопад споров, нащупывание верных решений, неожиданные предложения, мучительный выбор главных направлений в работе. Таких направлений у отряда пять: работа группы

ОБХСС, работа с трудными подростками, оперативная борьба с хулиганством, транспортный контроль, группа ОБХСС на железнодорожных линиях. Каждое направление взаимно координируется штабом КОО и органами городской милиции: здесь и детская комната милиции—ДКМ, и городской ОБХСС, и центральный опорный пункт—ЦОП, и инспекция уголовного розыска, и ОБХСС на железнодорожном направлении, и отделение профилактики при городском ОВД. Пять направлений—как пять векторов сложной и разветвленной борьбы комсомола за человека будущего.

На заседание штаба пришел начальник отделения профилактики майор милиции И. П. Семочкин.

— Главная причина детской преступности—алкоголизм старших и семейные неурядицы. Возможна ли профилактика детской преступности? Возможна, хотя перед теми, кто ею занимается, много трудностей. Но страшны не они, страшны шаблоны. Нужно изучать проблему изнутри, искать оптимальные пути воздействия на подростков.

Член штаба КОО, командир линейного оперотряда Людмила Ковтыкова:

— А как быть с трудными подростками во время каникул?

Майор Семочкин:

— Их нужно трудоустроить, направлять на работу со студенческими стройот-

рядами, привлекать к общественной деятельности в любом масштабе.

Комиссар КОО Мытищинского ГК ВЛКСМ Михаил Кураков:

— Но целесообразно ли все время контролировать подростка?

Майор Семочкин:

— Вопрос серьезный. Контролировать нужно, но обижать и отталкивать контролем нельзя. Подросток перестает верить нам, у него остается осадок, что ему постоянно не доверяют.

Член штаба КОО:

— А по-моему, наоборот. Если с ним либеральничать и пустить его жизнь на самотек, он будет убежден, что его жизнь принадлежит только ему и он может делать все, что ему вздумается.

Командир Мытищинского КОО Надежда Сухочева:

— Есть ли у нас опыт в этом вопросе? Давайте разберемся.

...Перед входом в комитет комсомола Московского лесотехнического института непривычная для студенческой аудитории группа подростков: семи-восьмиклассники. Глаза—настороженно-хитрые, манеры—сдержанно-развязные, словечки—грубо-показные. Смешок, шепоток, настороженность, бравада—и неподдельное волнение. У каждого в руках повестка: «Просим Вас явиться в комитет комсомола института по вопросу Вашего направления в студенческие строительные отряды».

Георгий ВАЛЕНТИНОВ
Фото Юрия УСТИНОВА
Специальные корреспонденты «Смены»

НЕДЕЛЮ

— Работать-то? — Кусенков улыбается. — Стройотряд — это коллектив не на словах, а на деле. Отправляли мы кого-нибудь из отрядов?

— Бывало, — кивает Володя Залипунин. — Но это уж за какое-нибудь ЧП. За воровство, например.

— Ребята, а ведь нельзя этого делать. — Надя Сухочева встревоженно осматривает комиссию. — Как же так, мы их к вам на исправление, а вы обратно?

— А если ворует?

— Перевоспитывайте.

— А если не перевоспитывается?

— Все равно отсылать нельзя.

— Ну, до этого почти никогда не доходит. Один случай из сотни. Сколько лет с нами подростки ездили — потом их от нас не оторвешь. — Кусенков хитрово улыбается. — Перерождаются сразу не перерождаются, а вот ответственность, что ли, начинают чувствовать. Чувствовать локоть друга, товарища. Да ты своих ребят вспомни, Надя...

Вспомнить, пожалуй, можно не только Наро-Фоминск, где в прошлом году Сухочева была командиром стройотряда и где тоже, конечно, были трудные подростки. Вспомнить можно, как вообще она начала работу в комсомоле.

Кем она была, когда только-только приехала из Курска в Перловку поступать в Кооперативный институт? Душа ее всегда взывала к честности, к справедливости, к правде, взывала бороться с грязью, пошлостью, грубостью. Но самой Наде надо было сначала преодолеть свою стеснительность, скованность, чрезмерную замкнутость. Все это она со временем преодолела.

Валерию Шевченко — вот кому надо сказать за это спасибо.

Это он, придя на студенческую скамью сразу после армии, зажег в стенах Кооперативного института огонь борьбы с хулиганством и дебоширством, борьбы с самым главным врагом людей — трусостью и безразличием к человеческой судьбе. Ходят по Перловке хулиганы? Пьют? Дерутся? Обижают девушек? Развращают подростков? Давайте создадим противосилу! Ведь мы молодые! Мы комсомол! Мы сила! Сразу ли его поддержали? Нет, не сразу. Даже в отделении милиции сначала отмахнулись — знаем, мол, этих помощников: группой погулять по городу с красными повязками каждый может, а разошлись — и нет никого. Шевченко сам, на свой страх и риск, создал в МКИ первый комсомольский оперативный отряд из семи человек. Потом их стало двенадцать. Потом еще

больше. Как начинали? А начинали так, что даже выдавший виды участковый развел руками: за один только первый вечер члены отряда привели в отделение 40 хулиганов. Действовали жестко, быстро, смело — окружали, брали в кольцо... Против силы и смелости любой хулиган пасует.

С того времени и до сего дня комсомольский оперотряд МКИ — опора общерайонного КОО. Начинали с хулиганов. А теперь? Теперь, если оглянуться, даже не верится: в районе около тысячи бойцов-оперативников, до тридцати линейных отрядов. Когда Шевченко отозвали для работы в Мытищинском ГК ВЛКСМ, кто остался за него в Кооперативном институте? Надя Сухочева. Он привел ее в отряд, сделал своим замом, а теперь оставил командиром. А сам стал во главе районного отряда. Когда Шевченко ушел на ответственную административную работу, Надю Сухочеву поставили на его место. И теперь уже она командир общерайонного комсомольского оперативного отряда, инструктор горкома комсомола.

...Комната, где сидит Сухочева, напоминает боевой штаб: утром и вечером здесь всегда народ, бесконечные звонки, обсуждение ближайших и перспективных планов, координирование рейдов, согласование расписаний работы линейных отрядов.

— Надя, на инструктаж идешь?

— Иду, Витя. — Вместе с младшим лейтенантом милиции Виктором Зерновым Сухочева спешит на центральный опорный пункт (ЦОП).

Инструктаж проводит Зернов.

— Прошу линейные отряды нацелить внимание на следующих четырех преступников. — По рядам пускаются их фотографии. — В случае обнаружения задерживать. При необходимости информировать дежурного ЦОП по рации. Сегодня в рейдах участвуют три линейных отряда. Командирам отрядов до 21.00 провести проверку подвалов, чердаков, дворов. Одновременно вести патрулирование в черте города — на танцплощадке, в городском парке, около бара и кафе, близ кинотеатра. После 21.00 командирам отрядов организовать проверку лиц, стоящих на учете в милиции. Напоминаю: после указанного часа они обязаны находиться по месту жительства. Прошу приступить к своим обязанностям. Сам Зернов отправляется с одной из групп. Обыкновенный пятиэтажный дом. Четыре подъезда.

— Перекрыть подъезды.

Бойцы КОО по два человека перекрывают входы. Подвалы на замках, все в поряд-

ЗАСЕДАНИЕ ШТАБА КОМСОМОЛЬСКОГО ОПЕРАТИВНОГО ОТРЯДА.

Они знают: они трудные подростки, почти все состоят на учете в детской комнате милиции Мытищинского ОВД, но... такое приглашение... попасть в студенческую среду, уехать далеко-далеко на молодежную стройку, хлебнуть самостоятельности, доказать, что тоже на что-то способен... Да, такое приглашение кого хочешь разволнует.

— Панферов Андрей!

Вместе с Андреем в комитет приглашают и его отца. За столом секретарь комитета комсомола института Виктор Кусенков, его заместитель Володя Залипунин, командир комсомольского оперотряда Сергей Бочаров, командир Мытищинского КОО Надя Сухочева. Рабочая, строгая обстановка. Вопросы — ответы. Учится в подшефной школе № 6, окончил 7 классов. Поедет с отрядом куда угодно, лишь бы только взяли. Готов на все. Хулиганить не будет. Слово человека. Согласен ли отец? Согласен. Какие условия в отряде? Сокращенный рабочий день, общая дисциплина для всех, подчинение законам отряда, участие в общественной жизни, честность, взаимовыручка. В институте 24 студенческих отряда, в большинстве из них направляются по два подростка. 15 учеников школ, остальные — учащиеся ГПУ. Какие вопросы, просьбы, пожелания?

— Ну, а он там... как... будет работать? Не боитесь за него? — Отец Андрея смотрит на комиссию и с надеждой и с сомнением.

КОНТРОЛЬНОЕ ВЗВЕШИВАНИЕ ПРОДУКТОВ.

ЭТОМУ ПАРНЮ ПОВЕЗЛО: НА ЕГО ПУТИ ВСТРЕТИЛСЯ УМНЫЙ, ДУШЕВНЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ.

ТРУДНЫЙ РАЗГОВОР.

ке. Пять человек, в том числе комиссар отряда Миша Кураков и младший лейтенант Зернов, устремляются вверх на пятый этаж. Лестница. Чердак. Первым в зияющую черноту люка устремляется Зернов. За ним Кураков. Хрустит под ногами в крошечной тьме чердачный шлак. Жутко. Дыхание перехватывает ощущение вполне реальной опасности.

Направо, в глубине чердака, брезжит мутная полоска света. Подходят. Искусно выдвинут наружу кусок кровли. Пыльная струя зачердачного света освещает самодельный столик-ящик. Рядом самодельные стулья-чурбаки. Место для собрания закоренелых картежников. Иначе зачем прятаться? Чья-то рука нащупывает провод. Электрический патрон. Пустой, без лампочки. В темноте, как по канату, держась за провод, уходят дальше. Провод ведет к люку третьего чердака. Через люк — к электроштыку. Значит, когда надо, подключают подсветку. Ничего не скажешь — мастера своего дела.

— На будущее усилить наблюдение за этим чердаком. — Зернов снимает перекрытия с подъездов, включает рацию: — Первый, первый, я восьмой, нахожусь в районе оперативного задания, пока все спокойно. Как слышите меня? Прием! Первый, как слышите меня, прием...

...Этих двух парней комсомольцы отряда привели в штаб в самом начале дежурства. Ввели себя они в момент задержания вроде бы спокойно, но ребятам с красными повязками хорошо известно, что скрывается за этим кажущимся спокойствием, если оба друга дают объяснения заплетавшимися языками. Сегодня ты опять пьян, ты пришел сюда, в Мытищи, пешком из поселка Строитель — едва ли не за десять километров, пришел почти босой, в напроць стоптанных домашних тапочках, в грязной, рваной рубашке, в драных

штанах, сидишь и плачешь — оказывается, тебе жалко бабушку, она будет переживать, что тебя задержали, она не выдержит, ей за восемьдесят, ты плачешь, ты просишься к бабушке, лохматый, грязный балбес, знающий наперечет всех хулиганов своего района, именами которых ты сыплешь, как из лукошка, лишь бы тебя отпустили домой. А твой друг, который сидит рядом с тобой и клянется, что не умеет водить ни мотоцикл, ни автомашину, носит между тем связку ключей, с помощью которых можно угнать любой транспорт. Ты не угонял? Верим. Но кто же угоняет тогда мотоциклы, мопеды? В большинстве случаев это делают подвыпившие подростки. Сегодня вы не убили и не украли, но сегодня вы пьяны, ученик ГПТУ и ученик слесаря машзавода, и раз вы пьяны, вы на грани преступления, которое можете совершить в любую секунду...

Вот почему с сегодняшнего дня на учете в детской комнате милиции будет состоять на два человека больше. И за вас, за вашу жизнь, за ваше человеческое достоинство теперь будут бороться милиция, общественные воспитатели, шефы-комсомольцы, товарищи по учебе и работе.

Потому что вам теперь без этого просто не обойтись. Вас нужно спасать, вытаскивать из трясины...

...В детскую комнату милиции Надя Сухочева зашла очень кстати. Понуро свесив голову, перед старшим инспектором ДКМ Трофимовой сидел старый знакомый — Сережа М.

— Вот в школу свою просится. А директор наотрез отказывается.

— Твердо решил в школу возвращаться? — спрашивает Надя.

— Твердо, — кивнул Сережа.

— Понимаешь, классный руководитель сама вызвалась быть у него общественным воспитателем. — Трофимова показала на бумаги. — А директор уперся — ни в какую...

— Ответственности боится, — понятно кивнула Сухочева. — Разводит бюрократию.

— Ладно, в школу свою ты вернешься. Обещаю, — сказала Трофимова. — А летом? Что будешь делать летом? Хочешь, на работу устрой?

— Да я бы не против...

— Почтальоном пойдешь? Интересная, между прочим, работа. С людьми все время...

Вот такие ребята, как этот Сережа, и состоят на учете в ДКМ. Разная у них, конечно, вина перед обществом, но у общества забота о них одна — поднять на ноги, не дать окончательно оступиться. Один попал на учет после уличной драки, другой — за пьянство, третий — за дебош на танцплощадке, четвертый — еще за что-то. На каждого из них хватило своей вины. А главная причина детской преступности все та же — неблагополучные семьи. И вот сидят инспектора ДКМ вместе с Надей Сухочевой и думают, что сделать, как помочь ребятам. Особенно неутюжимо в своем деле начальник ДКМ Нина Михайловна Нетецова. По любому вопросу Сухочева сразу к ней. Да и для Нины Михайловны комсомольский оперотряд — главный помощник в перевоспитании подростков.

В самом деле, какая работа в КОО наиболее сложна и в то же время наименее заметна по своей отдаче? Конечно, воспитание и перевоспитание трудных подростков. Многие члены отряда предпочитают

живое, энергичное дело (это и понятно — сразу видны результаты): пойти укрощать хулиганов и пьяниц или, например, отправиться в рейд вместе со старшим инспектором ОБХСС Александром Васильченко. Тут есть даже свои асы: Женя Моздакова, Витя Дякин, Люда Ковтыкова, Алла Дедловская, Саша Деревянкин. А вот воспитание подростков... тут нужен особый талант, особый душевный дар. И это хорошо понимает сама Надя Сухочева: не один подросток прошел через ее руки. Да, самое трудное — индивидуальное шефство над подростком. И здесь приходится вести огромную работу среди самих членов отряда, выскидывать талантливых воспитателей. Их ведь не то что отыскать, их открыть нужно. Но как?

...Родные стены МКИ. Из группы в группу ходит Надя Сухочева, рассказывает студентам о работе оперативного отряда. Лица первокурсников оживают, глаза разгораются. А что, интересно. Даже очень. Многие сразу хотят испробовать себя в рейде, на оперативном задании. Ну, а кто хочет взять шефство над подростком? Таких мало. Но вот встает девочка. Кто ты, такая хрупкая на вид, такая скромная? А это — совсем скоро — одна из лучших помощниц Сухочевой — Люда Криворучко. Не только дар щедрой и отзывчивой души откроется в ней, но и организаторский талант: ведь ныне она заместитель начальника штаба районного КОО.

До чего же смешная и чудная была ее первая встреча с подшефным подростком! Не она к нему пришла — сам он пришел, Володя Ч.

— Тебя воспитывать меня назначили?
— Почему воспитывать? — покраснела

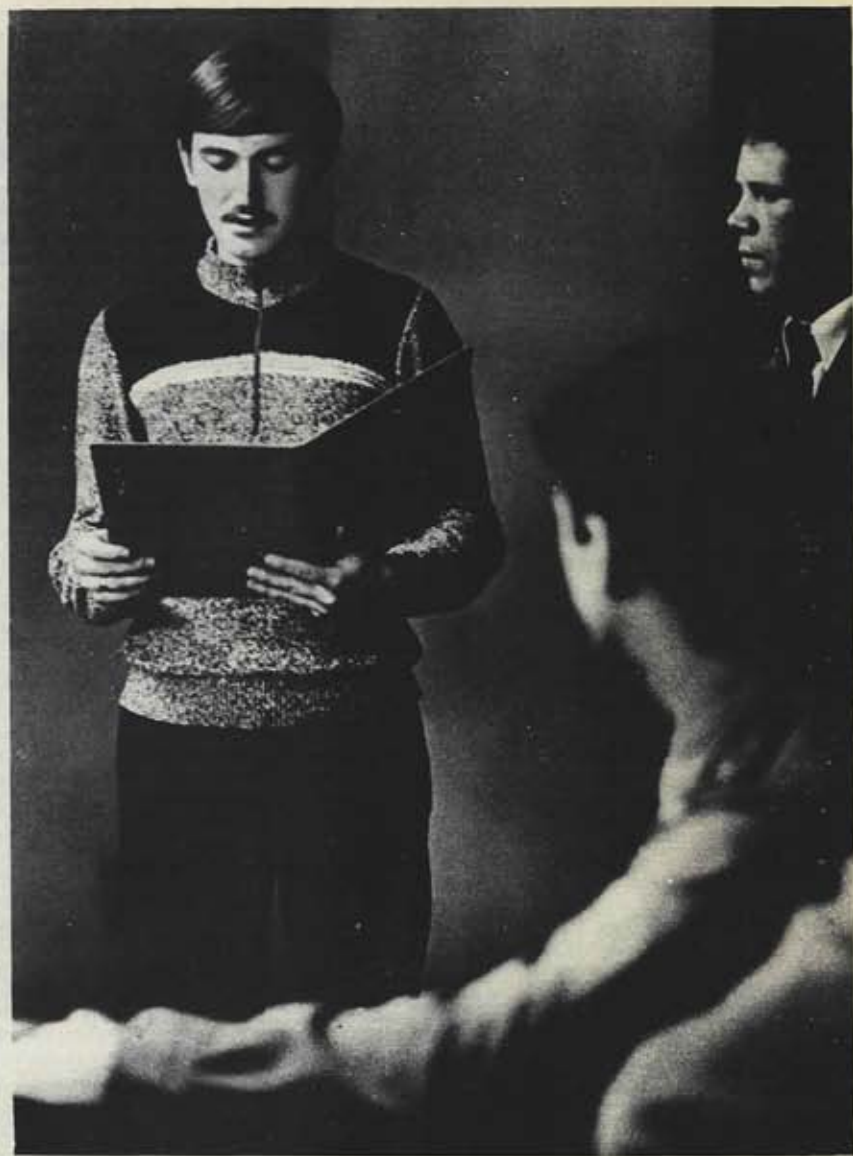
Люда. — Просто узнать захотелось, какой ты, о чем думаешь, о чем мечтаешь. Ведь мечтаешь же о чем-то?

— Так я тебе сразу и сказал...

Как же они нашли путь друг к другу? Главное, верит Люда, открыть в любом человеке Человека. Это самое интересное, что может быть в жизни. Думала: она богаче, сложнее, умней Володи, а оказалось: он не менее сложный, не менее умный, хотя и моложе ее. Парадокс, но именно Володя во многом обогатил Люду — обогатил ее знаниями о человеке, о его возможностях, о его скрытых драмах. Не хотелось быть «маленьким сыночком» — и вот уже «трудный подросток». Двойки в школе? Только чтобы наперекор. Непослушание, грубость, выходы со своим другом Сережей Б.? Только чтобы насолить. И вдруг девочка-студентка — наивная, прямая, серьезная. Но оказалось, именно ей-то и можно открыть душу. Если бы спросили другого бывшего трудного подростка — Володю Корябочкина: что особенно тебя подкупило в твоём шефе Люде Ковтыковой? — он бы не задумываясь ответил: она какая-то не такая, как все взрослые, она со мной на равных, не прикидывается, не сюсюкает, я ей верю, вот и все. И что может быть отрадней для шефа, чем просьба Володи после оперативного рейда: «Знаешь, Люд, а нам с Колей нельзя в ваш отряд?» В отряд пока нельзя, возраст маловат, но в ЮДМ (юный друг милиции) можно.

Значит, готовится пополнение для комсомольского оперотряда и из таких ребят, бывших трудных. Пожалуй, это и есть наилучшая оценка работы их шефов-воспитателей.

...— Последний вопрос заседания шта-

«Я ВСЕГДА ГОТОВ ВСТАТЬ НА ОХРАНУ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА...»

ба — прием в члены оперативного отряда. Миша, пригласи ребят! — Сухочева придвигает к себе стопку новеньких краснокожих удостоверений.

Комиссар отряда Кураков распахивает двери:

— Прошу!

Входят рослые, крепкие парни. Спокойные лица. Уверенные жесты. Непохожи на новобранцев. Впрочем, так и есть: прежде чем прийти сюда, они три месяца проходили испытательный срок, стажировались в отряде.

Что сказать этим ребятам в напутственном слове? Рассказать, как в муках и трудах рождался оперативный отряд? Как не хватало элементарного опыта? А ведь так и было — не раз и не два ездил Кураков в Москву, к студентам энергетического института, учился по крохам оперативному мастерству и организаторскому искусству. Все это было. Да. А теперь... а теперь уже к ним приезжают учиться — учиться работать. Отряд — это труд, большой, сложный. Ведь недаром их вожак Надежда Сухочева награждена медалью «За трудовое отличие». А может, рассказать ребятам, что жизнь в отряде — это не только труд, но и опасность, риск, смелость? Пусть узнают, как комсомолка Рая Соколова, зайдя на колхозном поле расхитителя народного добра, не задумываясь, бросилась к нему: «А ну, стой, паразит, ты что же это, а?!» «Уйди, добром прошу...» — по-змеиному прошипел мужик, блеснув серебристым лезвием ножа. «Ты же меня еще и пугать?!» — задохнулась от ярости Рая и схватила его за лацканы пиджака. И тут мужик полоснул ножом по левому ее запястью. Рванулся и побежал. Боли она не помнила. Только видела: он убегает. И сделала главное: выстрелила из своей «ижевки» в воздух. К ней на помощь рванулся товарищ по оперотряду Иван Лычагин... Вот

так это и было. А сегодня Рая сидит вместе со всеми, и на левой руке ее виден рубец от ножевой раны.

Так, значит, рассказать об этом? Впрочем, ребята уже давно знают историю своего отряда. Им нужно всего лишь короткое напутственное слово: «Мы верим в вас!» — да, нужно вот это короткое напутственное слово, прежде чем их начнут называть по фамилиям: Русаков Иван, Бабий Юра, Ерохин Сергей, Попов Евгений, Мамыкин Виктор... Прежде чем им вручат красные удостоверения бойца комсомольского оперативного отряда, прежде чем в торжественной тишине прозвучит их клятва:

«Я, член Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, вступая в комсомольский оперативный отряд, торжественно клянусь: быть честным, мужественным, дисциплинированным, строго хранить государственную тайну; клянусь бдительно охранять от преступлений социалистический правопорядок, отдавать все силы воспитанию человека коммунистического общества; твердо помнить, что сильнейшее наше оружие — убеждение; для меня всегда будут образцом люди с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками. Я всегда готов по приказу встать на охрану общественного порядка, исполнять обязанности в точном соответствии с требованиями комсомольского оперотряда, не щадя сил, а при необходимости и жизни. Если же я нарушу любую из этих заповедей, пусть падет на меня презрение моих товарищей».

Согласитесь: это клятва борьбы за человека будущего.

СЕМЕЙНАЯ СОБОРА

«Годы без войны» — роман большой, многоплановый. В 1975 году в журнале «Новый мир» была опубликована первая книга этого романа. Сейчас я работаю над второй книгой, которую по завершении точно так же намерен передать для публикации в «Новый мир».

Во второй книге читатели встретятся с уже известными героями: Арсением, Наташей, отставным полковником Коростылевым, молодым художником Митей Гавриловым, с Лукашевой и другими. Судьбы их будут продолжены. Но появятся в романе и новые люди, которые в первой книге были лишь названы, но не раскрыты, и прежде всего это — отчим Галины (первой жены Арсения) Аким Сухогрудов и его сын Дементий, который всю свою деятельность связал с освоением Западной Сибири.

В предлагаемом читателям «Смены» фрагменте из второй книги романа «Годы без войны» как раз и рассказывается о Дементии Сухогрудове, которому предстоит возглавить крупное и сложное строительство северной нитки газопровода.

Анатолий АНАНЬЕВ

тправив в Москву законченный проект северной нитки газопровода, Дементий Сухогрудов продолжал работать над ним, до полуночи засиживаясь за чертежами, мучая себя, семью и сослуживцев, которые помогали ему. При всем понимании важности дела, с каким все окружающие относились к нему, дома вот-вот должна была вспыхнуть та естественная для нынешних времен ссора, когда жена, Виталина, работавшая детским врачом в одной из поликлиник города и тоже часто допоздна задерживавшаяся по вызовам, готовилась, несмотря на все это, заявить мужу, что она существует и что существуют еще дети (пять лет назад она родила Дементию двух мальчиков-близнецов, в которых, как всем казалось тогда, он не чаял души), что ни утром, ни вечером мальчики не видят отца и не могут сказать, есть ли он у них, и что от матери (тещи Дементия) некуда уже деть глаза при такой жизни; нечто подобное назревало и в семьях сослуживцев Дементия, когда-то увлеченных, но уставших от дел, и много месяцев изо дня в день бесперебойно трудившаяся над проектом слаженная машина начала давать перебои, и, как обычно бывает в таких случаях, видели и понимали это все, кроме Дементия. Он знал только, что надо ему еще и еще сделать кое-какие уточнения, и ничего другого не хотел ни видеть, ни признавать; и только, может быть, этою своею волею сдерживал события, какие сгущались вокруг него.

Ранней весной, еще не вскрывались Обь и Иртыш, он решил предпринять еще одну, и последнюю, как заявил он, контрольную поездку по тем местам, где намечалось протянуть будущую северную нитку газопровода. Взяв с собой самых энергичных и способных, как он считал, помощников Кравчука и Луганского, рейсовым самолетом вылетел с ними в Тобольск, а оттуда — где на вертолетах, где на вездеходах — группа двинулась через тайгу и тундру к заполярному кругу. Поездка была затяжной и трудной и, в сущности, ничего не прибавила к тому, что было известно о будущей трассе; только еще лишний раз Дементий Сухогрудов убедился, что все проектные расчеты оказались верными; но именно это и было для него важным и радовало его.

Группа вернулась в Тюмень только к концу мая, когда всюду с полей уже сошел снег, река, рассекавшая город, очистилась ото льда и вдоль берегов густой щетиною зазеленела трава. Придавленно стоявшие всю зиму под снегом таежные ели тянулись к солнцу, на сотни верст насыщая все вокруг запахом смолы и хвои, коричневыми сережками цвели над заводями вербы, набухла цветом сирень, и клейковато лопались по утрам почки низкорослых сибирских берез. Когда Дементий спустился по трапу на асфальтированную площадку аэропорта, все эти запахи короткой весны и приближавшегося короткого лета сейчас же обступили его; как человек, перешедший из одного помещения в другое, в котором настает распахнуты в сад окна, он живо ощутил перемену и шагнул к машине неохотно и долго. От черной кромки тайги, что начиналась сразу за взлетной полосой, стелился над землей пронизывающий весенний ветер, и отворачивал полосу потертой за дорогу дубленки Дементия, и шевелил его отросшие (шапку он держал в руках), лишь ладонью приглаженные волосы; похожий на отца армейскою выправкой, несмотря на усталость, он весело оглядывал все вокруг, и с тонких, обветренных губ не сходила довольная улыбка. Худощавое лицо его было по-северному загорелым и поросшим русою и курчавившейся бородкой, какую, казалось, модно было отпускать сейчас; но у Дементия она выглядела естественной и как бы накладывала на его продолговатое и жесткое лицо доброе выражение. Он не придавал никакого значения тому, что носил бороду; просто так было удобнее при его частых разъездах и было уже привычно ему; и еще немало разных других мужичьих и осуждавшихся Виталиною привычек, но со студенческих лет упрощавших ему жизнь было у Дементия Сухогрудова.

Он ждал известий из Москвы (как будет оценен его проект) и звонил еще из Тобольска, справляясь, не поступило ли на его имя какой-либо телеграммы; теперь, из аэропорта, ему хотелось заехать в управление, к Жаворонкову, и он попытался было заговорить об этом с Кравчуком и Луганским; но, заметив, с каким неудовольствием было выслушано ими это его предложение, сказал только: «Что ж, по домам так по домам». И молча затем всю дорогу смотрел на шоссе и на все то, что открывалось взгляду за стеклом машины. Чувство весны, какое он испытывал, сойдя с самолета, солнце, зелень и небо, прозрачной голубиной сейчас же начинавшееся от горизонта, куда он смотрел, и сознание того, что он едет домой, к Виталине и детям, о которых за суетою дел там, на трассе, некогда было думать ему (но о которых теперь думал с удовольствием и с

той удвоенной нежностью, какая за все эти недели снежных переходов накопилась в нем), и, главное, общее настроение успеха, какое вынес он из контрольной поездки, — все это, сгустившись и перепутавшись, слившись как будто в одном радостном ощущении пришедших весны и лета, возбуждало Дементия и заставляло его молчать и, тихонько радуясь, смотреть перед собой.

Распровавшись с Кравчуком и Луганским, он все же решил завернуть в управление, и предчувствие, что что-то о проекте пришло из Москвы, не обмануло его. Как только он, сбросив дубленку в приемной, вошел в кабинет к Жаворонкову, тот сейчас же протянул ему телеграмму, в которой сообщалось, что проект северной нитки газопровода одобрен в министерстве и передан в правительство на утверждение и что руководитель проекта срочно вызывается в Москву.

— Полагаю, — сказал Жаворонков, — северной трассе придадут большое значение, и не исключена возможность, строить начнут быстро и вестись строительство будет эффективно. И, по-моему, если чутье не изменяет мне, — тут же добавил он, — руководить этим делом хотят поручить вам.

— Почему мне? — спросил Дементий.

— Во всяком случае, обком запросил на вас представление, и, полагаю, не для себя. Вы что, боитесь?

— Нет.

— А что вас смущает?

— Как-то неожиданно, сразу...

— Не сразу... не сразу... И это еще только мое предположение. Поезжайте в Москву, вас там ждут. — И он мягко и уважительно, как он всегда умел делать это, пожал Дементию руку.

XI

Жил Дементий не в многоэтажном доме, а в бревенчатом особняке, предоставленном ему еще в те годы, когда он только приехал в Тюмень. Выстроенный каким-то изпманом на крутом берегу Туры, подновленный и переоборудованный затем под благоустроенную квартиру, особняк был удобен. Из окон, которые Виталина по своему пристрастию к кружевам и прозрачным тканям всегда держала под тюлевыми занавесками, была видна излучина реки, менявшая очертания и краски в разное время дня и года, и видны были пристань и судоремонтный завод, в затоне возле которого скапливались, особенно к осени, и терлись бок о бок заходявшие с Иртыша и Оби баржи, буксиры и теплоходы. Зимой через замерзшую и запорошенную снегом Туру протоптавались тропинки, соединявшие, как нити, правобережную и левобережную стороны города; весной же, когда вскрывалась река, по ночам в особняке было слышно, как трещал, лопаясь под напором талой воды, лед, и теща Дементия Анна Юрьевна, просыпаясь, включала свет и ходила по комнатам. Лед рвали затем у мостов, и взрывы и крики людей тоже были слышны в особняке, так приятно всегда напоминавшем Дементию отцовский дом в Полянковке.

Может быть, именно потому, что большую часть времени Дементий проводил либо в поездках по тайге, либо в своем рабочем кабинете с огромными, из сплошного стекла окнами и тяжелыми чертежными столами, что-то шемяще тревожное всякий раз возникало в нем, когда после долгой командировки он возвращался домой. С какою-то почти юношеской нетерпеливостью, как только машина сворачивала на знакомую улицу, он сейчас же наклонялся вперед, чтобы увидеть все то — ограду, крыльцо, крышу, — что было родным и было дорого ему; но, несмотря на желание поскорее встретиться с женой и детьми, он выходил из машины, однако с той сдержанностью, какая была присуща ему во всем, и прежде чем обвить Виталину, несколько мгновений стоял, опустив чемодан или портфель на пол и лишь приготовив для объятия руки. Ему доставляли удовольствие эти секунды, пока он смотрел на жену, видя перед собою ее лицо и светлые волосы и улавливая в спокойных глазах ее то почти незаметное выражение счастья, какого всегда бывало достаточно для Дементия, чтобы в момент, когда он переходил от мира служебных дел и отношений к миру семьи, не растерять ему того чувства удачи, за что он ценил жизнь и что давало ему силы и напряженно работать и бездумно и счастливо как будто, как он считал, любить жену и детей. Он редко видел Виталину в белом врачебном халате и белой шапочке, только когда по случаю заезжал за ней в поликлинику; но, может быть, потому, что знал, что она любила свою работу, жила ею и постоянно с увлечением говорила о ней, в сознании Дементия хранился именно этот, в белой

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

врачебной одежде, образ Виталины, и когда он вспоминал о ней, в нем сейчас же возникало ощущение чистоты, не стерильной и отталкивающей, а другой, какая обычно отличает умных и порядочных женщин и выдает в них ту не для всех привлекательную строгость в семейных и во всех иных делах, какую Дементий с детства всегда наблюдал в отце и признавал образцом жизни. Виталина никогда не надевала ничего яркого, что было бы вызывающе и кричало на ней, и носила платья, кофты и юбки того покроя, в котором в меру еще оставалось что-то от ушедшей моды и в меру было что-то от наступающей, лишь обретавшей права, и в этой тяге к срединности, в боязни как будто недолить или перелить через край опять живо проявлялось все то же строгое ее отношение к жизни, как понималось ею (и понималось Дементием, хотя и не всегда он придерживался этого правила) достоинство человека.

Лишь одну прощавшуюся мужем, а скорее не замечавшуюся им вольность разрешала она себе; ей казалось, что было что-то неприятно-пергаментное в ее до голубизны ослепительно белой коже на лице, и потому по утрам она не любила, чтобы на нее смотрели; но когда она выходила к столу — кухня всегда оставалась в распоряжении матери, Анны Юрьевны, — подкрашенные и напудренные щеки ее были смуглы, и в голубых глазах с подведенными разрезами еще сохранялась та живость, с какою она, причесываясь и убираясь, разглядывала себя в зеркале. Но Дементий редко всматривался в ее лицо; ему всегда важно было лишь то общее впечатление, какое производила на него Виталина, и красота ее глаз, и смуглость щек, и кружевные воротнички вокруг белой шеи, какие она носила, были для него только подробности, которые сами по себе ни о чем не говорили ему; главное, что он любил (вернее, ценил) в Виталине, был тот близкий и понятный ему ее душевный мир; внешне как будто непокорная и взрывная, в глубине своей она была женщиной терпеливой и сердечной, и Дементий знал, что при всяком ее неудовольствии стоило только улыбнуться ему, или посмотреть на нее ласково, или просто сказать несколько успокаивающих слов, как сейчас же все как будто становилось на свои места и за ним опять признавалось право засиживаться допоздна за чертежами и уезжать надолго в тайгу. Ему было спокойно и уверенно жить с Виталиной, и он не мог представить, чтобы что-то вдруг изменилось в его домашних делах; те дни, когда он, познакомившись, гулял затем с ней по тихим улицам Тюмени, были далеко позади, как позади было то время, когда в особняке, в котором он жил с нею теперь, в комнатах стояли только кровать, стол и несколько стульев; но так как он лишь любил дом, но не занимался им, все приобреталось Виталиною и было в тех же сдерживающих тонах, вполне соответствовавших ее суждениям об интеллигентности и приличии.

В семье Сухогрудовых, впрочем, как и во многих других современных семьях, не было того четкого и привычного для русских людей разделения, когда во главе всего становился муж; и Виталина, и ее мать, Анна Юрьевна, и Дементий — каждый из них по-своему был убежден, что именно он ведет и направляет все в доме: Виталина — тем, что все подчиняла своему вкусу в убранстве комнат, Анна Юрьевна — тем, что готовила завтраки и обеды и вела, как она говорила, все

хозяйство, Дементий же — тем, что поддерживал весь этот достаток; но на самом деле в центре всей их семейной жизни были дети, близнецы Сережа и Ростислав, доставлявшие и радость и хлопоты, особенно Анне Юрьевне, которая изо дня в день толкалась с ними в доме. Такая же светловолосая, как и дочь, и точно так же носившая неяркие платья (и еще более, чем дочь, любившая, чтобы все в комнатах стояло на своих местах, не двигалось и не захватывалось руками), она с охотою, как только родились у Виталины мальчики, вызвалась помочь дочери; она уволилась с работы, хотя до пенсии оставалось чуть больше года, и, давно отвыкшая от домашних дел, накупив фартуков и халатов, принялась за хозяйство, и кухня и детская, сразу же определившие круг ее забот, постепенно так изменили Анну Юрьевну, что прежние знакомые уже не всегда узнавали ее. От того дня, когда Дементий впервые увидел свою будущую тещу, не по годам молодую и ухоженную (она работала тогда машинисткой в облисполкоме), и до этого, какую стала сейчас — с располневшим лицом и красноватыми от воды руками, — лежали годы, когда и Виталине и Дементию надо было укрепляться, выходить в люди, и они нуждались в помощи матери; но по той простой логике, что всякая высота, достигнутая человеком, есть только точка отсчета для нового движения, в еще большей степени эта помощь по дому нужна была им теперь, и Анна Юрьевна постепенно начала привыкать к мысли, что, пока не вырастут внуки, никакого облегчения для нее не наступит. Она все реже вспоминала, как работала в облисполкоме, и прежде красивые, всегда с темным маникюром пальцы ее, знавшие только клавиши облисполкомовских машинок, выглядели уже старчески неуклюжими, костлявыми и были заметно изъедены порошками и мылом: чистота, так любившаяся ею (и любившаяся дочерью), как видно, не просто давалась ей. Но для Виталины и особенно для Дементия все происшедшее с Анной Юрьевной было незаметно и представлялось обычным, естественным течением жизни; главное, всегда вовремя подавались завтраки и обеды, и было свежее белье на кроватях, и мальчики росли крепкими и веселыми; маленькие, будто катавшиеся по полу колобки, они представлялись Дементию необыкновенными; он бывал с ними час или два, отлекаясь от своих дел, брал на руки, возил на спине, и эти шумные встречи с сыновьями надолго затем оставались в его памяти. Если когда в поездках он вспоминал о доме, то прежде всего перед ним вставали именно эти картины, как он забавлялся с детьми, и при всем понимании важности своей работы — для людей, для государства — в нем вдруг просыпалось то как будто эгоистическое чувство, что старается он для сыновей, и он казался себе счастливым, что было ему ради кого стараться и жить.

XII

Сразу же от Жаворонкова Дементий поехал домой; но вопреки ожиданиям (и будто в противоположность приподнятому настроению) ни Виталина, ни дети, ни Анна Юрьевна не вышли встретить его. Дети играли во дворе, за домом, и не

видели отца; Анна Юрьевна, еще с утра заметившая по дочери, что в доме возникает неладное, сказала нездоровой, легла на кушетку и грелась теперь под клетчатым мохеровым пледом, а Виталина, хотя сегодня был у нее неприемный день, собралась и ушла в поликлинику и затем отправилась навещать больных. Она не думала ни ссориться, ни расхотеться с Дементием, но ей хотелось хоть чем-то дать почувствовать ему, что точно так же, как он забывает о семье, семья может забыть о нем, и она заранее видела то выражение лица, с каким он, ступив на порог, спросит у матери: «А где Лина?» То, что она заставляла теперь неприятно волноваться мужа, отзывалось в ней мучительным вопросом: справедливо ли это, и должна ли она так поступать? Но в сознании сейчас же поднималось все пережитое и передуманное ею, особенно за эту последнюю его поездку, когда он не только ни разу не позвонил, но и не написал ей ни одного письма, и она, встревоженная этим молчанием, как дура (как думала она теперь), кинулась в управление узнать, не случилось ли что с ним. Ей стыдно было признаться перед сослуживцами Дементия, что он ничего не написал ей, и она не могла простить ему этого; роль нелюбимой и забытой жены, какую она постоянно все эти дни в мыслях отводила себе, вызывала в ней боль, от которой некуда было деться; на работе, когда она ходила по вызовам, она с завистью смотрела на чужие семьи, в которых все, как она считала, было правильно и по-людски, совсем не так, как у нее. Дома, когда, уложив детей и поговорив с матерью (и молча посидев затем перед телевизором), направлялась в спальню, одиночество становилось особенно нестерпимым. Она привила читать, лежа в постели, и только за полночь, наконец, забывалась тяжелым, как будто придавленным сном. Она чувствовала, что дурнела и что молодость уходила от нее; по утрам лицо ее было помпезным и бледным, и когда она затем, поспутившая и освежившая перед зеркалом, садилась завтракать, ловила на себе неприятные взгляды матери, которая будто с насмешкою хотела спросить у нее: «Прихорашиваешься, а для кого? Да у него давно уже есть на кого смотреть». Весь день после этого Виталина находилась под впечатлением материнских взглядов. Она не хотела верить, чтобы Дементий, который был так близок к ней, мог спутаться с другой женщиной (в раздражении она употребляла уже это слово «спутаться», не замечая, как неинтеллигентно и грубо звучит оно). Но постуки мужа все более представлялись необъяснимыми, а в сознание ее постепенно как бы вкладывалось именно это усиливавшееся намеками матери подозрение, что все может быть, и она думала, что не перенесет этого ужасного, если все обнаружится, и не сможет смотреть в глаза людям. Прежде неизвестное (и не вполне, впрочем, осознававшееся ею теперь), в ней поднималось то ревнистое чувство, о существовании которого она никогда не подозревала в себе, и чувство это как будто подталкивало ее к каким-то противоестественным и безумным поступкам. В душе ее происходил тот процесс самовозгорания, какой идет в подпочечном стогу сена, когда, только разбросав стог, можно обнаружить, что происходит в нем, и только подсушив, остановить процесс; но все попытки ее поговорить с Дементием заканчивались ничем, она чувствовала себя безоружной перед его словами и перед успехами, какие приходили к нему.

У нее, в сущности, не было ничего, в чем бы она могла уличить мужа, было только неведение, и это неведение как раз изнуряло и мучило ее. Но иногда ей казалось, что она понимала Дементия: он весь в работе и делает и себе и семье жизнь и благополучие; но понимание это сейчас же наталкивалось на самую простую истину: а для чего посты, для чего благополучие, если нет обыкновенного человеческого счастья? «Уж лучше жить за каким-нибудь простым человеком», — говорила она себе, в то время как на самом деле ей хотелось этого благополучия, какое приносила работа Дементия, и обычного женского счастья, от которого она не представляла, как можно было отказаться ей.

С подчеркнутым вниманием, словно, кроме работы, и в самом деле ничто другое не интересовало ее, прослушивала она своих маленьких пациентов, задирая им рубашонки, разговаривая с родителями и выписывая рецепты, и как только выходила из одной квартиры, сейчас же направлялась в следующую (где точно так же накануне была по вызову), и переносила с собой все свои разрозненные теперь мысли о Дементии и жизни с ним; она переживала, что не осталась встретить его, но вместо того, чтобы вернуться, то и дело говорила себе, что все равно изменить уже ничего нельзя, и что пусть что будет, то будет, и как прыгун, неудачно оттолкнувшийся от вышки, жила лишь ощущением неминуемо приближавшегося удара... Она не хотела скандала, после которого, как она думала, невозможно будет жить вместе, но и не в силах была приостановить событие, которое уже набирало инерцию, и, поглядывая на вечеревшее над городом небо, вместо того, чтобы идти домой, отыскивала в памяти новые и новые адреса больных и шла к ним, с тем сосредоточенным выражением, какое, когда она снимала плащ и оставалась в белом врачебном халате, было как будто и объяснимым и понятным в ней.

— А где Лина? — живо спросил Дементий (произнеся именно то, что и предполагала Виталина), как только, войдя в комнату, увидел, что никто не встречает его и что лишь в глубине, на кушетке, зашевелилась под пледом Анна Юрьевна.

Она неторопливо поднялась и с каким-то будто старческим, как показалось Дементию, безразличием проговорила:

— А, приехал.— И принялась одергивать на себе халат и поправлять сбившиеся волосы.

— Лина где? — переспросил Дементий, от порога вглядываясь в равнодушное и отечное ото сна лицо тещи.

— Ушла... Где ей быть?

— А Сережа? Слава?

— Во дворе.

— Живы-здоровы?

— Что им делается?

— Тогда отчего такое панихидное настроение? — спросил он.

Он прошел на середину комнаты и, бросив к ножке стола дорожный портфель, раздутый от скомканного в нем грязного белья, весело посмотрел вокруг; после настроенности, когда ему вдруг показалось, будто что-то случилось за время его отсутствия в доме, он снова был весь во власти неподвижного настроения; несмотря на то, что он как будто спешил увидеть Виталину и сыновей и мимолетно как будто думал о них, мир служебных дел и забот настолько сильно сидел в нем, что даже теперь, когда вокруг были не безмолвные на сотни верст просторы тайги и хлопающие на ветру стены палатки, не чертежные столы и сосредоточенные лица сослуживцев, а то домашнее, что всегда заключает в себе совсем иной круг желаний и чувств, он, в сущности, продолжал жить той своей устремленной к одной цели (к работе) жизнью, которая, как снежный ком, чем больше он ездил (и чем больше добивался успехов), тем плотнее как будто наслаивалась на нем. Ему не столько хотелось сейчас обнять Виталину, сколько сказать ей, что поездка была удачной, что проект одобрен и что завтра же надо

лететь в Москву. Ему хотелось сделать Виталину соучастницей своей жизни, как это бывало всегда прежде, когда после очередной командировки он возвращался домой; но именно это, что давно уже было как будто привычным и естественным для Дементия (разговор о своих делах), он чувствовал, было сейчас отобрано у него, и он должен был чем-то другим занять себя. Поглядывая то на хрустальные вазы и белые кружевные салфетки под ними, украшавшие полированную плоскость серванта, то на Анну Юрьевну, которая, как ему казалось, все еще никак не могла до конца очнуться ото сна, он думал, не позвонить ли сейчас Кравчуку и Луганскому («Надо же им сказать о телеграмме из Москвы») и не сходить ли пока в баню, в парную («На чердаке должны быть еще березовые веники»), или не поговорить ли с тещей, разговор с которой, впрочем, редко когда теперь удавался Дементию. Но вместо всего этого как был в дубленке, которую еще не успел снять с себя, он направился к окну и, отвернув тюлевую занавеску и увидев игравших в саду сыновей, раскрыл окно и радостно крикнул им:

— Сережа! Слава!

— Вышел бы, зачем комнату настужать? — недовольно проговорила Анна Юрьевна.

— Ничего, натопим, — отозвался Дементий.

Он проследил взглядом, пока мальчишки пробежали по саду, а когда голоса их и топот посылались в коридоре, светлея всем своим обветренным бородастым лицом, шагнул к двери. Он поднял сыновей на руки и, говоря им: «Соскучились без отца-то? А потяжелели, а подросли», — несколько раз прошелся с ними по комнате. Сыновья были похожи на мать, оба светловолосые, голубоглазые и, как все близнецы, удивительно напоминали друг друга; в подстеженных вельветовых куртках, в одинаковых ботинках и шапочках, они одинаково счастливо смотрели сейчас на отца и улыбались ему, оголяя по-детски редкие, сохранившие еще молочную белизну зубы.

— Ну-ка признавайтесь, кто из вас Сергей, кто Слава, — продолжал Дементий, опустив сыновей на пол, присев на корточки возле них и вглядываясь в их счастливые лица. Он знал, что это было приятно им (им каждый день все в доме твердили, как они похожи; и когда хотели поругать и когда приласкать), и Дементий с удовольствием делал теперь то, что было приятно детям. Он давно научился различать их; у Славы, что был сейчас по правую руку и ближе к оконному свету, за редкими волосенками над ухом выделялась небольшая коричневая родинка, которая, когда его подстригали, становилась особенно заметной; прismoтревшись и отыскав ее глазами (точно такая же и над тем же ухом была и у Виталины), Дементий снял с Ростислава легкую, весеннюю с козырьком шапочку и ладонью ласково погладил его по голове; затем точно так же приласкал Сергея.

— Да, мужики, а подарки? — неожиданно как будто вспомнил он.

Сняв, наконец, мешавшую ему дубленку, он подтянул к себе дорожный портфель и, порывшись, достал из него две пары расшитых детских варежек из оленьего меха.

— Это тебе, держи! А это тебе, — сказал он, первым подавая Ростиславу, хотя тот стоял дальше, потом Сергею.

Варежки были куплены у ненецких оленеводов, в поселке, куда вместе с Кравчуком и Луганским затнала его разбушевавшаяся по тундре пурга. Он тогда подумал, что Виталина непременно одобрит его покупку — и подарок и вещь, — и он невольно теперь посмотрел вокруг себя, как бы отыскивая ее глазами.

— Разве вам не позвонили из управления, что я прилетаю? — словно бы между прочим сказал он Анне Юрьевне, возле которой толклись сейчас внуки, наперебой старавшиеся показать бабушке свои обновки.

— Звонили, как же.

— Лина знала?

— Да сама она и разговаривала с ними.

— Когда она придет? Она что сказала, когда уходила? Что там за срочные такие дела?

— Это уж ты сам у нее спроси, — ответила Анна Юрьевна.

Когда она наклонялась к внукам, она казалась оживленной и доброй; когда же поворачивалась к Дементию, доброта сейчас же словно угасала в ее глазах, и было заметно, что она не хотела разговаривать с зятем. Она была чем-то недовольна, и Дементий уловил это еще с первых минут, как только вошел и увидел ее, но, никогда не умевший вникнуть в мир домашних дел настолько, чтобы понять причину, отчего теща иногда бывала вдруг недовольна им (он привык только к тому, что точно так же, как неизвестно отчего недовольство появлялось у тещи, так же неизвестно отчего исчезало), он и теперь, лишь чуть поморщившись от общего неприятного ощущения, что что-то противоположное его настроению происходит в доме, перевел взгляд на детей и опять присел на корточки, едва только Ростислав, чувствующий большее расположение отца к себе, подошел к нему. Глада сына по голове, Дементий вновь невольно как бы наткнулся взглядом на коричневое пятнышко, выделявшееся у самых корешков светлых волос. Он вспомнил, как он смотрел на родинку Виталины в первые дни, когда только женился на ней (и когда все в ней было для него удивительным), и то давнее нежное чувство к ней шевельнулось у Дементия. Он никогда не думал, что забывал о Виталине или хоть чем-то обидел ее, но в сознании постоянно, то обостряясь, то затихая, жило беспокойство, будто он или что-то не дает жене, или что-то отнимает у нее ради своего дела, и это чувство недоуверия он часто переносил на Ростислава, более, чем Сергея, лаская и балуя его.

— Велики? Не беда, — говорил он, подтягивая к себе светлую головку сына и прижимаясь к ней щекою.

XIII

Дети вскоре, побросав варежки, убежали во двор играть, Анна Юрьевна пошла на кухню, чтобы приготовить зятю поест (что она делала без удовольствия, чувствуя себя и в самом деле больной и разбитой), и Дементий остался в комнате один. В противоположность отцу он не любил уединения; ему нужно было поминутно с кем-то общаться, что-то говорить и что-то слушать; обычно никогда не высказывавший до конца то, о чем думал и что тревожило его, он приспособился быть одиноким среди людей и тяготился, когда не чувствовал возле себя хоть сколько-нибудь шумного окружения.

Чтобы не томиться ожиданием, пока придет Виталина, он поговорил по телефону с Кравчуком и Луганским, затем, достав с чердака березовый веник, отправился в баню, которая была недалеко от дома. Длинноногий и костлявый, как все в сухогрудовской породе, подобрал волосы под прозрачный целлофановый берет и забравшись на самый верхний полок парной, он с усердием отхлестывал себя веником, чувствуя, как приятно и жестко ложатся на тело ожоги; весь красный, исхлывший горохами чистого банного пота, он вставал под

душ и снова забирался на полку, теряясь среди таких же потных, красных и изгибавшихся в сухом горячем пару мужских тел; вокруг него были люди, шум, движение, хотя Дементий почти ни с кем не перебросился словом, время пробежало для него быстро, он был доволен, что пришел сюда, и когда, поостыв и выпив кружку жигулевского пива с солеными сушками (что он всегда разрешал себе после бани), вернулся домой, был в том же приподнятом настроении, как и тогда, когда выходил из кабинета Жаворонкова. Он удивился, что Виталины все еще не было, хотя уже вечерело и за окном, по изгибу Туры, рябью перекатывались багряные краски неспешного северного заката.

По стрелно, отбрасывая от кормы углом расхлывшиеся волны, вытягивал к причалу огромную баржу маленький и казавшийся розовым речной катер, и Дементий, задержавшись у окна, на минуту почувствовал, как натянуты были соединявшие баржу и катер тяжелые буксирные тросы.

Сыновья уже сидели перед телевизором, Анна Юрьевна пила чай, пристроившись за столом на кухне. Она поднимала чашечку вместе с блюдцем, чтобы отпить глоток (и чтобы, главное, подчеркнуть свою как будто в каждой клеточке сидевшую интеллигентность), и когда Дементий вошел к ней—сейчас же спросила, не хочет ли он выпить чайку после бани, но так и не шевельнулась, пока не допила из своей чашечки и не доела густое смородиновое варенье из розетки. Но она уже не была так мрачна, как прежде; чай, варенье, розовое и как будто помолодевшее после бани лицо Дементия, его спокойный тон, каким он говорил, обращаясь к ней, как и всегда бывало с Анной Юрьевной, благотворно, успокаивающе действовали на нее; не следя за собой и забываясь, она незаметно начала втягиваться в пространный, когда почти все время звучал только ее голос, разговор с зятем.

— Что бы там ни толковали,— говорила она,— а я скажу: благороднее раньше люди жили, домовитее, по крайней мере... Взять нашу семью, нас у отца двенадцать душ было.

Когда Анне Юрьевне хотелось что-либо доброе или назидательное сказать зятю, она обычно начинала вспоминать о том, как жила она в по-крестьянски большой и дружной («По тем-то трудным временам!»—добавляла она) отцовской семье. И хотя отец ее никогда не был крестьянином, а брал в подряд сдававшиеся барские угодья и на посевную и уборочную нанимал по хуторам сезонных рабочих, Анна Юрьевна всегда рассказывала о нем, как о простом деревенском человеке, выделяя те стороны его характера — «Откуда бы ни ехал, а гостиниц каждому, что бы ни задумал сделать, никого не забудет!»—какие были близки ей самой и к чему нельзя было, как ей казалось, не относиться с одобрением. Когда же она бывала недовольна зятем или когда на нее вдруг находило особое желание показать себя женщиной интеллигентной, вспоминала исполком, где самые ответственные документы, как уверяла она, всегда поручали печатать ей, и вспоминала мужа, отца Виталины, который был, как она любила подчеркивать, хозяйственником (он погиб на Карельском перешейке во время финской войны), и эту уже свою жизнь с еще большей гордостью подавала зятю.

— Двенадцать душ! Всех надо было накормить, одеть, обути, каждому сказать ласковое слово да и направить каждого в жизни. Какой уж был, и расписаться толком не умел, а нас все старался не куда-нибудь, а в гимназию: «Учитесь, выходите в люди». И учились и вышли в люди. На Илье вон сплавконтора, да и сестры: что Вера, что Тася,— говорила Анна Юрьевна. Она никогда не перечисляла всех сестер и братьев, и чаще, чем о других, любила вспоминать об Илье, который был младшим, двенадцатым в семье и вырос будто бы, как она утверждала, у нее на руках. Он недавно вместе с женой, Полиной, приезжал с низовой Оби в Тюмень и гостил у Анны Юрьевны.— Вот уж кто весь в отца, и характером и умом,— восхищалась она.— Сына в Москву отправил учиться, а дочь собираются отправить в Ленинград... Да и Полина, сколько мы тут с ней слов перетолкли, так довольна мужем, так довольна, а ведь Илья тоже дома почти не сидит, контора-то конторой, а сплавщики по всей Оби и по притокам, так что поездок хватает, а в семье лад да совет...

— Ну что же, я рад за Илью, очень рад,— улыбаясь, проговорил Дементий. Он пил чай и опять был весь разгоряченный и красный, будто только слез с полка, по лицу и шее стекали крупные светлые капли, и он вытирал их поданным тещею полотенцем.

— Что ни слово, то и вспомнит о доме, а ведь и Полина рядом,— между тем продолжала Анна Юрьевна.

Она говорила о том, над чем как будто надо было задуматься Дементию; но он то и дело мысленно возвращался к разговору с Жаворонковым и ко всему тому, что было связано с проектом и предстоящей поездкой в Москву, и никак не мог проникнуться беспокойством, какое старалась внушить ему Анна Юрьевна; для нее важным было это, семейные дела, что составляло смысл ее повседневной домашней суеги, для Дементия — разработанный им проект газопровода, строить который, возможно, поручат ему. Он чувствовал открывавшуюся перед ним новую перспективу и не мог не думать о ней. Давно привыкший к сдвоенной на людях жизни (и слушать и размышлять о своем), поджимая теперь в улыбке тонкие, как у отца, губы, он весело поглядывал на тещу и лишь время от времени, помня, что вот-вот должна подойти Виталина, чуть откидывался от стола и поворачивал голову к двери, прислушиваясь, не раздадутся ли за нею шаги. Но мягкий и непривычно растроганный голос Анны Юрьевны сейчас же вновь возвращал его.

— Уж Илью-то мы все любили,— говорила она.— Кому что сделать, когда уж он подросток, сейчас же: Илюша, Илюшенька! Он и войну честно отвоевал, от первого дня до последнего.

— Положим, честность—это не заслуга, а естественное состояние человека,— возразил Дементий.

— А что же заслуга? Которые по тылам отсиживались?

— Кто отсиживался, а кто и работал.

— Нет уж, извини! Я при исполнении была и всякого насмотрелась. Это теперь все как будто равны, был, не был, раз голова седая, значит, и фронтовик, а ты Илью спроси. Он тебе скажет, что на что меряется! Уж кому-кому, а ему как ты не поверишь?

В середине этого разговора, разбивая его, вбежали дети, и Дементий, скомканно кладя перед собою на кухонный стол (к неудовольствию тещи) махровое полотенце, которым только что вытирал пот с лица и шеи, потянулся к сыновьям, чтобы обнять их.

— Ну, будущие московские студенты,— шуточно проговорил он и живо и весело посмотрел на тещу.— Придется-таки отправлять вас в Москву, а?—Он еще посидел на кухне, пока сыновья допивали налитое им молоко, и потом, уже не возобновляя разговора с Анной Юрьевной, ушел с детьми в большую комнату, откуда тотчас же послышался шум и веселая возня...

Окончание следует.

НОВОЕ ИМЯ

Александр БОГОМОЛОВ

Александр Богомолов... Новое имя. А новое имя в поэзии всегда должно привести вслед за собой и новые мысли, впечатления, новые открытия. Все это, на мой взгляд, есть в стихах А. Богомолова.

Здесь напечатано несколько стихотворений молодого автора, а я читал много его стихов и могу сказать: этому еще начинающему, страстно влюбленному в литературу и в жизнь поэту есть чем поделиться с нами. Некоторые строки, быть может, покажутся несовершенновыми, но и за ними тоже искренность чувств, волнение за судьбы друзей и за судьбы мира, желание подарить людям добро.

Александр Богомолов впервые выступает в печати.

Хотелось бы, чтоб когда-нибудь я взял в руки этот номер «Смены», пожелтевший от времени, и мысленно воскликнул: «Вот оно—начало пути, который оказался счастливым для самого автора и для его читателей. Теперь уж можно точно сказать: давая свое напутствие, я не ошибся!»

Пусть сбудется это желание.

И пусть поэтический путь Александра Богомолова будет именно таким—прямым, честным, талантливым!

Сергей МИХАЛКОВ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии
и Государственных премий СССР

Отец вспоминает

*Заблудилась в порыве неведомом
В озорном соловьином краю
Деревушка с названием Ведуга...
Я ее безгранично люблю.*

*Старики погибали и дети...
От беды заболела земля.
У дороги пустынный ветер
Обгоревшие гнул тополя.*

*Старый дом наш—и речка маленькая,
Что уходит вдаль камышами.
В нем живет моя очень старенькая,
Удивительно добрая мама.*

*Руки правды тянулись к победе,
Поднимались ее сыновья.
За соседа вставали соседи,
Верность Родине свято храня.*

*Там в тиши мои души заветные
Наряжались в счастливые сны—
Беззаботные, чистые, светлые...
В ту весну, накануне войны.*

*День пришел—дорогой, незабвенный...
К нам на землю вернулась весна.
И улыбкой проникновенной
Озарила родная страна...*

*Жизнь метнулась, ненастьем отмеченная,
Сквозь пожары, тревоги и боль.
И однажды холодным вечером
Старший брат не вернулся домой.*

*Где-то старость крадется недругом,
Но и ей у меня не отнять
Деревушки с названием Ведуга...
Там живет моя добрая мать.*

Первое мая

*Первое мая. Веточки солнца
В вазе стоят голубой.
Свежестью терпкой лесного колодца
Смотрят глаза мостовой.*

*Еду к тебе, и ночные виденья
Тают в вагонном окне.
Свет полустанка, холодные тени,
Шум голосов. Как во сне...*

*Люди на улице—вышли на праздник.
Ветер качает слова.
Взмахом невидимым множество разных
Красок смешала весна.*

*Где-то бездомные фары машины
Ржут тревожную мглу,
Чуть наклоняются елей вершины,
Словно кого-то зовут.*

*Алое чудо застыло в мгновении,
Чувства—в глубоком цвету.
Утро московское—словно вступление
В счастье, любовь и мечту.*

*Ветром восточным по снежному полю
Рвется навстречу январь.
Завтра с надеждой счастливой рукою
Новый начну календарь.*

Море

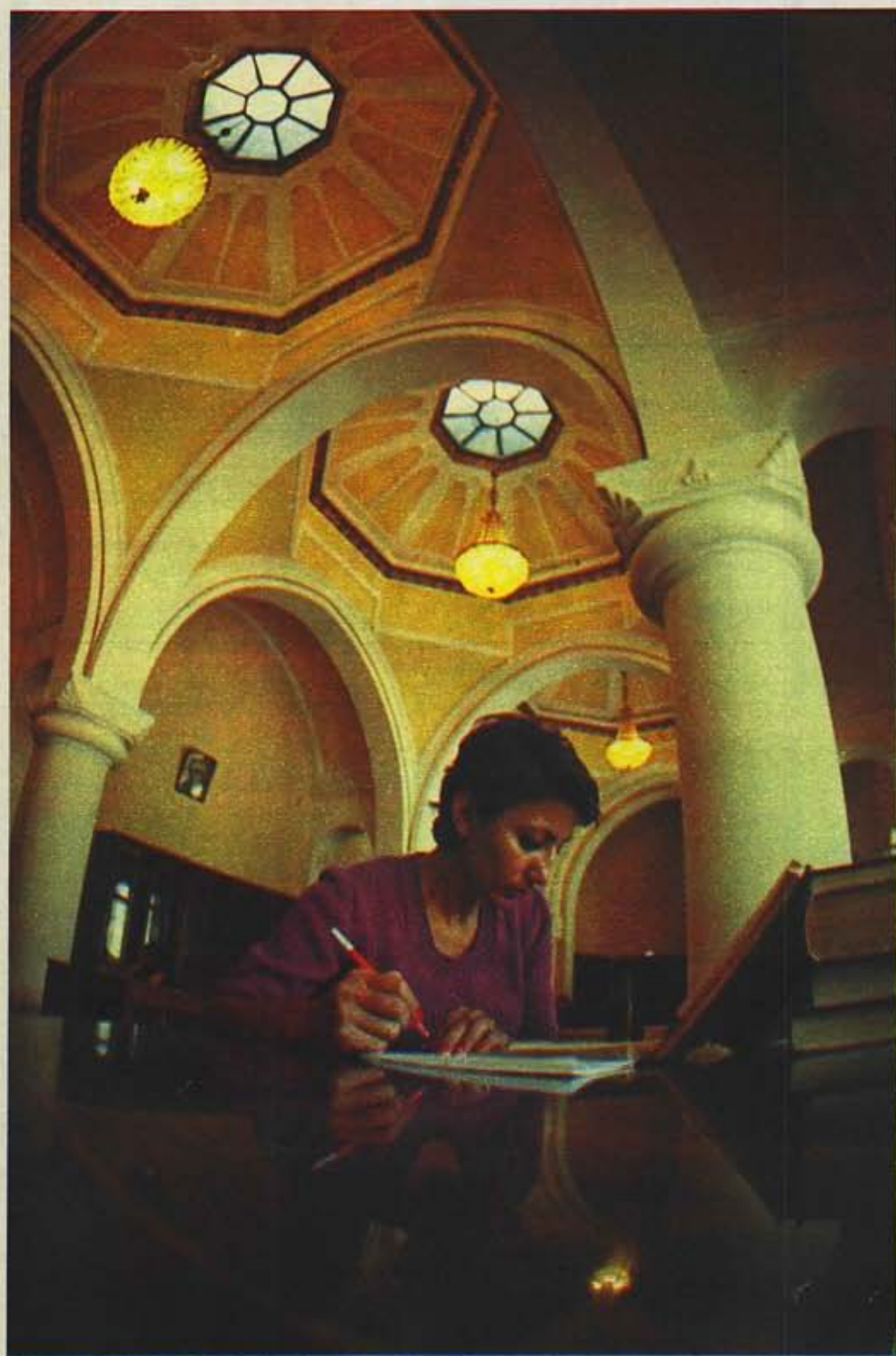
*Море пришло,
Как приходят дороги.
Так повезло
На песчаном пороге.
Шумной волной
Смыло замки сомнения,
Сыгран отбой
Полосе невезения.*

*Море пришло,
Будто новые годы.
Стало светло,
Позабылись невзгоды.
Море пришло,
Долгожданное море,
Словно добро
Прикоснулось рукою.*

Жемчужины отечественной культуры

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОСМИНА

Ким БАКШИ
Фото Сергея ПЕТРУХИНА
Специальные корреспонденты «Смены»

С какою жадностью, как плотно я
К стоцветным стеклам, к окнам
И увидал сквозь них просторы
Лучей и форм безвестных
сочетанья...
В. Брюсов

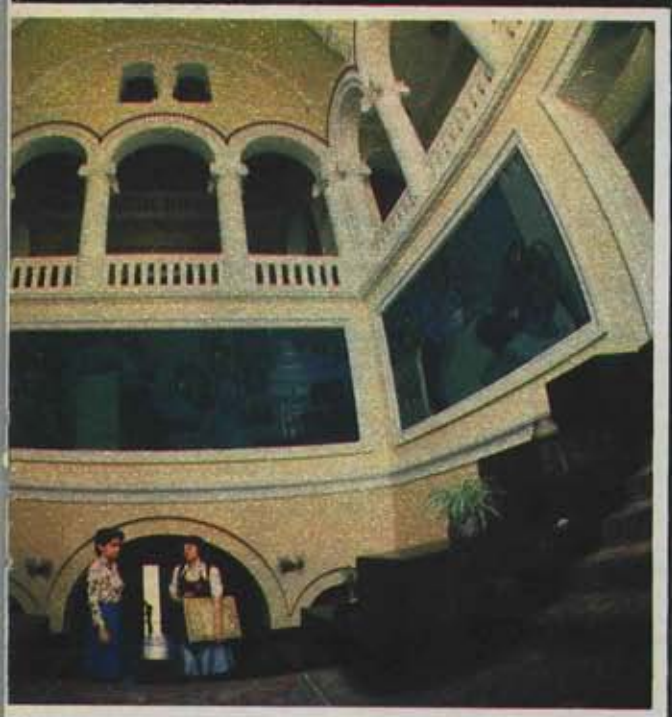
Передо мной глянцево-й альбом фирмы Сотби. Прекрасные репродукции с картин—в цвете, черно-белые. Трудно себе представить, что это всего лишь прейскуронт. Вот и таблица цен. Цены, конечно, умопомрачительные. Еще бы, Сотби—крупнейший торговец художественными ценностями. Удар молотка на аукционе—и к новым владельцам переходят Рафаэль, Рембрандт или Гойя.

Альбом этот напоминает о шумных событиях, которые несколько лет назад подавались на первых полосах крупнейших газет мира как самая большая сенсация.

В 1967 году в проспекте очередного аукциона было объявлено о продаже нескольких древних манускриптов. И среди них—это и было главной сенсацией—рукопись XIII века, создан-

СТРАНИЦА, КАК ДРАГОЦЕННАЯ ЭМАЛЬ.

Плачет девушка-бурятка...

Красные горы поголубели.
Строгость свою утратили ели.
Рыжее пламя взмахнуло над ними.
Воды пошли межам степными.

Возле улуса шумит мелколесье.
Кто-то спешит по росе на поляну.
Плачет зачем молодая невеста
В час предрассветный возле кургана?

В пору цветенья, в пору светанья
Слезы восторга, слезы участья.

Юные чувства ныне во власти
Первого с юной весною свиданья.

Если б у нас городская застава
Так же приветила в мире живое!
Девушкам нашим первая слава
Ближе и слаще, чем дым над травой.

В улице тесной гул каменистый.
Только блеснет подоконок листвою.
Воздух стелей, необъятный и чистый,
Сладким бензином размыт над Москвою.

«У слепых не бывает слез»,—
Мне сказали в клубе слепых.
У глухих не бывает гроз,
Но оставьте на долгий миг—
Их, ослепших в правом бою,
Их, оглохших в сорок втором...
И услышите землю мою
И откройте глаза притом.
Замолчали юг и восток,
И застлал их волглый туман,
И не слышно топота ног,
И вода не пошла в проран,
И плотина замерла вдруг,
И дорога застыла вмиг,
Выпил росы притихший луг,
Гром железный в горах затих,
Чтобы ты, смотря под откос
И лова оглушенный миг,
У слепых не выпросил слез,
Гроз не вымолил у глухих.

Паустовский

Могила над Окою. У скамь
Непраздные приезжие смолкают,
И облака в вечернем небе тают,—
Не к спеху нам, товарищи мои.

Что знал покойный в этом городке?
Нашел ли здесь свое уединенье?
А может быть, с Россией единенье?
С ее судьбою—здесь, накоротке?

В тех улочках, что на гору бегут
И застревают, оборвав дыханье?
Какой же это непосильный труд—
Истории российской воссозданье.

И перенести, и перемыслить вновь,
И все принять, и все отвергнуть, споря,
Чтоб словом высветить великую любовь,
Которая была тяжеле горя.

ная великим армянским художником Торосом Рослином.

На газетных страницах целая буря: печатались протесты, гневные заявления, обращения к армянам-миллионерам—купить драгоценность национальной культуры. Выдвигались даже требования к Сотби—раскрыть имена тех, кто посмел представить рукописи на продажу.

Но Сотби не был бы Сотби, если бы не умел хранить тайну.

В мире известны всего шесть манускриптов, на которых стоит подпись Рослина. Из них четыре рукописных книги во владениях армянской общины в Иерусалиме. Как раз оттуда и были представлены рукописи на продажу.

Но в это трудно было поверить. Чтобы армяне продавали рукописи! Из истории известны многочисленные примеры противоположного свойства, когда жители сел и даже целых городов собирали деньги—кто сколько может—и выручали рукописи, попавшую в плен к завоевателям. Древние армянские каллиграфы—гричи—заносили имена спасителей в конце книги, чтобы увековечить это событие как самое благое, патриотическое дело. Ради рукописей люди рисковали жизнью, многие были зарублены, и кровь их заливала пергаментные страницы. И те, кто затем подбирал книгу, записывали ее трагическую историю и снова берегли манускрипт как святыню.

Древняя история Армении напоминает небо ранней весной: редкие просины, редкие лучи солнца, короткие спокойные периоды—и снова ледяные ветры, снова сталкиваются свинцовые тучи, дождь пополам со снегом засыпает зеленую траву, только что успевшую проклюнуться меж камней. Столетия неволи, насилий, когда замирала жизнь в городах, прекращалось строительство, останавливалось развитие культуры.

И только книга, маленькое портативное чудо, хранит в себе все, что накопил народ.—мудрость, родной язык, искусство, память о прошлом. Парадоксальна история армян. Их спасла от исчезновения не предусмотрительность правителей—страна веками была без государственности, не храбрость полководцев—невозможно было долго сопротивляться огромным силам врагов, которые, как волны, одна за другой поглощали Армению. Спасла армян духовная сила народа. Та, что заключена в книге.

Нужно ли после этого удивляться, что армяне не продают древние манускрипты! Для них торговать рукописью—все равно что выгнать на улицу старушку мать, которая вскормила тебя.

Иное дело—передать рукопись в книгохранилище—матенадаран (что означает в переводе «хранилище

книг»), где она станет достоянием всего народа и будет надежно защищена от любых случайностей. И потому со всех концов мира не на аукцион Сотби, а в ереванский Государственный Матенадаран—Институт древних рукописей при Совете Министров Армянской ССР—поступают манускрипты, а порою даже и целые библиотеки, содержащие огромные исторические и художественные ценности.

Какими же тогда путями из Иерусалима в Лондон попали рукописи на продажу? Газеты терялись в догадках. Может быть, был взломан сейф, где они хранились? Или злоумышленники завладели тремя ключами, которые находились у трех разных лиц? (Таков порядок: только собравшись вместе, они могли достать драгоценные манускрипты.)

Многие вопросы так и остались без ответа. Газеты замолчали, когда по требованию из Иерусалима книги были срочно сняты с аукциона. Рукописи возвратились в сейф, так и не раскрыв секрет своего странного появления на лондонском торге.

К имени Рослина прибавилась еще одна тайна.

А их и так достаточно много. Мы не знаем, например, где и когда родился художник, кто были его мать и отец. Только потому, что в собственноручной записи он просит помянуть его детей, мы можем сказать, что Рослин не был монашеского звания. В самой ранней известной нам рукописи он предстает уже зрелым художником, обрывается его творчество в самом расцвете. Что с ним случилось? Умер, убит? Неизвестно. Историки ничего не знают об этом.

Он был выдающийся по разнообразию талантов и по учености человек—поэт, историк, художник, каллиграф. Цари, князья ценили Рослина как гениального художника, не расставались с его книгами, берегли их как драгоценность. Шесть подписанных рукописей одного художника—это уникальное явление в бурной армянской истории. И такой человек, как Рослин, окружен молчанием, ни у одного историка о нем ни слова. Не странно ли это?

Необычная судьба Тороса Рослина. Его подлинные рукописи лежат под замком в монастырях, ученые не имеют возможности сравнить книги, которые ему приписываются, с теми, которые, несомненно, он создал. Есть прекрасные альбомы армянской миниатюры, где имя Рослина стоит под действительно выдающимися художественными творениями. Но не принадлежавшими Рослину!

Парадоксальный факт: имя гениального художника окружено лучами чужой славы. Многие высшие достижения приписываются ему. Так было долгое время. И вдруг... положение коренным и неожиданным образом изменилось...

В самом сердце Еревана, в начале его центрального проспекта, стоит торжественное здание Матенадарана—крупнейшего в мире хранилища древних армянских рукописей.

Ясное осеннее утро. Горный сладковатый воздух разбавлен пресными тальмами запахами. Огромная лестница, ведущая к Матенадарану, освещена лучами солнца. Как всегда, пытаюсь считать шаги при подъеме и где-то на пятом десятке сбиваюсь.

На предпоследней площадке у подпорной стены на фоне букв армянского алфавита, высеченных в камне, стоит базальтовый Месроп Маштоц—мудрец, сменивший меч воина и звание дипломата на великое дело просвещения и образования. В первые годы V века он создал армянскую письменность.

Буквами Месропа Маштоца вырублены на стенах храмов многочисленные памятные надписи, рисунок которых превратил гладкую поверхность туфа в страницу каменной книги.

В середине века его буквами были написаны сотни тысяч манускриптов—из них сохранилась едва ли десятая часть,—составивших духовную сокровищницу народа.

Месроповыми заглавными буквами в наши дни начинаются труды академика Виктора Амбарцумяна об эволюции звезд, стихи Паруйра Севака, научные работы сотрудников Матенадарана о самом Месропе Маштоце, о блестящей плеяде его учеников и соратников: историках, философах, поэтах.

Матенадаран насчитывает более пятнадцати тысяч древних книг: от самой маленькой, весом в 17 граммов, до самой большой—двухудового пергаментного великана. Самые старые листы относятся к V веку, древнейшие миниатюры созданы в VI веке, то есть задолго до крещения Руси и завоевания норманнами Англии.

Примечательно, что самые первые слова, которые написаны с помощью букв, созданных Месропом Маштоцем, были слова о мудрости и познании. Многие научные трактаты—а в Матенадаране хранятся сотни фолиантов по математике, медицине, астрономии, географии, зоологии, ботанике, музыке—содержат зерна будущих открытий.

Глубокие научные догадки мы находим у отца армянской истории Мовсеса Хоренаци и у выдающегося средневекового философа Давида Анахта. Лазар Парпеци оставил нам первое научное описание животного и растительного мира Араратской долины, полезное и для современного ученого-эколога. А энциклопедист VII века Ананий Ширакици в своей «Географии» среди множества разнообразных сведений, которые он приводит о суше и морях, о континентах и отдельных странах, пишет также о

природных богатствах Армении—о минеральных водах, о нефти, лечебных грязях.

В древних рукописях встречаются порой поразительные сведения. До сих пор ученые не могут объяснить, например, откуда Ованес Ерзинкаци (XIII век), житель южных краев, мог разузнать об Арктике, «необитаемой человеком и морозной», где «весной и летом день длится шесть месяцев».

В собрании древних армянских книг—около 800 рукописей медицинского содержания. Целая библиотека рецептов, заинтересовавших современных фармацевтов! Многие лекарства, как нераскрытая тайна, еще ждут своих исследователей.

А средневековая музыка?.. Она восходит к V веку, к Месропу Маштоцу, который был автором первых гимнов. В Матенадаране сотни сборников, тысячи мелодий. Я видел: над строками стихов стоят загадочные значки—хазы. Много лет ученые бьются над расшифровкой этой системы музыкальной записи. Но пока огромный свод древней музыки безмолвствует.

Тайны столетий, мудрость веков, аккумулярованные в древних манускриптах, поражают каждого, кто приходит в Матенадаран. Так было и со мною, когда много лет назад я впервые переступил его порог, познакомился с собранием древних книг, подружился с учеными, которые хранят, печатают рукописи, исследуют, переводят, издают, делают их всеобщим достоянием.

Общечеловеческое значение сокровищ, хранимых в Матенадаране, глубоко почувствовал чилийский поэт Пабло Неруда. Побывав в книгохранилище, он записал: «Старые священные книги мудрости и поэзии продолжают жить здесь как высохшие розы, полные еще незримых семян».

Медные тяжелые двери Матенадарана с кольцами, отполированными руками тысяч посетителей, легко растворяются. В черно-мраморном вестибюле золотом горит мозаика. Чувство радости охватывает при встрече с людьми, которых не видел уже несколько лет, с научными сотрудниками Матенадарана: радушным и гостеприимным Арташесом Матевосьяном, строгим, но очень добрым Самсоном Лалафарьяном, всегда сосредоточенным Сенном Аревшатяном. Обычный вопрос: «Как дела? Что нового?»—возвращает нас к тому, что хранится под неусыпным оком Самсона в выставочном зале и сберегается при постоянной температуре и давлении в подполье у главного хранителя Арташеса,—к книгам, древним манускриптам, мудрым и многострадальным армянским рукописям.

Что нового? Заместитель директо-

Музыка после дождя ❀

Я б не успел забыть,
Еще в себя не придя,
А надо мной синица—
Музыкой после дождя.
В капле листочка вижу
Счастливейшего шмеля.
Никого не обиду
Музыкой после дождя.
Тлеют костры бездомно,
Качаются над водой.
Весело и укромно
Мне со своей бедой.
Было бы так полднемно,
Прохладно позавчера,
Ты бы взяла полхлеба,
Осталась бы у костра.
Нас бы не разделили
Тайга моя и вражда...
Нет и пригоршни пыли
Утром после дождя.

У дороги стоит каземат,
Декабриста запомнили стены.
Он гвоздем написал: «Верю, брат»,
Тем гвоздем разорвав себе вены.
Нет труднее, пожалуй, письма,
Чем железом по камню сырому.
Здесь поблекли б иныя тома,
Приобщил их к писанью такому.
Я читал. И подумал тотчас,
Как упорен характер железный.
Он и здесь издает свой приказ,
Для истории небеспользней.
Мы плиту унесли на причал,
Монументом воздвигнута ныне.
Как мой дальний собрат, я о сыне
У развалин в тот день размышлял.
Нефтепровод по черной земле,
По обильной земле нефтеносной
Вдаль уходит... Истории грозной
Он подвластен, как пуля в стволе.

На скрещеньи трех ветров

Если ты уходишь утром,
Уходи, ко мне добра,
Чтоб я жил как в озареньи
От утра и до утра.

Если утром ты не веришь,
Лучше сразу мне скажи,
Чтоб рассеялись, как ветер,
Длинной ночи миражи.

Жизнь сурова. Скоро осень.
Начинаются дожди.

В каждом слове, в жесте каждом:
«Если можешь, приходи!»

Мне ни жалости не надо,
Ни привычных этих слов.
Я с тобой теперь, ты знаешь,
На скрещеньи трех ветров.

Первый ветер—это возраст,
А второй—любовь к тебе,
Третий—все, что остается
Без тебя в моей судьбе.

ра хранилища Бабкен Чукасян поднимает от книги лицо, надевает очки. Большой, веселый, улыбается: «Очень много! Есть интересная личность—армянин, купец, дипломат, собиратель народных песен, одним словом, сын своего восемнадцатого века. Приехал в Россию, чтобы призвать Петра I на помощь Армении. Посажен в тюрьму как шпион, оправдан, потом попал во Францию, поехал в Турцию. Писал историю своей жизни. Сейчас рукопись хранится в Венеции, а его ценнейший архив—в Москве. Вот готовлю к изданию его азербайджанско-армянский словарь. Что еще нового? Занимаюсь описанием древних рукописей, хранящихся в частных собраниях США...»

Чукасян гостил в Соединенных Штатах Америки и привез оттуда много рукописей, которые подарили армяне для Матенадарана. Сейчас на столе Бабкена большая стопка листов. Это подарок из Лос-Анджелеса—армянская книга XIII века по коневодству. Армянская конница славила на Востоке, крестоносцы покупали коней в Киликийской Армении. Ближайшими соседями армян были арабы, выражавшие знаменитых скакунов. Так что рукопись, наполненная всевозможными сведениями, как маковая головка семенами, интересна не только своей историей: в ней много такого, что и сегодня может заинтересовать специалистов по животноводству. И в наши дни быстроногие кони ценятся на вес золота.

Вот какие неожиданные ответы можно получить здесь на вопрос: «Что нового в Матенадаране?»

Директор Матенадарана, действительный член Академии наук Армянской ССР Левон Степанович Хачикян работает в большом кабинете, загроможденном книгами.

В последние годы Матенадаран широко издает труды древних историков, тексты научно выверены, снабжены предисловием, комментариями. По существу, при каждом таком выпуске мировая историография обогащается документами, содержащими уникальные сведения не только об Армении, но и о других народах Востока и Запада. Археологи в этих трудах находят сообщения об исчезнувших городах, искусствоведы—о строительстве дворцов и храмов, о росписях и т. д. Это огромный коллективный труд, и каждый ученый Матенадарана вложил в него и свои знания и часть своего сердца.

Л. С. Хачикян изучает историка XV века Товму Мецопеци, написавшего о Тамерлане и его потомках. Надо ли говорить, как важно для науки свидетельство современника о грозном Железном Хромце. В Матенадаране 25 поздних копий «Истории» Товмы Мецопеци, и Л. С. Хачикян сначала ото-

рал 20 лучших—наиболее полных и близких к первоисточнику. После кропотливого сличения выбрал одну, основную. И вот теперь берет каждую строку этой рукописи, сравнивает ее с такими же строками в других копиях, на карточках записывает все различия—они должны получить текстологическое и филологическое толкование. Разделавшись с очередной строкой, берется за следующую.

Звонят телефоны, входят и выходят сотрудники. Приносятся бумаги на подпись, согласовываются разные вопросы, советуются. Но только административный поток мелеет, Хачикян берется за перо, на листе книги отыскивает нужную строку. За день прорабатывает примерно одну страницу. «Дней так через двести закончу,—говорит он.—Потом предисловие, комментарии...»

—Что нового в Матенадаране?—задаю академику свой вопрос.
—А Чукасян ничего не рассказывал? Значит, хотел сюрприз преподнести. Идите вниз, в хранилище, я сейчас позвоню.

Предчувствуя нечто необычное, спешу по лестницам, по коридорам во владения Арташеса Матевосяна.

...Он рассказал мне, как все было, а потом эту историю я слышал еще не раз: она, как фольклор, передается изустно.

И мне ясно видится, как Л. С. Хачикян вместе с Б. Л. Чукасяном принимают в Матенадаране высоких гостей—католикоса всех армян Вазгена I и приехавшего к нему в Эчмиадзин зарубежного друга.

Все сидят за столом в кабинете директора, подан кофе. Хозяева сначала заводят разговор о здоровье, затем об армянской общине города, откуда приехал гость.

В Матенадаране знают, что он привез с собой подарки—древние рукописи. Но какие именно? В библиотеке высокого гостя есть даже Торос Рослин, но о таком подарке и думать нечего, это слишком большая ценность.

Обидный факт: книжное собрание Матенадарана—крупнейшее в мире, в нем одном армянских манускриптов хранится почти столько же, сколько во всех остальных библиотеках мира, вместе взятых. И при этом ни одной книги, подписанной самим Рослином,—настоящей, несомненной!

Обидно или нет—факт остается фактом. Так что же привез зарубежный гость? «Историю дома Арцруни»? Это было бы тоже почти невероятно—история десятого века, единственный в мире экземпляр. Автор сообщает сведения уникальные, в том числе о строительстве на острове Ахтамар княжеского дворца и жемчужины мировой архитектуры—древнего храма с его замечательными барельефами на стенах.

Разговор за столом длится доста-

точно долго, и католикос, видимо, решает, что пора... Он говорит:

—Наш друг привез подарки. И вот подарки на столе. С еле сдерживаемым нетерпением хозяева берут в руки книги, листают. Передают друг другу одну, вторую... Старопечатные книги. Семнадцатый, восемнадцатый века. Мысль: ну что ж, и на этом спасибо! Они благодарят. Книги на самом деле интересные.

Чукасян решает ее, набравшись духа, говорит гостю:

—Ученые знают, что у вас есть ценная рукопись «Истории дома Арцруни»...

Гость отвечает серьезно и печально:

—Да, эта рукопись у нас была. Но теперь ее нет в нашем городе...

—Неужели украли?!

Католикос улыбается.

—Она рядом с вами, здесь,—говорит он торжественно.—Наш гость решил подарить ее Матенадарану.

Нескрываемую радость и благодарность можно было увидеть на лицах ученых, когда они взяли в руки эту книгу, ощутили гибкость пергамента, увидели черноту строк. Конечно, они были знакомы с ней по описаниям, знали содержание. Но разве это можно сравнить с божественным ощущением подлинника!

А гости с не меньшим волнением смотрели на ученых, которые, казалось, забыли обо всем окружающем.

Когда прошло достаточно много времени, католикос сказал обыденным голосом, как бы пытаясь заранее снять напряжение, которое обязательно возникнет от его слов:

—Вам подарок—Арцруни, а мне—Рослин...

Ученые были ошеломлены. Первое внутреннее движение: а почему не нам? Тень обиды. Но они сразу отгнали ее: это нехорошо. Человек дарит, совершает прекрасный поступок. Какие могут быть претензии? Только благодарность! Рослин здесь, рядом. И он останется на армянской земле!

—Это большое счастье для всех нас,—искренне сказал Хачикян.

Но, оказывается, католикос еще не закончил свою мысль. Он повторил:

—Наш гость сделал мне великий подарок—Рослина, а я дарю его Матенадарану.

Он достал фолиант в старинном серебряном окладе и осторожно положил его на стол.

Глаза Хачикяна и Чукасяна были полны слез.

Их не скрывал академик Хачикян, перенесший ранний инфаркт, испортивший глаза над древними рукописями. Их не скрывал крупный, представительный, ироничный Чукасян, совершенно не похожий на человека, который может взять да заплакать.

Они держали в руках творение гениального художника, драгоценную

рукопись с трагической судьбой. За 700 лет жизни она много скиталась по свету, не раз попадала в руки врагов. Ее жгли, обрезали страницы, спасали, иногда рискуя жизнью, выкупали из «плена», восстанавливали. И вот, наконец, ее одиссея закончена. Книги, как и люди, после скитаний стучатся в дверь родного дома...

Главный хранитель Матенадарана с торжественным видом подвел меня к столу, на котором лежал футляр,—в таких обычно хранят наиболее редкие рукописи. Поднял крышку. На фоне темного бархата сверкнул оклад книги. Первые страницы—золото, лазурь.

—Торос Рослин?
Это была та самая книга, судьба которой уже в наши дни взволновала весь мир, когда она неизвестными путями попала на аукцион Сотби.

Арташес Матевосян открывает одну из последних страниц и указывает на буквы:

—Видишь имя? Собственной рукой написал: «Торос, по прозвищу Рослин».

В это невозможно сразу поверить: ведь ты наедине с одним из подлинных творений великого Мастера.

Рассматриваю оклад. Он поздний, семнадцатого века—серебряная с позолотой тонкая чеканка, по обрзу в высокой гнездах заключены мелкие камешки—бирюза, изумруды, рубиновые слезки. Застежки с кораллами. Корешок сделан из сплошных серебряных тонких цепей.

Раскрываю слабо скрипнувший переплет. Сначала идут защитные листы, взятые из ветхих, пришедших в негодность книг. Толстый пергамент, простые украшения на полях.

Но вот рука коснулась другого пергамента—тонкого, гибкого. Начинается сама рукопись.

Льются узоры над головами двух мужей в хитонах и широких плащах—гиматиях. Каждый из них сидит в орнаментированном полукруге, как бы в центре ковра. Эту миниатюру подпирают колонны, меж которыми четко и красиво чернеет текст—послание крупного историкографа Евсевия Кесарийского богослову Киприану. Их изображения мы и видим в полукруглых тимпанах на развороте.

А вокруг блещет золотой фон. Сплетаются лазоревые, с тончайшими белыми прожилками листья, розовые и фиолетовые цветы. Тут все богатство оттенков—от насыщенного синего до небесно-голубого, от нежно-розового до лилового, сиреневого, фиолетового. Этот цветосинтез ярко звучит на развороте, множится в отголосках, в повторяющихся, ритмически организованных пятнах.

Таков плащ Киприана, переброшенный с плеча на плечо, таковы стволы сказочных деревьев, которые «ра-

ВОТ ОНА. ЗНАМЕНИТАЯ РУКОПИСЬ ТОРОСА РОСЛИНА. НАПИСАННАЯ В 1268 ГОДУ. СЕРЕБРЯНЫЙ ОКЛАД РУКОПИСИ.

стут» по бокам каждой страницы. Таковы изображения двух пар павлинов — на одном листе, на самом верху, они сплелись шеями, на другом, чуть распутив хвосты, остановились у бурлящей чаши. К этому надо прибавить еще лазоревых соколов, сидящих в кронах деревьев, и голубизну колонн, поддерживающих полукружья с изображенными в них чтецом и слушателем. И если теперь представить все это в сочетании с очень яркими красными крапинами, разбросанными симметрично по всему развороту, создается ощущение гармоничности и уравновешенности бытия.

След за Евсевием и Киприаном следуют четыре разворота, и на каждом в полукругах даны изображения пророков. Такого я еще не видел в

армянских миниатюрах. Обычно во вступительной части манускриптов, в том числе и в киликийских, — в хоранах¹ — не бывает портретов. А здесь целая картинная галерея.

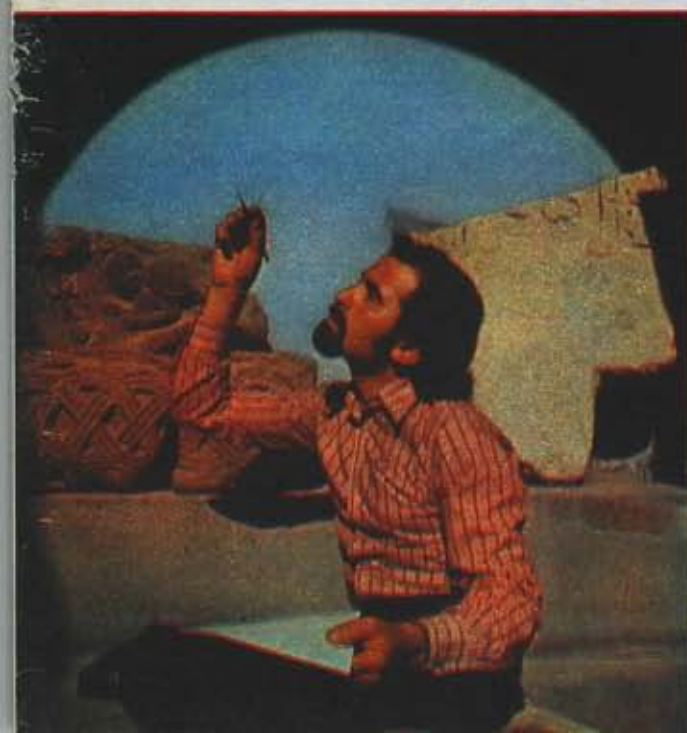
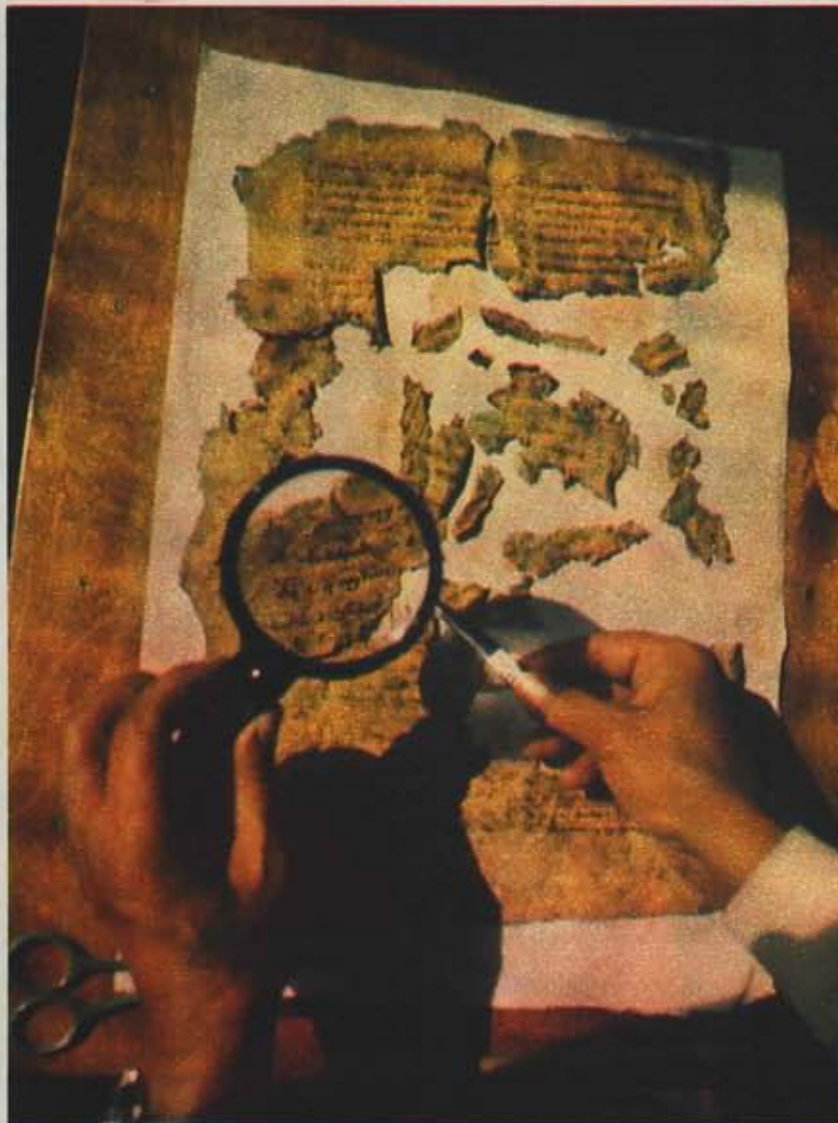
Посмотрим на разворот, где изображены пророки Иеремия и Михей. По верху хоранов расхаживают сероголубые горные куропатки. Движения их переданы с поразительной жизненностью: на левом листе они щиплют зелень, на правом пьют из источника, куда струя течет из львиных голов. Две наклонились к воде, а три пугливо оглядываются.

На этих страницах впервые появляется зеленый цвет. Это корона финиковых пальм, это темный малахит

¹ Хораны — вступительные страницы древнеармянских книг, как правило, богато орнаментированные, одни из главных элементов украшения рукописи.

МОЛОДОЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК МАТЕНАДАРАНА ЮРИЙ ВАРТАНЯН.

орнаментов, это густо-травяной цвет хищных птиц.

Зеленый цвет переходит на следующий разворот, где он сочетается с ярко-красным. Свежа листва гранатовых деревьев, в ней кумачово горят цветы и круглятся алые яблочки самих гранатов. На ветвях устроились птицы — зеленогрудые, несколько условные индюки.

Этот разворот — пестрый, веселый, домашний. Символом этой домашности стоят на вершине хорана гордые и яркие петухи. Они с красными гребнями, с зелеными и огненными длинными перьями хвостов. Совершенно разные не только по окраске, но и по характерам. Один готовится клонуть, другой гордо надует грудь, третий самозабвенно кукарекает.

Что хотел сказать этими рисунками художник? Какое мудрое раздумье о бытии посетило его? Ведь это не просто сложнейшие и совершенные орнаменты и рисунки, но нечто бесконечно большее. Это символ жизни в ее многообразных ипостасях, это спроецированное на пергамент представление художника о мечтаниях, мыслях, заблуждениях, радостях человека.

Страница за страницей разворачивается перед нами мировоззрение художника. Торос Рослин в своих манускриптах выражал такие глубины духа, которых никогда и не пытались достичь современные ему мастера книжного украшения в других странах.

Там это с успехом делали другие музы. В Армении же миниатюра была не второстепенным, а главным видом искусства. Таким же, как мозаика в Византии, икона на Руси, фреска в Италии эпохи Ренессанса. Правда, и в этих странах созданы великолепно иллюстрированные рукописные книги. Но они не имели такого значения в жизни народа, как манускрипты, хранящиеся в Матенадаране.

Снова и снова перелистываю страницы Тороса Рослина: Евсевий и Киприан, ветхозаветные пророки один за другим проходят передо мной. И, наконец, последний разворот вступления, весь золотой. И по золоту крупными голубыми буквами, как драгоценная эмаль, идут стихи. Стихи Тороса Рослина!

О чем они? О книге. Она несет благую весть. Она способна сохранить память о человеке на долгие годы. В сущности, это гордое, похвальное слово! Оно проникнуто сознанием высокой значительности дела, которым занят человек, создающий книгу. И тут становится понятно звенящее золото разворота: конечно, этот и все предыдущие листы — гимн книге.

Вот теперь, если принять это предположение, найдут объяснение и неожиданно, вопреки традициям, появившиеся в начале рукописи Рослина пророки. Вспомним: каждый из них держит в руках свиток, каждый несет людям слово или воспринимает его. Сила этого слова такова, что одного она заставляет ужасаться, другого погружает в раздумье, третьего печалит тем, что упущено и чего никогда не вернуть. Слово имеет пророческий смысл.

Как это важно и знаменательно, что рукопись Тороса Рослина начинается гимном книге! Ее могуществу, ее способности раскрыть человеку красоту и величие мира, наполненного живым движением. Гимном слову, которое дарит мудрость, погружает в глубины человеческого духа, во все времена наделяет человека силой, волей, добротой.

В «ЛЕЧЕБНИЦЕ» МАНУСКРИПТОВ.

ПСЕВДОНИМ МОЙ АРИСТОН

ИЗ ЦИКЛА ЭТЮДОВ «ЗА ЕСЕНИНСКОЙ СТРОКОЙ»

1

В дореволюционной Москве вышло несколько детских журналов. Один из них назывался «Мирок». Он публиковал стихи, рассказы, рисунки... Это был «ежемесячный иллюстрированный детский журнал для семьи и начальной школы».

У меня в руках январская книжка «Мирка» за 1914 год. В ней на десятой странице напечатано стихотворение «Береза»:

*Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.*

*На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой багряной.*

*И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.*

*А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.*

Под стихотворением стоит подпись: **Аристон.**

В наши дни, пожалуй, каждый школьник знает, что «Березу» написал Сергей Есенин. Но долгое время об этом ничего не было известно.

Принадлежность псевдонима Есенину установил в 1955 году, то есть более

сорока лет спустя после появления публикации, Д. Золотницкий.

Просматривая рукопись книжки стихов для детей «Зарянка» (хранится в Институте русской литературы в Ленинграде), литературовед увидел вырезку из журнала «Мирок» с авторской правкой. Автором же рукописи был Сергей Есенин. «Зарянку» в 1916 году молодой поэт предложил издателю М. В. Аверьянову, но до печатного станка она так и не дошла. По мнению Д. Золотницкого, так случилось потому, что «Есенин отверг многие замечания издателя» (Д. Золотницкий. Из ранних стихов Сергея Есенина. Журнал «Нева», 1955, № 3, июнь, стр. 169).

Несколько позже было опубликовано письмо Есенина Грише Панфилову, которое, судя по всему, относится к самому началу 1914 года. «Распечатался я во всю Ивановскую, — сообщает Есенин своему другу, соученику по Спас-Клепиковской церковно-учительской школе. — Редактора принимают без просмотра и псевдоним мой «Аристон» сняли. Пиши, г-рят, под своей фамилией».

Действительно, в течение 1914 года стихи Есенина публиковались в нескольких московских журналах и газетах, а в «Мирке» — особенно часто. Но ни в одном издании псевдоним «Аристон» больше не появлялся.

Что же стоит за словом «Аристон» и почему именно его Есенин выбрал для своего первого выступления как поэта?

В заметке Д. Золотницкого об этом не говорится ни слова. Молчат и комментаторы собраний сочинений Есенина в пяти, трех и двух томах, а также многочисленных однотомников. И только в воспоминаниях Николая

Сардановского, друга детских и юношеских лет Есенина, имеется несколько строк по интересующему нас вопросу. «Вначале он, — говорит Сардановский о Есенине, — хотел было писать под псевдонимом «Аристон» (так назывался начинавший получать распространение в то время музыкальный ящик)» (цит. по книге: Ю. Прокушев. Юность Есенина. М., изд. «Московский рабочий», 1963, стр. 176).

Конечно, молодой поэт волен избрать своим псевдонимом слово с самым неожиданным значением, и тем не менее этот выбор не может не иметь под собой хоть какую-то, пусть самую зыбкую, основу.

Название механического заводного музыкального ящика... Чем оно привлекло Есенина? Своей звучностью? Необычностью? Или были увидены какие-то аналогии в понятиях «поэт», «певец» — «музыкальный инструмент», «музыкальный ящик»? Что-либо определенное сказать здесь, пожалуй, невозможно.

Правомерен и такой вопрос: не ошибся ли Сардановский, связывая псевдоним Есенина «Аристон» с названием музыкального ящика? Почему, скажем, не предположить, что это слово поэт взял из «Истории» Геродота — в ней упоминаются два военачальника, носящие имя Аристон? Кстати сказать, один из них, по описанию историка, был почитаем народом за храбрость...

И все-таки, мне думается, ни название музыкального ящика, ни имена военачальников давних времен прямого отношения к есенинскому псевдониму не имеют. Слово «Аристон» молодой поэт заимствовал из иного источника — поэтического.

Рисунок Александра МЕНШИКОВА

Есть у Гаврилы Романовича Державина стихотворение «К лире». Оно начинается так:

*Звонкоприятная лира!
В древах золотые дни мира,
Сладкою силой твоей
Ты и богов и царей,
Ты и народы пленяла.
Глас тихострунный твой, звоны,
Сердце прельщающе тоны,
С дебрей, вертепов, степей
Птиц созывали, зверей,
Холмы и дубы склоняли.*

Далее идут строфы, непосредственно относящиеся к предмету нашего поиска. В них речь о некоторых пороках, свойственных, по мнению Державина, его современникам:

*Ныне железные ль веки?
Тверже ль кремней человеки?
Сами не знаясь с тобой,
Свет не пленяют игрой,
Чужды красот добродетель.*

*Доблестью чужды пленяться,
К злату, к серебру лишь стремятся,
Помнят себя лишь одни;
Слезы не трогают их,
Вопли сердец не доходят.*

«К злату, к серебру лишь стремятся...» Эта мысль Державина близка раздумьям молодого Есенина. «Да, друг,—обращается он из Москвы к Грише Панфилову,—идеализм здесь отжил свой век, и с кем ни поговори, услышишь одно и то же: «Деньги—главное дело», а если будешь возражать, то тебе говорят: «Молод, зелен, поживешь—изменишься». В другом письме тому же адресату замечает: «Люди здесь большей частью волки из корысти. За грош они рады продать родного брата». (Оба письма относятся к концу 1913 года.)

«Помнят лишь себя одни...» В письме Есенина Марии Бальзамовой читаем: «Люди все—эгоисты. Все и каждый только любит себя и желает, чтобы все перед ним преклонилось... Человек любит не другого, а себя, и желает от него исчерпать все наслаждения. Для него безразлично, кто бы он ни был,—лишь бы ему было хорошо» (начало 1913 г.).

«Слезы не трогают их, вопли сердец не доходят». Как бы своеобразный отзвук этих строк Державина находим в есенинских письмах и стихах 1912—1913 годов. «Все погрузились в себя,—сообщает Есенин другу,—и если бы снова явился Христос, то он и снова погиб бы, не разбудив эти заснувшие души». Юный поэт возмущен нелепостью жизни, порождающей черствость и равнодушие. «Человек!—воскликает он.—Подумай, что твоя жизнь, когда на пути злоеvidence раны. Богач, погляди вокруг тебя. Стоны и плач заглушают твою радость».

Те же мотивы слышатся и в стихах: «Не поможет никто ни страданиям, ни горю» («Моя жизнь»), «Нет утешенья ни в ком... Голову негде склонить...» («Грустно... Душевные муки...»). А стихотворение «Брату Человеку» из рукописного сборника «Больные думы» целиком обращено к тому, до кого, говоря словами Державина, «вопли сердец не доходят»:

*Или нет в тебе жалости нежной
Ко страдальцу соги с бороной?
Видишь гибель ты сам неизбежной,
А проходишь его стороной.*

Молодого поэта угнетают несправедливость, деспотизм, «пороки развратных людей мира сего». Он потерял веру в человека. «Кто виноват в этом?»—спрашивает Есенин. И отве-

чает: «Конечно, те, которые, подло надевая маску, затрагивали грязными лапами нежные струны моей души» (Письмо к М. Бальзамовой, начало 1914 г.).

Нет, он не хочет «расточать им священные перлы... нежной души». Он готов выйти на борьбу за правду, за справедливость; об этом—его стихотворение «Поэт»:

*Тот поэт, врагов кто губит,
Чья родная правда мать.
Кто людей, как братьев, любит
И готов за них страдать.
Он все сделает свободно,
Что другие не могли.
Он поэт, поэт народный,
Он поэт родной земли!*

Обращаясь к Грише Панфилову, Есенин пишет: «Благослови меня, мой друг, на благородный труд. Хочу писать «Пророка», в котором буду клеймить позором слепую, увязшую в пороках толпу... Отныне даю тебе клятву, буду следовать своему «Поэту». Пусть меня ждут унижения, презрения и ссылки. Я буду тверд, как будет мой пророк, выпивающий бокал, полный яда, за святую правду с сознанием благородного подвига».

Теперь настала пора привести следующую, пятую по счету, строфу из стихотворения Державина «К лире»:

*Души все льда холоднее.
В ком же я вижу Орфея?
Кто Аристон сей молодой?
Нежен лицом и душой,
Нравов благих преисполнен?*

Вот откуда есенинский псевдоним! Он, начинающий поэт Есенин, во многом похож на юношу из державинского стихотворения. Как и Аристон, он молод, «нежен лицом и душой, нравов благих преисполнен».

Заключительная строфа стихотворения:

*Кто сей любитель согласья?
Скрытый жидитель ли счастья?
Скромный смиритель ли злых?
Дней гражданки золотых,
Истый любимец Астреи!—*

закрепляет сходство двух молодых людей разных эпох.

Таков наиболее вероятный источник псевдонима Есенина «Аристон», которым было подписано первое печатное произведение молодого поэта.

Несколько слов о реальной основе державинского стихотворения. Оно написано в 1794 году и посвящено князю Платону Александровичу Zubову. «Он был чрезвычайно скромного нрава,—писал в своих «Объяснениях» Державин,—и вел себя, казалось, философически: то сравнил здесь потому с Аристоном... а с Орфеем по склонности к музыке». Аристоном Державин называет греческого философа Платона, сына Аристона (сравнение с ним Zubова шло, несомненно, по имени).

Впрочем, все это для Есенина значения не имело: важна была сама суть поэтического образа—благородство, великодушие и готовность сражаться со злом и ложью.

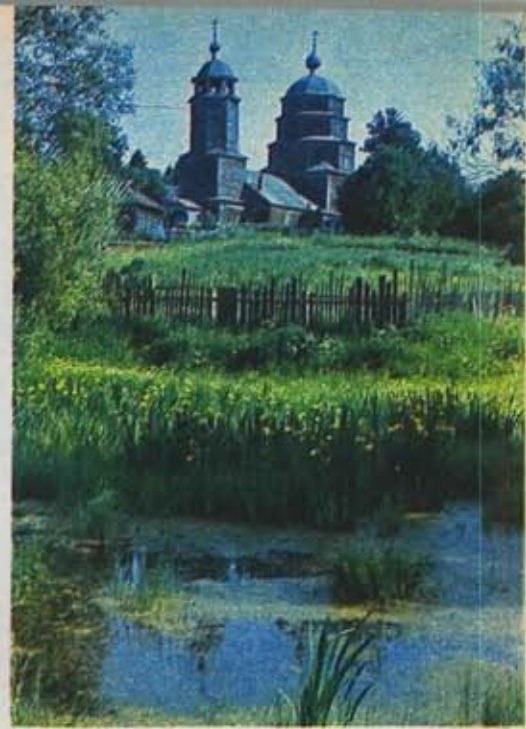
Такой «Аристон» и стал одним из авторов первого номера детского журнала «Мирок» за 1914 год.

И, возможно, не только автором, но и корректором: начинающий поэт тогда работал в корректуре типографии И. Д. Сыгина, где ежемесячник печатался.

Современница, близко знавшая Есенина в те годы, вспоминала: «Он был такой чистый, светлый, у него была такая нетронутая, хорошая душа—он весь светился».

Это о Есенине—«Аристоне»: «он весь светился»...

Мальчик, открывающий мир

НОВОЕ
ИМЯ

Игорь ЖЕГЛОВ

Игорь Жеглов учится в школе. Десятиклассник. Таких, как он, тысячи и тысячи. По утрам бегут в школу. Потом учат уроки. Почти из дому не выходят — шутка ли, десятый класс. Словом, таких, как он, много, и все же, полагаю, Игорь отличается от многих.

Чем, спросите вы?

Взглядом.

Все люди смотрят на мир вроде бы ежедневно, а видят разное. По-разному.

Игорь из тех, кто только вступает в мир. Но он уже научился видеть этот мир, его красоту, видеть в буднях поэзию, и не просто видеть, но и фиксировать свой взгляд.

Игорь Жеглов, московский десятиклассник, еще на школьной парте научился прекрасно владеть фотоаппаратом и неплохо владеть пером. Его стихи порой несовершенны, но в них видится очевидный потенциал, и мне думается, Игорь сумеет стать достойным поэтом. Впрочем, десятиклассник не нуждается в предсказаниях. Может, Игорь изберет в жизни и другой путь. Но кем бы он ни стал, очевидно, может быть, главное для растущего человека — у него свежий, влюбленный в жизнь взгляд, в его душе есть изюминка, есть особая струна, которая прекрасно звучит, побуждая и любовь, и добро, и желание стать лучше, совершеннее.

Пожелаем же мальчику, влюбленному в мир, любовь эту приумножать, становясь человеком активным, деятельным, не равнодушным к добру и к злу.

Альберт ЛИХАНОВ

*На волжских причалах
огни, словно звезды, горят,
с речной печалью
летят в глубь воды якоря.
И свет от огней
желтой зыбью горит на реке,
светлей и грустней
захотелось родиться строке.
Про волжский размах,
про бурлацких напевов печаль,
про пыль на губах
и про раны на стертых плечах.
Как можно нежной
захотелось родиться строке
о маме моей,
что меня очень ждет вдалеке.
И всплески волны,
словно вздох материнский, близки —
среди тишины
этой русской могучей реки.*

Фото автора

Сколько лет журавлем пролетело
где-то там над печною трубой,
и земли этой теплое тело
остудил белоснежный покой.
Только память, как пламя и колокол,
обжигает, зовет меня,
чтобы вместе с январским холодом
не утратил я чувство огня.

Серое небо да вербы резные.
Лишь снегирь отцвели на ветвях.
Снова весна приплыла к нам в Россию
на облаках, как больших кораблях.
Снова весна. Захлебнулись овраги.
В первых проталинах вешня грязь.
Лодочка—белый кусочек бумаги—
в бурном потоке ручьев завилась.
Ею дышу, озорной и лучистой,
этой веселой, звенящей весной.
Мне бы в полете проплыть над сосной,
как журавлям по весне в небе чистом!

Я шел по лесу. Тишина лесная
закралась в душу и осталась там.
Над соснами вернувшиеся стаи
спускались тихо к дорогим местам.
Туман, как шапкой, увенчал осины.
С утра рососою плакала трава.
И в каждой ветке видел я Россию,
ее напевы слышал и слова.

Опять земля, опять на ней дорога.
Нет времени о чувствах говорить.
И за домашним, за родным порогом
меня зовет асфальтовая нить.
Который день дожди полощут землю,
и белый свет уныл и сиротлив,
и я опять дорожной песне внемлю,
ей эти строчки тихо посвятив.
Твои дороги убегут, Россия,
как швы земли, в негаданную даль.
И я слова, нехитрые, простые,
скажу тебе, дорожная печаль!

Покорный желанию ветра,
флажок кормовой трепетал,
и водные километры
считал корабельный металл.
Волна за волною катила,
и рыжим вдруг стал небосвод.
Истории тайная сила
врывалась в дыхание вод.
И берег безмолвной полоской
готов был во тьму проглотить

светило и тучи из воска,
реки синеватую нить.
И вечер июньской прохладой
на палубу мягко прилег,
и вдруг в стороне, где-то рядом
блеснул маяка огонек.
И что-то я вспомнил неволью—
про дом, про родной огонек.
И вдаль уносили волны
мелодию искренних строк.

Зимняя заря

Седая, ворчливая выюга
и волны сыпучего снега.
Заря красногрудым плугом
взрыхлила зимнее небо.

Как бархат, на вербах иней.
Их голые ветви тоскуют
по теплым закатам синим,
когда глухари токуют.

И воздухом пахнет зимним.
И наст розоватый мягок.
Проснулись дубы и осины.
Оттаяла снежная мякоть.

Блеснули сосульки на крышах,
блеснули и начали плакать.
А солнце в сиянии рыжем
обулось в облачный лапот.

ШАГ В С

В поселке, расположенном вдали от железнодорожных и автобусных линий, с женщиной сделалось плохо — острый приступ аппендицита. И случилось это, на беду, в субботний вечер. В поселке вообще-то была медсестра, но она уехала к родным на выходные дни. Попробовали связаться с райцентром, так — одно к одному — связь испортилась.

Положение пиковое. Нужна немедленная операция, а до ближайшей больницы километров двадцать. Своего транспорта в поселке не было, а тут кто-то неожиданно обнаружил у одного дома машину — случайный грузовик из дальнего совхоза. Шофер решил подработать, увы, незаконно, ну, его угостили, и он уже давно спал беспробудным сном.

Кое-как растолкали шофера — молодого парня: — Вези, брат, такой случай.

— Да вы что, в уме? Мне же за руль только в понедельник дай бог сесть, — чуть отрезвев, сказал водитель. — Нет, не могу. Мне своих «прав» на первом же перекрестке не видать...

— Что ты о «правах»! Человек при смерти!

Тут уж делать было нечего. Никто, кроме пьяного водителя, не мог спасти человека. Что ему оставалось? Сел парень за руль, усадили кое-как больную, и машина завилжала по проселку.

Добрался до райцентра шофер благополучно. Женщину сразу положили на операционный стол, родные остались с ней, а водитель, возблагодарив судьбу, что избежал встречи с ГАИ, дал газу.

И врезался в столб.

Инспектор ГАИ вырос перед разбитой машиной, как сама судьба. Судьба немилосердная. Еще бы! Целый букет нарушений. Когда водитель дунул в трубку, так трубка чуть не лопнула. Машина разбита. Да еще используется незаконным образом с «целью личного обогащения», как обозначили в протоколе. По всем параметрам — уголовное дело.

Утром весь поселок приехал в райотдел милиции.

— Шофер не виноват, — заявила представительница делегации. — Он вынужден был сесть за руль: человек погибал. А выпил он в свободное от работы время...

— Между прочим, — заметил инспектор, — в рабочее время он делал «левые ездки» — на водочку подрабатывал, да еще и государственную машину для этого использовал.

— Но если бы не вынужденные обстоятельства, вы бы ничего не узнали о «левых езтках».

— Выходит, я должен скрыть правонарушение?

— Представьте, инспектор, что шофер бы не поехал. Ведь той женщине угрожала смерть. Что бы мы тогда говорили?

— Значит, на преступление закрыть глаза? А если бы он не в столб, а в человека врезался? Спасая одного, убил бы другого?

— Но ведь не убил никого.

— Так и женщина, слава богу, не умерла.

— Благодаря ему!

Вот в такой тупик зашла дискуссия в райотделе милиции. А потом еще один тупик образовался: машина разбита, совхоз предъявляет иск водителю. Правда, родные той женщины пообещали оплатить ремонт. Но в суде ответчиком будет выступать шофер...

Что же в конце концов получается? Конечно, водитель, судя по всему, не является передовиком производства. Это факт. Однако если рассматривать его поступок вне зависимости от сопутствующих обстоятельств, то иначе как благородным его не назовешь. Ибо ко всему парню, работавший «налево», категорически отказался от денег, которые совали ему близкие той женщины. Он, садясь под хмель за руль, рисковал иметь крупные неприятности, даже если бы не разбил машину. Однако же сел. Он нарушил закон, когда руковод-

ствовался корыстными побуждениями, и он же нарушил закон, исходя из побуждений чисто человеческих, спасая жизнь другого. Не случись «благородного нарушения», по всей вероятности, не вскрылось бы нарушение своекорыстное.

Но, поскольку все вскрылось, шоферу грозило серьезное наказание. И тогда ко мне приехал «делегат» от общественности поселка.

— Надо немедленно выступить в защиту шофера. Ведь он же не виноват. Женщина была при смерти...

— Да, конечно... Но давайте рассудим все по порядку. Шофер, в сущности, спас человека. Тут спору нет. А на других весах, на весах его вины что? Нарушение Правил дорожного движения, помятый грузовик. Неужто жизнь человека не дороже?

— Ну, а я что говорю! — воскликнул посетитель.

— Давайте рассуждать дальше. Мы, бесспорно, должны будем сказать, что шофер поступил правильно, не оставив человека в беде. Мы выскажем очень распространенный тезис: нет правил без исключений, бывают такие ситуации, когда необходимо нарушить «букву закона». Но можно ли утверждать, что в каких-то исключительных случаях человек в пьяном виде может сесть за руль?

— Значит, вы против шофера?!

— Вовсе нет. В том положении, очевидно, был найден единственно приемлемый выход. Но дает ли благородный поступок право нарушать какое-то установление? Дает ли он право на безнаказанность?

— А не кажется ли вам, что вы стоите на бюрократической и формалистической позиции?

— Но с каких это пор выполнение закона, точное ему следование стало называться бюрократизмом?

— А вот с той минуты, как женщина почувствовала себя плохо. Выполнил бы парень все до запятой «буквы закона», отказался бы за руль сесть, может быть, произошла бы трагедия...

— Выходит, — подвел я итог нашей дискуссии, — мы оба правы и оба не правы...

В конце концов общественность того поселка обратилась в прокуратуру, просили сделать так, чтобы и закон не попирает и обстоятельства учесть. И уголовное дело против шофера не возбудили, ущерб он не возмещал, так как все материальные расходы взяли на себя родственники больной. Но в совхозе его с машины сняли, разбирали «за левые заработки» на общем собрании. Так что шофер все же пострадал за «благородство». Но за благородство ли?

В сущности, в только что описанной истории в очень обостренной форме предстал перед нами старый, как мир, конфликт: строгий, до конца четкий закон и неисчерпаемая в своих проявлениях жизнь; незыблемое правило и вынужденное обстоятельствами поведение, нарушающее это правило. Что тут важнее и первичнее? Как быть, если очевидные вещи («Надо поступать и по закону и по совести») приходят в столкновение? А они не всегда сталкиваются при столь драматических обстоятельствах, как в случае с шофером. Поводы для конфликтов, случается, куда менее значительны, сами конфликты не столь остры. Но выводы, которые из таких столкновений «правил» и «жизни» делаются, бывают весьма категоричными, однако далеко не всегда до конца последовательными. Дело в том, видимо, что сами по себе правила, сколь благодетельными они бы ни были, вызывают некий скепсис: разве все ими предусмотреть? Неповторимая же ситуация, рожденная жизнью, нестандартна, захватывающа, она «опровергает» вроде бы скучные догмы. И вообще: «широта взглядов» и «широта натуры» импонируют больше, чем сухие параграфы и их строгие исполнители.

Но жизнь — то во всем ее многоцветье на исключениях не построишь. Нормальное ее течение идет в рамках правил. Хотя всякий раз, когда складывается неповторимо сложная ситуация, мы склонны забывать о правилах...

Мне пришлось разбирать одно сложное дело. Поступило письмо, в котором сообщалось, что некогда молодой человек совершил аморальный поступок: он не окончил институт, а диплом подделал. Теперь же стал профессором. Но, писали авторы, он вовсе не профессор, а самозванец. И другие документы он подделывал и какие-то блага получил незаконно. Общественность института осудила лжепрофессора, в местной газете появился фельетон. Профессор же все опровергал, как низкий навет и клевету завистников.

Не стану рассказывать подробности проверки. В конце концов мне удалось выяснить вот что. Этот человек защитил диссертацию кандидатскую, а потом и докторскую, в своей области он специалист высокого класса, учит студентов очень хорошо. Но документов об окончании вуза у него действительно нет, если не считать сомнительных копий с сомнительных справок. В списке окончивших институт не значится. А диссертации интересны, глубоки, докторская стала даже некоторым вкладом в науку. Как прикажете быть? Поступить строго по закону — это значит лишить хорошего специалиста всех его званий и должностей и тем самым нанести ущерб делу. Разумно это? Нет! Но тогда как же с законностью? Закрыть глаза на сомнительный диплом — создать прецедент безнаказанности за такие махинации?

Вопрос, как видите, очень не простой. В самом деле, воровать нехорошо, аморально и противозаконно. Ну, а если казенные деньги будут взяты ради того, чтобы, к примеру, внести сумму недостачи и спасти честь товарища, у которого недостача образовалась без его вины? А потом эту сумму честно возместить? Оправдано ли пусть даже временное присвоение казенных денег в такой ситуации? По закону, все скажут, нельзя, но «если по жизни», то...

А что «по жизни»? Можно?

Константин Яковлев прислал мне письмо, где описал такую ситуацию. В свое время он вступил в брак с гражданкой Л. Прожили четверть века. Потом по каким-то причинам развелись. Поскольку к этому времени жена получила инвалидность, то суд при разводе постановил взыскать с мужа алименты. Но тут Яковлев узнает (а может, он знал раньше, но до поры молчал), что его жена, вступая в брак с ним, не расторгла первого брака. Таким образом, как утверждает Яковлев, их 25-летний брак был незаконным. Он заявил об этом в суде, но его заявление во внимание не приняли. Суд пришел к выводу, что Яковлев знал о нерасторгнутом браке своей жены и не настаивал на его расторжении; жена потеряла здоровье, живя в браке с Яковлевым, и поэтому именно он обязан ее содержать. А Яковлев на это возражает:

— Значит, вы, товарищи судьи, узакониваете двоемужество? Вы свои соображения ставите выше закона!

Решение суда Яковлев обжаловал в вышестоящие инстанции. Везде ему отказали в пересмотре дела. Но он не успокаивается. И ведь вроде бы прав. Если мы примем за исходную позицию «букву закона», то неизбежно придем к выводу: брак незаконный и, стало быть, недействительный. Если взглянем на обстоятельства, то справедливо ли лишать больную женщину, четверть века прожившую с фактическим мужем, материальной поддержки?

Опять, выходит, тупик? Лишить хорошего специалиста ученой степени и званий не значит лишать его знаний, полезных людям и обществу, даже если путь к этим знаниям оказался на каком-то этапе нечестным. Но тогда, волюно или неволю, одобряется такой путь. Признать 25-летний брак Яковлева недействительным? Но не будет ли тогда «формально правильно, а по существу издевательство»? Исключительными ситуациями богата наша жизнь. Но правила и исключения находятся в очень сложных взаимоотношениях. Если необычное, исключи-

ТОРОПНУ

Юрий ФЕОФАНОВ

тельное принять за руководство в жизни, то можно действительно зайти в тупик. Но нам частенько нравится из ряда вон выходящий прецедент, мы стараемся им оправдать собственное нигилистическое отношение к норме права, к закону и готовим для себя тем самым весьма неприятные последствия.

В принципе человек и сам может докопаться до причин, которые родили, кажется, неразрешимый конфликт между предписаниями закона, правилами социалистического общежития и поступком. Но, во-первых, такие поиски очень затруднены субъективным отношением к собственному поведению («Мне кажется, что я поступил правильно, а остальные думают об этом ложно»). Во-вторых, человек иногда и сам не видит своих ошибок. А в-третьих, у каждого ли из нас есть желание копаться в своем прошлом лишь для того, чтобы вынести себе же беспощадный приговор?

Словом, причин для самоуспокоения много. Но, успокоив себя, неизбежно придешь к выводу: значит, виноват кто-то или что-то. Тогда-то и образуется тупик. Тот же шофер, пьяным севший за руль, дабы спасти женщину, конечно же, станет винить весь свет в несправедливости. И нужно большое мужество, чтобы сказать самому себе: «Виноват-то все-таки я. Я первый нарушил закон еще задолго до приступа у незнакомой женщины. Случайное стечение обстоятельств вывело на чистую воду мои коммерческие махинации. Мог быть не этот, так другой случай, а все равно незаконное использование машины обнаружилось бы. Так зачем хорошим своим поступком я буду оправдывать свое дурное поведение?»

Если человек поднимается до такого суждения о себе, он уже вышел из тупика. Конечно, он попадет в сложный лабиринт самоанализа. Но лабиринт, сколь запутанным бы он ни был, всегда имеет выход.

Если кто-то нарушил норму права или отступил от требований морали сознательно, преднамеренно, преследуя преступную цель, мы считаем такого человека опасным. Но ясность, определенность целей и действий, пусть сколь угодно преступных, дает в руки обществу четкие меры воздействия, предусмотренные законом. Либо ополчает общественное мнение против откровенного нарушителя моральных норм.

Но мы-то ведем речь о вещах, не столь явно обозначенных. В тысячах случаев ни нарушитель не считает себя таковым, ни окружающие не видят в нем злоумышленника. Все делается по мелочам, без видимого вреда, порой с очень благородными намерениями. А в результате — тяжелая драма без «видимых причин».

Один юрист сказал мне весьма любопытную вещь. На первый взгляд совсем несовместимую с привычными формулами нашего житейского обихода, с его незыблемыми истинами. Он сказал так:

— Если люди начнут задумываться над вопросом, можно, допустим, залезть в карман своего ближнего или нельзя; можно ударить по физиономии прохожего или ни в коем случае это не позволено, — если станут люди задумываться над такими вопросами, быть беде. Для разрешения этих вопросов люди будут ссылаться на высокие морально-этические категории, они возьмут в подкрепление цитаты из великих философов, они произведут в своих мозгах сложнейшие логические построения... Да, смею надеяться, большинство придет к выводу: нельзя залезать в карман ближнего, а тем более касаться его физиономии. Но ведь некоторые придут к выводу противоположному! На основе наигуманнейших постулатов придут к такому выводу. И вы, да, да, вы, будете им сочувствовать, аплодировать им будете. Позвольте, я прочитаю вам цитату из нашего философа-народника Петра Лаврова. Он рассуждает об идеализации, к которой прибегает иногда человек, дабы оправдать в своих

глазах и глазах окружающих не очень-то хорошие поступки. Вот его слова:

«...Охотнее всего люди при этом употребляют прием предполагаемого высшего расчета. Дело, взятое само по себе, положим, дурно; но память быстро развертывает длинный ряд великих принципов, примеряя их к моему поступку, и если который-нибудь из них, хоть издали, придется по мерке, то воображение подсказывает, что я имел в виду именно этот принцип при совершении моего поступка. Я побранился с приятелем и убил его. На дуэли я защищал великий принцип чести. Я увлек женщину и бросил ее с ребенком на улице без средств к существованию: я следовал великому принципу свободы привязанностей. Я составил с крестьянами невыгодный для них договор и довел их юридическими исками до нищеты: я поступал во имя великого принципа законности... Едва ли есть такое скверное дело, которое решительно нельзя было бы подвести под один из великих принципов. Выходит, с высшей точки зрения мое дело не только не дурно, но и хорошо».

— Но разве не надо задумываться над своими поступками? — спросил я.

— Надо. Но иногда решение должно приходиться автоматически. И женщину с ребенком оставить без помощи нельзя, и обмануть человека нельзя, какими бы соображениями это ни оправдывалось.

— Ну хорошо, тут вещи очевидные. Но в жизни часто складываются не столь очевидные для решения ситуации, как красть или не красть. Вот оцените с ваших позиций такое конфликтное положение...

И я рассказал моему собеседнику случай с профессором, у которого вместо диплома оказалась сомнительная копия с сомнительной справки об окончании вуза.

— Как выйти из такого положения? Формальная законность или деловая справедливость? Вот ведь в чем вопрос!

— Чепуха, — ответил юрист. — Никакого такого вопроса нет и быть не может.

И рассказал в ответ очень любопытную историю. — В свое время я познакомился с одним интересным человеком — сталеваром Михаилом Ивановичем Гавриловым, тогда депутатом Донецкого областного Совета. Судьба сложилась у него весьма непросто.

В отрочестве Михаил стал вором, несколько раз попадался, но по молодости лет его прощали. А в 1941 году осудили на 5 лет, и по дороге к месту заключения встретил Михаила весть о начале войны. И он решил попасть на фронт. Как? Михаил выбрал не лучший путь: он сбежал из-под конвоя, украл у кого-то паспорт, искусно подделал его, обозначив вместо 1924 года 1921-й, чтобы в армию взяли. И попал-таки на фронт под чужой фамилией: был Баласа Михаил, стал Гаврилов Михаил Иванович.

Когда прибыл в часть, на фронт, то решил и воевать с чистой совестью: о своей нескладной биографии откровенно рассказал уполномоченному «Смерша». Тот не арестовал Баласа, а сказал, что посмотрит, как будет воевать Михаил, и если искупит вину перед законом, то найдется способ все уладить. Михаил, теперь уже Гаврилов, воевал мужественно, а капитана того убили. И осталась тайна, разделенная на двоих, у одного Михаила.

Меж тем близился конец войны. Скоро все тайное должно было стать явным. Конечно, Михаил надеялся, что его преступление простят, хотя и побавивался возвращаться домой, где вся милиция знала Баласа. А тут... Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении М. И. Гаврилову звания Героя Советского Союза. «Хоть в петлю лезть, а не радоваться», — вспоминал потом Михаил Иванович. Пошел он тогда к начальству и все рассказал. «Ну, удружил», — схватилось за голову начальство. Не буду останавливаться на подробностях, скажу

лишь, что Президиум Верховного Совета решил вопрос так: разрешить М. И. Баласе сменить фамилию на Гаврилова. И судимость была с него снята, потому что искупил он свое преступление в боях за Родину.

Как видите, — закончил юрист, — все не так сложно, если по-честному.

— Случай-то уж совершенно исключительный, — попытался возразить я.

— А вы думаете, если бы ваш профессор вместо представления сомнительных справок честно сказал, что диплома не имел, институт не окончил, а справку тридцать лет назад легкомысленно подделал, — полагаете, его бы званий лишили?

— А этого не произошло. Всесоюзная аттестационная комиссия учла, что он стал отличным специалистом.

— Вот видите! А могли все узаконить значительно раньше, и спал бы спокойно ваш профессор.

Вряд ли можно не согласиться с юристом. И, значит, вряд ли найдешь тупик, из которого личная честность и советский закон не нашли бы выхода.

В жизни действует множество правил. Это и правила внутреннего распорядка в учреждении, на предприятии или в школе. Это и воинские уставы, правила дорожного движения, уставы различных служб. Это и правила этикета. Это и нормы морали. Это и общепринятые правила, регулирующие манеру одеваться, нормы поведения в общественном месте или дома. Наконец, это законы государства. Без всех этих многочисленных правил в жизни не обойтись. Не случайно в тех сферах нашей жизни, где нет писанных правил, действуют правила, нигде не зафиксированные, но довольно-таки авторитетные. Вряд ли кто-нибудь наденет сейчас камзол XVII века или платье с фижмами, хотя в принципе это никому не запрещено. Люди сами восполняют «пробелы» в тех нормах, которые регулируют жизнь общества.

Так что жить без правил нельзя, немислимо. Откуда же берется нигилистическое отношение к правовым и иным обязательным нормам поведения? Почему попадаем мы в лабиринты конфликтов, а иногда в тупики?

Одно из заблуждений людей состоит в том, что они отделяют так называемый «дух» закона от его «буквы». Однажды автору этих строк был задан вопрос: «За что вы боретесь в конце концов, за закон или за справедливость?» Будто справедливость обязательно должна быть в конфликте с правом. Пока закон действует, высшая справедливость состоит в точном исполнении каждой его «буквы». Ибо только в «буквах» — в статьях, параграфах, пунктах правовых актов — выражается «дух» закона. Вне этих точно фиксированных подразделений никакого «духа» не существует, как не может существовать содержания, не отлитого в конкретную форму.

О необходимости воспитать в себе уважение к праву, к советскому закону говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Уважать же закон — это не только его знать, но прежде всего строить свое поведение в соответствии с нормой права. И нормой коммунистической морали, являющейся для каждого члена нашего общества внутренним законом.

Но тут мы должны еще раз вздохнуть: простые эти истины не всегда вовремя укладываются в головы и сердца наших современников. Среди некоторой части молодых людей существует некая чуждая ли не мания пренебрегать общепринятым, бравировать своей «независимостью». Сама по себе независимость, чувство достоинства хороши, кто ж может спорить. Но бездумное пренебрежение обязательным, устоявшимся, общепринятым — будь то нормы права или нормы морали — всегда чревато неприятными, а порой драматическими последствиями. Не случайно еще Сократ законностью назвал «порядок и слаженность в душе».

Режиссер приезжает к ним из Москвы.

Кому-то, может быть, сам факт этот покажется незначительным. И даже не стоящим специального упоминания. Ведь ехать-то ему всего полчаса с небольшим: Балашиха очень недалеко от Москвы.

Но мы сейчас не о географии — мы о другом понимании и об ином измерении расстояний.

Анатолий Баранов, работающий в городском отделе Москонцерта и в свое время закончивший высшие режиссерские курсы под руководством профессора Андрея Гончарова, руководит драматическим коллективом балашихинского Дворца культуры. Их сотрудничество продолжается четвертый год, а существует коллектив уже больше двух десятилетий.

Три года режиссерской деятельности в рабочем, самодеятельном театре — стаж не слишком большой, но и не малый. Не торопясь приписывать выпу-

хих подражателями знаменитостей, подавленных столичными достижениями. Такое не в правилах истинной самодеятельности.

Баранов, направляющийся на репетицию из Москвы, не имеет права забывать о непримиримой самостоятельности взглядов своих коллег из Балашихи. Забудет, не увидит в них товарищей по оружию — пусть лучше возвращается обратно, не переступив порог дворца.

В книге «Репетиция — любовь моя» режиссер Анатолий Эфрос пишет: «Мне интересно, в каком платье будут сегодня женщины и в каком настроении мужчины».

Мы не случайно вспомнили эту книгу и не случайно ее цитируем. Как только появилась она на прилавках, Баранов тотчас же купил двадцать экземпляров и привез их в Балашиху, принес во дворец, раздал своему исполнительскому активу. Забота? Наставление? Просветительская миссия? Прежде всего необходимость. Поиск общего языка. Поиск, громко говоря, общности эстети-

службе. Злочевский и Назаров вызывают руководителя на юмористическую пикировку. Журналистка Тамара Логинова принесла свежую газету с информацией о готовящихся спектаклях. И сейчас все, маскируя интерес к печатному слову преувеличенной иронией, комментируют опубликованную заметку.

После паузы в работе, возникшей в связи с новогодними праздниками, у Кузеновой и Шулякова не клеится сцена из пьесы Арбузова «Старомодная комедия», и они демонстрируют некое равнодушие ко всему происходящему. Дескать, сегодня какой с них спрос — нет настроения, и нечего от них сегодня ждать. Хотя пришли они задолго до начала репетиции и повторяли танец вместе с балетмейстером Александром Стребковым. Но так ведь и на профессиональной сцене — к актеру нужен особый подход, доверие к его способности самостоятельно восстановить нужное равновесие. И режиссер соглашается с исполнителями, что ничего страшного не происходит, ничего из наработанного

Александр НИЛИН
Фото Сергея ПЕТРУХИНА
и Юрия УСТИНОВА

ТЕАТР, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ

скунику ГИТИСа Анатолию Баранову особые заслуги, мы все же заметим, что он понят и принят ветеранами коллектива. Такими опытными и достаточно придирчивыми людьми, как инженер Валентина Кузенова, занимающаяся в нем со дня основания, как Александр Леонтьевич Картошкин — котельщик, который двадцать лет на самодеятельной сцене, как Михаил Алексеевич Комаров — сварщик, сорок лет отдавший увлечению театром. С доверием отнеслись к театральным и педагогическим знаниям московского режиссера и дебютанты коллектива — двадцатилетние технологи Людмила Стуженова и Зоя Шеина.

Среди главных и решающих режиссерских талантов отправной, наверное, — влияние на исполнителей. Серьезно ошибается тот, кто полагает, что в работе с участниками самодеятельности проявить его легче. Добровольность начал вовсе не обещает руководителю легкой жизни. Авторитет ему не гарантируют никакие прежние достижения.

Самодеятельность исходит из самостоятельности. В частности, во взглядах на искусство.

Люди, собирающиеся три раза в неделю во Дворце культуры, — искушенные зрители, использующие территориальную близость к столице, чтобы увидеть лучшие постановки в лучших театрах. Но мы не поняли бы и, возможно, оскорбили бы любителей, представив

ческой программы. Ученые называют это — договориться о терминах. Ничего трогательного, сентиментального — рабочий подход. Штрих серьезности намерений: вместе делаем не просто спектакль — театр. В котором знаем, что сказать. И как!

Вернемся к замечанию московского режиссера. Женщины приходят во Дворец культуры, не всегда успев переодеться специально для репетиции, мужчины после работы иногда не слишком настроены на волну репетируемой пьесы. И Баранов за день устал, и к тому же дорога... Как тут быть? Обвинять некого — такова жизнь. Что остается режиссеру? Раздражаться, требовать дисциплины — всегда ли в том выход и спасение? Дисциплина в самодеятельности — необходимость осознанная. И все-таки излишней строгостью настроения не поднимешь. По идее, конечно, режиссер должен был привезти в себе из Москвы некий театральный праздник, который всегда должен быть в деятеле искусства, и, щедро поделившись им с собравшимися, достичь нужной творческой обстановки и сосредоточенности. Иногда получается. Иногда нет.

...Актеры по природе своей редко люди внутренне уравновешенные. Их самодеятельные коллеги не исключение. Настроение иной раз поднимается шутками, отвлекающими от пьесы. Картошкин вдруг вспомнил литовские прибаутки, которые слышал на армейской

не забыто, все образуется к положенным срокам. Ведь нельзя же принимать их репетиции слишком утилитарно. Да, у них тоже сроки сдачи спектакля. Да, и они, как положено актерам, увлечены пьесами, которые сейчас готовят. Но они совершенно резонно видят в репетиции и возможность общения друг с другом. И режиссера они порой склонны рассматривать не как наставника, но как интересного собеседника. Их интересует его человеческое содержание, и они настаивают на раскованности беседы с ним, на смелости поставленных перед ним вопросов. И, придерживаясь он строгой субординации, они, безусловно, разочаровались бы. Но Баранов, на наш взгляд, нашел верный тон. Он не стремится подавить своих подопечных деловитостью. Не напоминает, что ему в первую очередь держать ответ за их общую работу. Всем стилем своего поведения выражает согласие на доверительную открытость. Не изображает непогрешимого мастера, умудренного педагога. Он давно понял, что сила самодеятельности в ее праве на эксперимент. Режиссер не скрывает своих пристрастий в театральном искусстве и в искусстве вообще. Но он безразличен к вкусам своих актеров. И готов спорить. Ведь спорят с ним и ровесники и люди, превосходящие его жизненным опытом. Многие из режиссеров могли бы, наверное, позавидовать человеческому материалу, с которым столкнула

СЦЕНЫ ИЗ СПЕКТАКЛЕЙ.

РЕПЕТИЦИЯ

его работа в самодеятельности. Возникают обратные связи.

Готовность делиться впечатлениями обычно привлекает людей. Руководитель драматического коллектива — книголюб. Знаком с замечательными людьми и умеет, не хвастаясь близостью и знанием бытовых подробностей их жизни, рассказать интересные и поучительные вещи. Товарищеская обстановка позволяет Баранову не изыскивать каких-либо затейливых педагогических приемов в репетиционной работе. Все можно называть своими именами и быть при всем при том понятным и понятным. И режиссер и артисты довольно много знают друг о друге. Может быть, именно поэтому они взаимно защищены от бестактности. Корректность не обязательно идет от чопорности. Наоборот, гораздо чаще от предельной естественности поведения.

Самодеятельность — не только самостоятельность, но и самолюбие. Должным образом скорректированное этикой театрального дела, оно содержит в себе энергию очень значительных художественных смыслов и воплощений. Как правило, и самостоятельность и самолюбие отражаются в репертуаре.

Знающая себе цену самодеятельность не страшится сравнений и соревнования с театрами самыми популярными. Особенно в репертуаре современном, где острота соотнесения с действительной жизнью в самодеятельности, бывает,

ощущается очевиднее. Во всяком случае, многим из талантливых участников самодеятельности так кажется. И ощущение их редко обманывает.

Другое дело — актерское мастерство, которого, вполне понятно, не хватает. Нужно ли, реально ли тягаться с профессионалами в технике? Разумеется, кое-какие элементы профессиональной подготовки, кое-какие элементы занятий по мастерству актера пытаются внедрить в своей практике режиссеры, работающие в самодеятельности. И Баранов тоже. Но в меру. И, пожалуй, он прав. Театральную школу все равно не заменишь. И, наверное, не надо. У самодеятельности свой кодекс условности. И, как правило, аудитория легко соглашается с ним. Конечно, занятия техникой речи, движением никогда не во вред. А все же у тех, кто не намерен переходить на профессиональную сцену, свой путь. И сбиваться с него не следует.

...На сцене снова Кузенова и Шуляков. Первая картина «Старомодной комедии» Арбузова. Со мною рядом в зале — художник Дворца культуры Евгений Еремеев. Он переживает, что Валентина Кузенова на репетиции, при пустом зале иногда играет, что называется, вполсилы. «А на спектаклях она делается одержимой», — рассказывает он, — захватывает просто...» Про Валентину Баранов говорит, что, будь он во главе любого профессионального теат-

ра, не задумываясь ни минуты, взял бы ее в труппу. Баранову тридцать четыре года, и не исключено, что когда-нибудь он еще возглавит настоящий театр. Но вот нужно ли менять профессию хорошему инженеру Кузеновой при всей ее видимой сценической одаренности? И вообще обязательно ли судить об успехах самодеятельного коллектива по количеству актеров, отданных им в профессиональный театр? В отдельных случаях такое неизбежно происходит. Но наивно считать задачей самодеятельности профессиональную ориентацию на театр. Другой разговор — общее эстетическое воспитание.

Когда-то проблемой был специальный репертуар для самодеятельности. Сейчас необходимость в нем если и не отпала, то носит специфический характер. Спектакль самодеятельного коллектива — по условиям выездных в основном выступлений — должен быть портативным, транспортабельным. Правда, Евгений Еремеев сетует, что он не может добиться в своем дворце лаконизма, к примеру, «Современника», ибо в его распоряжении нет достаточно умелых осветителей, нужных для задуманных им эффектов. Но обаяние любительских спектаклей часто и в известной неумудренности подготовки. Правильно, что современные любители — люди производства, люди мастера — не хотят с этим мириться и проявляют большую изобретатель-

ность. Однако да будет позволено нам все-таки любить в самодеятельных постановках то самобытно-домашнее, чего на профессиональной сцене, наоборот, не должно быть. Как любят и в век наивысшего развития промышленности ручную работу. И по-особому ценят ее.

За три последних года рабочие из Балашихи показали не без заметного успеха три пьесы, репертуарные в современном театре: «Историю с метранпажем» Александра Вампилова, «Транзит» Леонида Зорина и к тридцатилетию Великой Победы — «Последний шанс» Василия Быкова. Многократно и успешно прошел спектакль «Трибунал». Сейчас коллектив готовит новый спектакль — «На всякого мудреца довольно простоты». Предстоящая работа — опыт на глубину постижения характера, если можно так выразиться. К этой работе самодеятельные актеры идут от раздумий о человеческой психологии, о национальном характере. В классике они видят и школу более глубокого постижения современных пьес.

Режиссер приезжает к ним из Москвы.

И в Москву возвращается, обогащенный непосредственным знанием жизни, которое подарили ему самобытные и увлеченные люди, артисты самодеятельности.

ПОЭЗИЯ

Не бог, но хлеб...

Редко теперь это, чтоб первая поэтическая книга была пробой сил, намеком на грядущее цветение еще одного поэтического сада...

Отец учил нас поклоняться не богу — хлебу своему.

Отец поэта — хлебобор, и по эту дорогу земля, крестьянский труд, люди деревни.

Перепела поют по вечерам, Когда тиха тяжелая пшеница, Когда в корнях ее перепелица Птенцов считает по раскрытым ртам.

Он умеет ходить по земле, не мешая живности, и вся эта живность признает поэта за своего, не шархается в ужасе. И вот они, новые открытия:

...Ставок дымится — так вода тепла. С бугра он словно блюдец молюка. Я крался, не тревожа лягушат, Счастливые открытия предвкушая. Я видел, как Медведица Большая К ставку водила ночью медвежат.

Поэзия Митрохина корнями уходит в южную деревню, но она не местечковая. Это и не любование старой, уходящей деревней, поэт радуется преобразованиям.

Над бороздой склонялся за селом — Любил целебный запах чернозема.

Брал горсть земли, и нес ее до дома, И высыпал на грядку под окном.

Отец жили единым дыханием со страной и детям наказали быть в гуще жизни. Сборник Митрохина открывается циклом стихов о БАМе.

По-прежнему жива Корчагинская совесть!

Он увидел, что нить дороги связует не только пункты сообщения, человеческие судьбы современников, она связует эпохи.

Владислав БАХРЕВСКИЙ

ПРОЗА

Воспетый сердцем край

Тропа цветная под ногою, Цветной от радуги пихтач. Да не под этой ли дугою Моя Земля несется вскачь?..

Эти звонкие поэтические строки Вениамина Колыхалова невольно вспоминаются, когда читаешь его новую, на этот раз прозаическую книгу «У подножия солнца» («Молодая гвардия», 1975).

«Через детство и юность мою Обь текла в заповедном краю», — пишет автор и сравнивает могучую сибирскую реку с прокатным станом, который формирует и родную землю и человеческие судьбы.

Так постепенно, штрих за штрихом, образ за образом, зримо и естественно обозначаются в книге не только ее географические рамки — Сибирь от Полярного Урала до берегов Зем...

трудится молодежь Всесоюзных ударных комсомольских строек.

В книге Вениамина Колыхалова почти нет действия в привычном понимании этого слова. Она похожа на мозаику, сложенную из человеческих судеб...

В очерке «Открытие Земли» запоминается образ журналиста Анисима Бабинцева. В нем угадывается сам автор. «Бабинцева всегда тянуло к людям-кочевникам. Он привык к постоянным дорогам.

Но Колыхалов не просто ездит, смотрит, выспрашивает. За его плечами большая трудовая жизнь — работал монтажником-верхолазом, слесарил, служил в армии, ходил с геологами по тайге, был воспитателем в детском доме, потому как сам в прошлом детдомовец.

За книгу очерков «У подножия солнца» Вениамин Колыхалов удостоен премии на Всесоюзном литературном конкурсе имени Николая Островского.

Сергей ЗАПЛАВНЫЙ

ПУБЛИЦИСТИКА

Возвращение к себе

Читаю книгу Агнии Барто в третий, в четвертый раз. Возвращаюсь к ней снова и снова.

Названа книга просто — «Записки детского поэта» («Советский писатель», Москва, 1976).

Нет и еще раз нет! Книга сложна и увлекательна, многопланова и — главное достоинство — неисчерпаема.

В новой книге Барто дневники, записи, датированные 1974 и 1943 годами, соседствуют с прозой, с первоклассной прозой. А рядом — мемуары: друзья, соратники, учителя, революционная Испания 1937 года.

Взглянуть на себя со стороны. Проблемы гражданские, этические, литературные. Книга неисчерпаема, и один жанр дополняет, обогащает другой.

Агния Львовна избрана народным заседателем, и встречи, работа в суде ничуть не напоминают встречи, работу в Международном совете по детской и юношеской литературе (Барто — президент Ассоциации деятелей литературы и искусства для детей при Союзе Советских обществ дружбы).

Я знаю, почему моя семилетняя Наташа так любит стихи про сестренку, которой двадцать дней, почему улыбается, слушая «Мы с Тамарой ходим парой...».

Книга многослойна — выписки из писем детей дополняют глубоким и увлекательным критическим анализом поэзии. «Записки детского поэта» не просто интересны, но в высшей степени полезны молодым литераторам.

«Не раз я замечала, что случайно сказанное слово или прочитанные в книге строчки вдруг высветят давние кадры твоей жизни и откроют для тебя их иной, более глубокий смысл».

Как жаль, что строки эти приходится закавычивать: я выписал их из книги Агнии Львовны Барто. Как жаль! Это же мои мысли по поводу «Записок детского поэта».

Вот и нашел точное, хотя и не совсем научное определение жанра рецензируемой книги. Книга ассоциаций. Ассоциаций — воспоминаний, сравнений, размышлений автора.

Отдельная глава книги «Дива былинные» посвящена славяно-мудрому роду Микулину. Богатырь Микула Селянинович занимает среди богатырей место по праву главенствующее; исследователь древнерусского эпоса предпологает даже, что Микула — крестный отец Ильи Муромца.

Тридцать два солнца — рисунки мальчишек и девчонок — напоминают автору о детях Исландии, Болгарии, Японии. Мне — о других детях: Кубы, Конго, Вьетнама — худеньких, черных (один из них писал левой рукой, правой не было), занимавшихся в бамбуковой хижине в одном из освобожденных районов Южного Вьетнама.

Книги остаются с человеком — не только песни. «Веревоочка», «Игра в слова» — любимые книжки дошкольников, первоклассников. Потом, позже, когда дети подрастут, повзрелеют, — книга «Найти человека», о гражданском подвиге поэтов, не жалевших сил, чтобы найти, соединить тех, кого разлучила война.

Мы торопимся, спешим, постоянно решаем массу проблем, кажущихся неотложными. И вот читаешь эту книгу, снова возвращаешься к ней и догадываешься: а может, пора остановиться? Осмотреться. Задуматься.

Олег СПАССКИЙ

БЫЛИНЫ

Книга для учащихся

Современные школьники, изучив по программе 5-го класса былины, едва ли запомнят великое племя богатырей великорусских, а вот с героями древнегерманского эпоса, со всем зевосовым семейством наши школьники знакомы гораздо лучше.

Откуда родилось у В. Старостина это чувство сопричастности с судьбой своих предков, с их жизнью и славой? Он родился в середине России, в маленьком городе Вятке, в годы революции. Песни о былинных сражениях красногвардейцев он слышал от матери и от отца.

Вольга — возлелеянный народом в тысячелетней борьбе с иноземными захватчиками образ совершенного военачальника-полководца. Образ Ильи Муромца воплощает в себе черты самого русского народа в его борьбе и труде, именно поэтому Илья Муромец бессмертен, как бессмертен народ.

Отдельная глава книги «Дива былинные» посвящена славяно-мудрому роду Микулину. Богатырь Микула Селянинович занимает среди богатырей место по праву главенствующее; исследователь древнерусского эпоса предпологает даже, что Микула — крестный отец Ильи Муромца. Микула — пахарь, который силен своей «тягой земной», любовью к землепашеству, оттого и сделал его народ сильнее Вольги-воителя, и возвышен хлебороб народом в первые богатыри.

Книга Василия Старостина изложена языком народным, певучим, так глубоко проникся автор истинно былинным складом изученного им материала. Он слушает слово и понимает истинный смысл не только слова, но и характера народа, его породившего. Так он открыл для себя глубинно славянское значение родного слова «Вятка». «Вятский» — по-новгородскому «въячий», «высый» — вон как высоко летит слово вятское; и характер народа (высый по силе, по величине, по власти. — В. Даль) в нем просматривается. «В былинах, в песнях, в сказках, в пословицах, в загадках, наконец, в частушках — во всей этой стовковой народной мудрости мы обретаем еще невиданное языковое величие и возродим старое», — говорит в конце своей книги В. Старостин.

Лидия ВАСИЛЬЕВА

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ

РАДОСТЬ ОБЩЕНИЯ

Понедельник не люблю, потому что не будет почты. В этот день не будет газет, не будет писем.

Письма, письма... Как их ждали в войну! Разве можно забыть солдатские треугольнички? Из каждого окна ревниво следили за почтальоном. Что принесет? Может, вместо письма у него в сумке похоронка?

Наши отцы и старшие братья писали мужественные письма. Чем труднее на фронте, тем строже письмо. Но мы умели читать и между строк.

У меня хранится пожелтевшее письмо-исповедь моего дяди:

«Меня тяжело ранили. Раненым попал в плен к немцам, и то, что пришлось пережить самому и видеть собственными глазами, трудно передать на словах. Вот где русские военнопленные терпели муки! Около 300 истощенных красноармейцев не могли двигаться. Всех их фашистские звери отравили, а затем сожгли. В городе Волчанске мы видели 13 девушек, повешенных фашистами. В городе Сватове немцы собрали на площади 20 семей советских граждан, долго издевались над ними, били плетью, а потом живыми закопали в землю.

Моя мечь — мечь простого русского солдата не погаснет до тех пор, пока ни одного фашиста не останется на нашей родной земле».

Хотя я был еще ребенком, но понял, что содержание этого письма должны знать все. Сходил в редакцию районной газеты, и письмо целиком было напечатано. Дядя, Гавриил Федорович Чурюмов, погиб в 1945 году, а газетная вырезка осталась.

Представляю себе капитана Г. М. Масловского, идущего на последнее задание. Он знал, что погибнет, и писал сыну:

«Сын, ты в каждом письме просил и ждал моего возвращения с фронта. Без обмана, его больше не жди и не огорчайся, ты не один. При жизни нам, сынка, мало пришлось жить вместе, но я на расстоянии любил тебя и жил только тобой. Вот и сейчас думается, хоть я буду мертвый, но сердце продолжает жить тобой, даже смерть не вытеснит тебя из моего сердца. Прощай, мой сын! Люблю, люблю до последней капли крови...»

Такие бы письма следовало писать золотыми буквами. Я учитель и люблю благоговейную тишину, когда начинаю читать письма тех людей, которых нет с нами. Скажем, в одной со мной школе работает учительница С. М. Поподняк. Когда ей не было еще полутора лет, отец ушел на фронт и погиб. Не знала она в жизни, что значит отцовская ласка, не слышала его добрых напутственных советов. Но вот уже взрослой дочери мать подарила двенадцать оставшихся писем, которые он написал с фронта. И я имел возможность соприкоснуться к этим письмам. Никогда не знал я этого человека, но по письмам ясно представил прекрасного мужа, доброго семьянина, коммуниста, горячо влюбленного в свою Родину. По разрешению Светланы Михайловны я читал эти письма в различных классах. «С чего начиналась Родина...» — поется в песне. А может, и с таких наскоро написанных карандашом строчек бойца...

Как-то меня послали на совещание. В гостинице оказался с москвичом. Три дня, три прекрасных вечера, когда засиживались до двух-трех часов ночи. Он строитель сахарных заводов, не раз приезжал в Молдавию. Два года работал на Кубе. Много интересного он мне рассказал. После этой встречи в Кишиневе и завязалась дружба. До сих пор мы переписываемся.

Знаменитый Робинзон, построив себе жилище, одевшись, имея достаточное количество пищи, постоянно мечтал о собеседнике. И долгожданная радость пришла только тогда, когда рядом появился Пятница. Даже если бы Робинзону представилась возможность переписываться, и то его жизнь намного бы украсилась, стала целесобразней.

Порой мы ленимся написать письмо родным, друзьям. Все нам некогда. Работа, увлечения, собрания, заседания. А живут наши близкие порой в далеких экспедициях, бороздят много месяцев подряд моря и океаны. И как приятно получить теплые слова от дорогих им людей!

Известный французский летчик и писатель Антуан де Сент-Экзюпери на несовершенных самолетах через пустыни и моря возил почту и считал это делом огромной важности. Он же сказал: «Единственная настоящая роскошь — это роскошь человеческого общения».

Письма соединяют людей для счастья, для единой цели. Будем писать письма матерям — они их ждут всегда, будем писать любимым, друзьям. Вы живете на земле не одни. Ждите писем и пишите сами.

**В. ЧУРЮМОВ,
учитель, село Болотино
Молдавской ССР**

СПАСИБО ТЕБЕ, СТАРШИНА!

Последний тренировочный марш-бросок перед строевым смотром. Горячая желтая степь качается под ногами. Едкая колючая пыль, сбивая с трав десятками салог, щекает ноздри. Передо мной маячит мокрая гимнастерка. Противогаз бьет по ногам, скачет на плече автомат, подпрыгивает, несмотря на затянутый ремешок, каска. Солнце жжет все сильнее и сильнее, раскаляет небо до красноты.

Все! Больше не могу! Мимо пробегают товарищи, рота взбирается на очередную сопку, рвется к финишу, потому что есть норматив, и мы должны в него уложиться... Паша Елисеев появился внезапно.

— Раскис,— переводя дыхание, кричит он,— дай автомат — легче будет!... И протягивает руку.

— Не дам,— хриплю я и пытаюсь обойти старшину.

— Отдай автомат,— уже угрожающе повторяет он и царапает пальцами мою мокрую гимнастерку, пытаюсь на бегу поддепить влажный ремень оружия.

В голове мелькает: отдать... легче будет... Но, сбивая с бровей крупные горошины пота, прибавляю ход:

— Не дам.

Мы лежим вповалку на высохшей траве. Выгоревшее июльское небо продолжает качаться над нами. Мы улыбаемся ему почерневшими от пыли лицами: норматив наш открыт.

Старшина Елисеев подошел ко мне вечером:

— А я ведь знал, что ты не отдашь оружие: позлит хотел, чтоб бежал быстрее...

Шесть лет прошло с тех пор, как я демобилизовался, однако случай этот помню очень хорошо и не забуду его никогда. Потому что он помог мне поверить в себя, в свои силы и научил не отступать ни перед какими трудностями.

А если бы я отдал автомат?..

Спасибо тебе, старшина Елисеев!

**Н. СОИН, рядовой запаса,
Ленск, Якутская АССР**

МАТЬ

Мы с семьей жили в Ленинграде, на Петроградской стороне. Мой отец был коммунист с 1905 года, комиссар. Когда в 1921 году он умер, застудив старое ранение, и умерла от тифа мать, из пятерых детей двоих — меня и сестру — определили в школу-интернат при Черниговском холодильнике. Нас кормили, одевали, учили рабочие этого завода, товарищи отца, а мы чинили им фарточки, рукавицы. Когда мы пришли в интернат, нас встретила высокая сутуловатая женщина с гладко причесанными волосами на прямой пробор. Она прижала меня и сестру к груди и сказала: «Ваш отец был очень справедливый и хоро-

ший человек. Будьте и вы такими, как он». Мы заплакали...

В комнате стояли 4 железные койки, на них спали по 2 человека, но тесно не было — койки были для взрослых. Христина Карловна, так звали нашу воспитательницу, была эстонкой. Акцент был у нее отчаянный. Сначала мы почти не понимали ее, а переспрашивать не решались. Но постепенно непонимание сгладило. Школа, где мы учились, находилась от нашего дома через железнодорожное полотно. Христина Карловна выстраивала нас парами и провожала в школу, а сама шла на работу. Однажды при переходе через стрелку у одной из наших девочек, Дуси, застрял в рельсах каблук, все перешли, а Дуся стоит как вкопанная, и паровоз совсем близко. — тогда Христина Карловна подскочила к ней, быстро расшнуровала ботинок и буквально из-под колес вытащила Дусю...

Дома все делали сами: дежурили в кухне, готовили. Христина Карловна показывала, как отбирать пшено, чистить селедку, мыть посуду. Чего греха таить: раздражала нас иногда эта чистота, требовательность Христины Карловны. Но зато за 6 лет в школе-интернате никто ни разу не болел, и хотя не было никаких витаминов, даже на зубы мы не могли жаловаться. Чистили их солью и после еды рот полоскали. Учила она нас долго и терпеливо — шить, штопать, лести обметывать, ставить заплатки. Объясняла нам Христина Карловна все спокойно, терпеливо. И теперь, когда у меня две дочери и внучка, я удивляюсь, откуда было столько терпения в этой женщине. Материнского терпения в этой женщине, которого подчас не могу обнаружить я к своим. У Христины Карловны нас было семь девочек и родной сын.

Сейчас воспитательницы Христины Карловны на пенсии, двое живут в Малоярославце, двое в Ленинграде, одна на Памире. Всех нас Христина Карловна выучила житейским проростом. Мне 66 лет, а вспоминаю я ее всю жизнь. Как пригодились в войну и штопка и умение ставить заплатки! Золотые руки были у нашей Христины Карловны. Одно угнетает меня: живу я очень далеко и цветов на ее могилу не могу положить. Похоронена она на Пискаревском кладбище, а умерла во время блокады от голода.

Одна из наших воспитательниц похоронила ее. В войну жили в разных городах, а потом я разыскала всех через адресный стол, и мы встретились. Сидели и вспоминали, как рабочие Черниговского холодильника собирались в нашем доме митинги, вечера. А мы одевались в праздничные платья с белыми пелеринками и подавали на столы угощение. Я тогда очень переживала, что нос у меня куросый и толстенный. На ночь я бельевой деревянной прищепкой его защемила и уснула, хотя было очень больно. Ночью повернулась на бок, и прищепка загнулась в сторону. Проснулась от сильной боли, нечем было дышать. Сняла прищепку, а утром нос покраснел и распух. В тот вечер девочки без меня угощали рабочих, а я сидела и ревела. Христина Карловна раньше обычного вернулась с вечера и отругала меня. Я запомнила ее слова и прожилась жизнь, ни разу не напудрившись, не накрасившись, о чем совершенно не жалею.

Я первая из воспитательниц вышла замуж, всякое в семейной жизни случалось, и если что-то я не умела или не знала, то шла к своей воспитательнице за советом. Она знала и умела все, эта простая эстонская женщина — мать, коммунистка. Низко кланяюсь ее памяти. Она научила нас никогда не лгать, не бить детей. Она очень любила проводить с нами часы отдыха после работы, когда все прибрано, когда все дома. После ужина Христина Карловна садилась в кресло, и мы читали вслух. Так я за 6 лет перечитала всех классиков. Порой в благополучных семьях не увидишь такого внимания к родным детям, какое получали от нее мы, сиротства никогда не ощущали. Рабочие отчисляли деньги от своих заработков. От своей семьи на наше воспитание. У двух девочек потом нашлись мамы, но Христина Карловна их не отдала.

так как сами они не хотели уходить от нас. Я прожила немало, людей повидала много, но мне кажется, что нет на свете лучшей матери, чем была наша Христина Карловна.

**Зинаида АЛЕКСЕЕВА,
Куртамыш**

«МАБУДЬ»

В конце января возле нашей глубоководной метеостанции остановился топографический отряд. По утрам рабочие прогревали большие болотные тракторы, коптя небо соллярным дымом; весь день копались на реке, намораживая мост, а вечером, смущенно улыбаясь, входили в нашу комнату и до поздней ночи стучали бильярдными шарами. Мы для них были воплощением цивилизации, а они для нас — пришельцами с Большой земли. Через несколько дней прилетел вертолет, привез продукты, запчасти и парня лет двадцати — нового рабочего. Новичок пришел к нам вечером вместе с топографами.

Я подсел к нему и, подключая его к общей беседе, спросил:

— Играть будешь?

— Мабудь.

«Мабудь» по-украински означает «может быть». Слово ветерком пахнуло на меня с родной Украины:

— Земляк?! Откуда?

— З Винницкой области.

— А я с Хмельнитчины; значит, соседи. Извини, что грубо спрашиваю, за длинным рублем приехал или попробовать романтики? Земляк отчужденно посмотрел на меня:

— Проверяться!

Топографы прозвали новичка Мабудь, но он не обижался, а улыбался чему-то своему, затаенному.

Через неделю отряд топографов ушел на север. Мабудь и двое рабочих остались в группе ремонтной помощи.

В таежной глухомани газета, книга очень высоко ценятся. А у меня была личная библиотечка в три десятка книг. Вот я и решил сделать земляку приятное — предложить ему выбрать что-нибудь почитать. Он покопался около полки и выбрал книгу «Вдали океан» — про путешествия. Я внутренне улыбнулся: «Нет, милый, не проветывайся ты приехал, а проверить былью детские мечты и грезы».

Мабудь прочитал книгу, похвалил и предложил мне свою книжку «Зверюбой». И опять я улыбнулся: «Одни носят в вещмешках «Войну и мир», другие — «Как закалялась сталь», он — красивую книгу-сказку. Догадки мои подтвердились — «хмельной» воздух романтики привел его сюда. Но выдержит ли он? Тайга слабых не любит. И окрестили его каким-то устойчивым словом «может быть». И почему он скрывает, чудак, свою романтическую душу?»

Однажды прилетел вертолет и увез Мабудь. Через пять дней земляк мой вернулся; изменился он до неузнаваемости — лицо и руки в мазуте, глаза воспалены.

Заварили таежных лечебных трав, и вскоре Мабудь опять хитрово улыбался. Позже я узнал, что в тот первый вылет земляк почти не вылезал из-под трактора, устраняя тяжелые повреждения. Потом у него было еще много вылетов.

В начале марта вернулся топографический отряд, и опять в нашей комнате стало шумно. Рабочие звали его теперь по имени и отчеству. В таежных условиях не так-то просто из неустойчивого Мабудь превратиться в уважаемого «батюшку». Верно говорит пословица: «По труду и честь».

Я нарочно не называю имени и отчества Мабудь, потому что таких парней у нас тысячи.

Через день отряд возвращался на базу: план был выполнен почти на 200 процентов. Перед отъездом земляк признался мне:

— Тайга — это и вправду романтика...

**Сергей ШАНГИН,
радиот-метеоролог,
Томская область, Каргасокский район**

ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН ЦЗЯО

то-то уж слишком быстро я разыскал этого печеночника», — подумал Патрик, когда машина затормозила у обшарпанного трехэтажного дома на Берримароуд. Глядя на невзрачное строение, Ло отметил, что получил от врача любопытную информацию относительно внешнего вида Карима и сопровождавшей его женщины. Приказав шоферу встать за углом, Патрик поднялся на второй этаж и позвонил. Дверь слегка приоткрылась, и в небольшую щелку выглянуло лицо пожилой женщины. Глаза ее смотрели испуганно и недоверчиво.

— Простите, господин Карим здесь живет? — вежливо осведомился инспектор.

Женщина немного помолчала, внимательно разглядывая Патрика.

— Вы кто?

— Я сын его давнишнего приятеля, — соврал Ло. — Мы сейчас живем в Малайзии. Господин Карим и отец не виделись уже много лет. Я здесь проездом, и отец попросил меня справиться о здоровье господина Карима.

Женщина продолжала смотреть на инспектора, словно что-то взвешивая. Затем распахнула дверь и впустила его в прихожую.

— Умер он, — тихо произнесла она и отвернулась, вынимая платок из кармана, — восьмого числа умер. Никогда раньше не болел. Все случилось неожиданно... так быстро...

«Неожиданно от цирроза не умирают», — вспомнил Патрик свой разговор с экспертом на следующий день после находки на Блаканг-Мати.

— Извините меня. Я, право, не знал... Вы, наверное, его жена?

Он попытался изобразить на лице смущение, но почувствовал, что делает это неудачно. Однако женщина ничего не заметила. Она всхлинула и стала усиленно тереть глаза.

— Да, я его жена. Но проходите в комнату. Что же мы здесь стоим?

— Может, мне зайти в другой раз? — начал Патрик и тут же подстраховался: — Правда, я должен скоро уехать.

— Нет, нет. Пожалуйста, оставайтесь. Я рада, что хоть кто-то спрашивает о моем бедном муже. Ведь у него никогда не было друзей... всю жизнь мы прожили в одиночестве, и сейчас... после его смерти мне особенно тоскливо.

Ло вошел в скромно обставленную комнату, огляделся и вдруг ясно представил себе массивный, со сверкающим камнем дорогой перстень Карима, о котором упомянул врач. Перстень находился в явном несоответствии с бедной обстановкой квартиры. На стене висела фотография мужчины в траурной рамке. Это был человек, чей труп обнаружили на Блаканг-Мати.

— Садитесь, господин... э-э... — сказала вошедшая следом жена Карима.

— Ло. Патрик Ло.

— Может быть, вы хотите есть, господин Ло? Вы, наверное, с дороги?

— Нет, благодарю вас, — отказался Патрик, — я недавно поел.

Он сел за стол — другого места в комнате не нашлось.

— Расскажите мне, пожалуйста, о вашем отце, — попросила вдова Карима, усаживаясь напротив. — Как приятно, что у Самсуна нашлся хоть один друг!

«Значит, начнем с меня, — подумал Патрик. — Что же, не возражаю».

Он начал на ходу сочинять историю о несуществующем отце и одновременно пытался построить в уме какую-то версию.

«Естественная смерть Карима полностью исключает предположение о том, что он жертва преступников. Значит, остается одно: Карим — член «Анг Сун Тонг» и похоронен на ее ритуальном кладбище. Похоже, что жена в курсе дела. Тогда она не должна поверить в мою выдумку. Сын приятеля, о котором она слышит впервые. Наверно. Но с чего я взял, что она поверила? Она меня спрашивает об отце, чтобы потянуть время, собраться с мыслями. Но, в общем, она ведет себя правильно. На полицию, в сущности, ей наплевать. Карим умер, жена за дела мужа не в ответе. Друзей у него, как она заявила, нет. Своевременно прикрыла

себя с этой стороны. А если я поинтересуюсь местом его захоронения? Покажу ей фотографию, которую она наверняка уже видела в газетах? Как она прореагирует на это? А может, они подстраховались и насыпали могильный холмик на каком-нибудь кладбище? Тогда она скажет, что ей ничего неизвестно...»

Патрик деликатно перевел разговор на Карима. Женщина снова запричитала.

— Отец остался бы недоволен, если бы я уехал, не побывав на могиле господина Карима, — произнес Ло, внимательно глядя на собеседницу. — Он рассказывал так много хорошего о вашем муже. Я просто обязан почтить его память.

— Да, да, конечно. Вам непременно нужно сходить на кладбище, — ответила вдова Карима, смахивая слезу.

— А где похоронен ваш муж? — быстро спросил Патрик.

— Кладбище недалеко отсюда. На Вонгчин роуд. «Значит, все-таки подстраховались», — отметил Патрик.

— Если хотите, я провожу вас туда. Я бываю там каждый день.

Вдова Карима взглянула на фотографию мужа.

— Бедный Самсун! На твою могилу некому даже прийти, кроме меня. Ты наверняка рад будешь сыну твоего друга.

— А на похороны господина Карима было много народу? — поинтересовался Ло.

— Дома — несколько человек. Да и тех, признаться, я наняла. Нехорошо, когда за гробом некому идти. А на кладбище — не знаю. Может, и много... Обычно мусульманские похороны собирают столько любопытных.

— А разве вы не были на кладбище? — удивился Патрик.

— Коран запрещает женщинам участвовать в похоронной процессии, — объяснила вдова.

Ло хотел задать хозяйке еще один вопрос, но не успел. В прихожей раздался звонок. В глазах вдовы мелькнуло беспокойство.

— Кто бы это мог быть? — произнесла она удивленно. — Извините, я пойду открою.

«Действительно, кто мог пожаловать к ней в гости? — подумал инспектор. — Ведь она сказала, что у них не было друзей. А похоже, что это запланированный визит».

Ло машинально прислонился к левому боку, где обычно носил под пиджаком пистолет, но с сожалением вспомнил, что оставил его в офисе. Он никак не ожидал, что сегодняшние поиски дадут хоть какой-нибудь результат.

Патрик быстро огляделся, поднялся из-за стола и встал сбоку от дверей, готовый к любой неожиданности. Из прихожей послышался сдавленный шепот. Через несколько секунд в комнату снова вошла хозяйка, а за ней мужчина в сонгкоке*.

6

В первый момент Патрик ошеломился. В комнату вошел мужчина, чей портрет в траурной рамке висел на стене. Тот самый, с Блаканг-Мати!

Патрик бросил еще один взгляд на фотографию, потом опять посмотрел на человека в сонгкоке.

— Познакомьтесь, господин Ло, — это брат моего мужа. — Голос вдовы звучал неуверенно. — А это, — она обратилась к деверю, — сын старого друга Самсуна. Они с отцом живут в Малайзии.

Брат Карима вдруг побледнел и тяжело опустился на стул.

— Я так и знал, — еле выдавил он из себя. — Я так и знал, что этим все закончится... Я это чувствовал. Не нужно нам было связываться! Это все ты...

— Что ты мелешь? — зло перебила его вдова. — Что подумает наш гость? Он расскажет отцу, что в семье его друга все сумасшедшие.

Мужчина затряс головой.

— У меня никогда не было друзей в Малайзии. Этот господин — из полиции.

— У вас?! — вырвалось у Патрика. — Вы сказали — «у вас»?!

Сидевший умоляюще посмотрел на инспектора.

— Клянусь Аллахом, мы не виноваты, — начал он быстро говорить, сбиваясь и путаясь. — Мы не совершили никакого преступления. Он умер сам. Заболел и

умер. А какая ему разница, что будет написано на могиле? Мы уже все решили, когда он умер. А когда он был жив, мы и не думали... Клянусь Аллахом, господин полицейский...

— Вы не ошиблись, — сухо перебил его Ло, — я действительно из полиции. А теперь успокойтесь и расскажите все членораздельно.

— Откуда мы знаем, что вы из полиции?! — почти выкрикнула хозяйка, враждебно глядя на Патрика.

Ло, усмехнувшись, вытащил из кармана удостоверение.

— Из вас вышла бы неплохая актриса, госпожа Карим.

Он посмотрел на мужчину.

— Я вас слушаю.

— Это все она придумала, — забормотал тот. — Она! Я говорил: не надо! А она слушает ничего не хотела. Я предупреждал: Аллаха покарает нас...

— Ничтожество, — процедила сквозь зубы госпожа Карим и, вздев глаза кверху, добавила: — Да простит меня Аллах.

— У вас будет время выяснить отношения, — заметил Патрик. — Нельзя ли поближе к делу?

— Я... Мы... — начал мужчина.

— Оставьте, — раздраженно бросила госпожа Карим, — я сама расскажу. Ты не способен даже на это! Она повернулась к Патрику.

— Это мой муж — Самсун Карим. Его брат Раззак недавно получил приличное наследство от родителей жены, которая умерла несколько лет тому назад. В конце прошлого года он тяжело заболел. Врачи сказали, что он долго не протянет. Да я и сама это понимала. У него обнаружили цирроз печени. Наследство еще юридически оформлено не было. Когда он умер, у меня появилась одна мысль. Как-никак они родные братья... Раззак любил Самсуна, он бы оставил ему деньги, если бы сумел... Вот мы и решили... Они были очень похожи... даже я с трудом их различала. Как вам все объяснить... Мы поменяли документы: Самсун умер, Раззак остался жить. Он жил один, поэтому никто ничего не заметил. Да и сейчас все прошло бы нормально, если бы не эта... не этот недоумок! Преступления мы никакого не совершили, разве не так? Единственное, в чем нас могут обвинить, — это в присвоении чужих документов. Что ж, уплатим штраф...

Она бросила презрительный взгляд на мужа.

— Кретин несчастный! Зачем я только связалась с тобой? — И опять опасливо посмотрела вверх. — Да простит меня Аллах!

— Действительно, — согласился Ло, — вы отделаетесь штрафом. Если, конечно, все так, как вы говорите...

— Других грехов за нами не водится! — горячо заговорила жена Карима.

— Это мы увидим. Однако я пришел к вам совсем по другому делу.

Карим с женой удивленно переглянулись. Патрик вытащил из кармана газету с сообщением о находке на Блаканг-Мати.

— Вы видели эту газету?

— Мы не интересуемся политикой, — подняла ладонь госпожа Карим.

— Ваше дело, — пожал плечами Ло. — Но как вы объясните мне это?

Супруги прочитали заголовок, взглянули на фотографии.

— О Аллах! — Госпожа Карим побледнела. — Раззак на Блаканг-Мати! Сад смерти! Но как... А-а! — Она вдруг судорожно глотнула воздух и начала медленно сползать со стула.

Карим засуетился в поисках воды. «Играет», — подумал Патрик. Но побледневшее лицо женщины с резко очерченными, изогнувшимися в судороге синими губами ясно говорило о том, что ей действительно стало дурно.

Минут через пять Кариму с помощью Ло удалось привести свою жену в чувство. Вдвоем они усадили ее на кровать. Карим беспрестанно призывал на помощь Аллаха и жалобно подвывал. Женщина смотрела на них мутными, бессмысленными глазами и еле-еле шевелила губами.

— Сад смерти... — глухо бормотала она. — Нечистая сила... О, Аллах! Магомет наказывает нас. За что?! За что?! Мы не гневим его... Мы только поменяли... документы!

Постепенно глаза ее стали проясняться. Инспектор

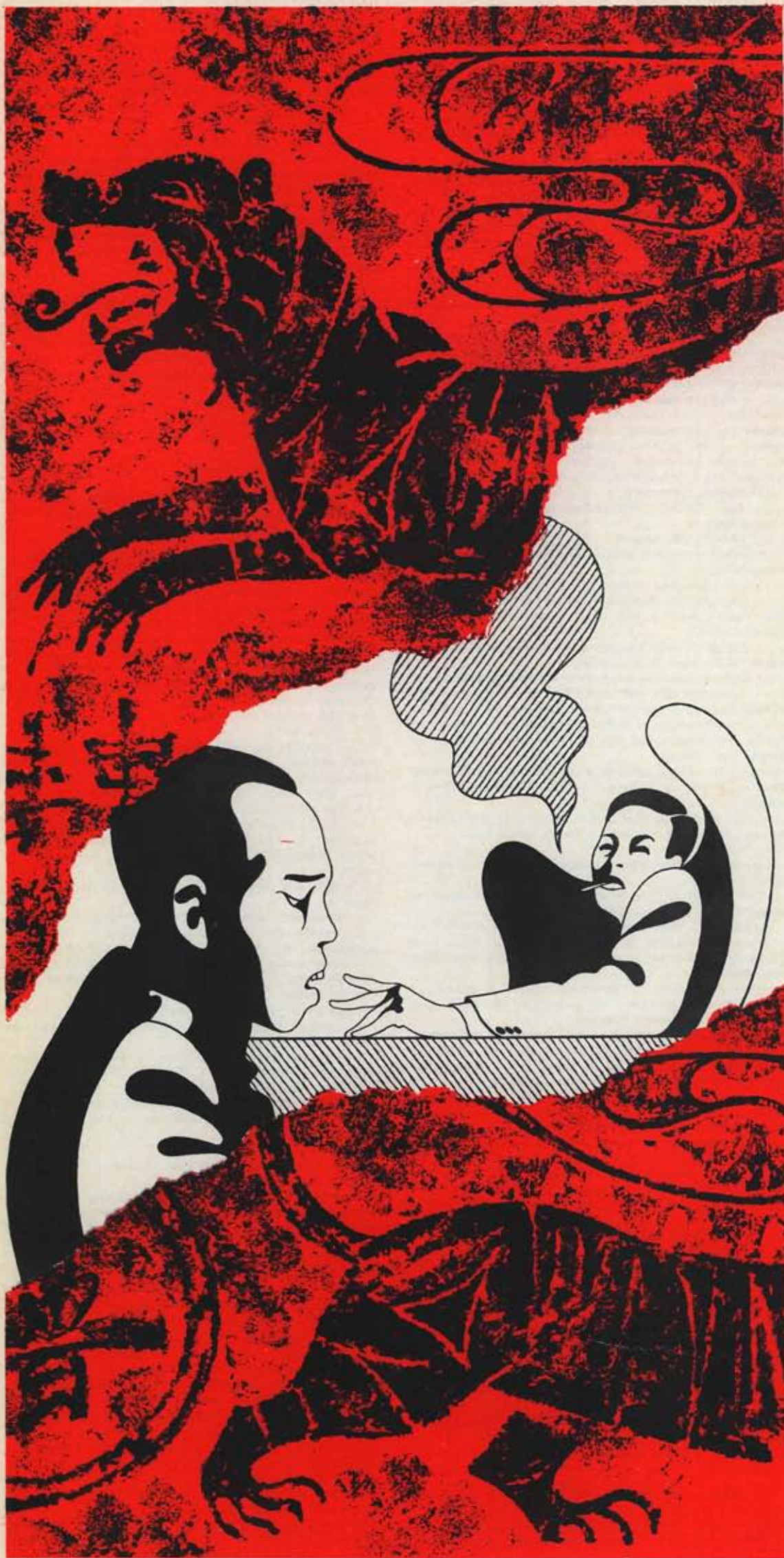

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

перехватил ее взгляд. В нем явственно читался неподдельный страх.

— Клянусь Аллахом, господин полицейский, мы здесь ни при чем. Мы ничего не знали! Аллах свидетель... Он умер сам. Мы похоронили его, как честного мусульманина. Я... я не знаю, как он оказался на этом проклятом...

— Да, да,— наконец вмешался Карим,— мы похоронили его как полагается. На нашем кладбище. Имам* может подтвердить. Да и соседи. Аллах свидетель, господин полицейский!

Глядя на испуганные лица супругов, Ло вспомнил о заметке, которую прочел по дороге, и подумал, что на этот раз они, по всей вероятности, говорили правду... Значит, тело было похищено неизвестными людьми и ночью перевезено на Блаканг-Мати? Но с какой целью? Может быть, Раззак все-таки имел какое-то отношение к «Анг Сун Тонг»? Иначе зачем его труп был переправлен на ритуальное кладбище?

— Когда состоялись похороны?— спросил Патрик.

— В прошлую среду,— быстро ответила жена Карима.

— Двенадцатого?— на всякий случай уточнил инспектор.

— Да, господин полицейский,— подтвердил Карим.— Двенадцатого.

— Вот как,— задумчиво произнес Ло.

Значит, тело Раззака появилось на Блаканг-Мати после того, как рабочие обнаружили могильник! Затем и были усыплены полицейские: преступникам нужно было закопать труп Раззака. Но опять же зачем? Ло вдруг вспомнил сводку из уголовного управления. В ней шла речь о двух трупах, но в то время тела Раззака еще не могло быть на острове! Это была такая бессмыслица, что Патрик даже не стал пытаться понять, в чем здесь дело. Он достал из кармана портативный радиопередатчик, нажал кнопку.

— Слушаю, инспектор,— раздался из аппарата голос шофера.

— Поднимись в тридцать первый блок.

— Хорошо.

Карим и его жена молча смотрели на Патрика. Выражение их лиц было таким, будто перед ними стоял не Ло, а Раззак, снова проделавший загадочное путешествие, но теперь уже с Блаканг-Мати до их дома. В прихожей послышалось треньканье звонка.

— Откройте,— сказал Патрик жене Карима.

Та бросилась в прихожую.

— Останься здесь,— дал Патрик распоряжение шоферу.— Дождись наших людей. Машину я заберу.

— Слушаюсь, инспектор.

Шофер повернулся к супругам и коротко приказал:

— Сядьте на кровать.

Они повиновались. Ло направился к двери.

— Господин поли... господин инспектор,— робко окликнула его жена Карима,— клянусь Аллахом, мы только...

— Мы все выясним,— бросил Патрик на ходу.

Спустившись вниз, он сел в машину и связался по радию с офисом.

— Пятый слушает.

— Говорит пятнадцатый. Вышлите кого-нибудь на Беррима роуд, четырнадцать, блок тридцать один.

Патрик коротко изложил суть дела, затем добавил:

— Позвоните в уголовное управление. Думаю, что заниматься этим адресом придется все-таки им. И свяжитесь с Блаканг-Мати. Нужно еще раз как следует осмотреть дальнюю яму.

— На что ориентировать?

— Следы третьего трупа. Доложите шефу.

— Слушаюсь.

Ло отключил радию и повернул ключ зажигания. Он решил поговорить с ночным сторожем на кладбище— тот мог что-нибудь заметить.

Подъехав к мусульманскому кладбищу, инспектор оставил машину у ворот и вошел внутрь. У старенькой, давно не крашенной мечети вокруг имама стояли несколько мужчин в траурных саронгах**. Осведомившись, где можно найти сторожа, Патрик двинулся в глубь территории.

Метров через пятьдесят он увидел небольшую хижину. Даже не хижину— просто две деревянные стены, образующие угол, и лист фанеры сверху. На низком топчане, поджав под себя ноги, сидел и раскачивался из стороны в сторону старик, похожий на засохшее дерево. Только когда Ло сказал старику, что он из полиции, тот перестал раскачиваться.

— Ты не заметил ничего подозрительного в ночь с двенадцатого на тринадцатое?

Старик медленно собрал на лбу морщины.

— На той неделе, когда хоронили пожилого малайца,— решил помочь старику Ло и тут же сообразил,

* Духовное лицо у мусульман.

** Мужская одежда в виде юбки у некоторых народов Азии.

что сказал несуряцицу: вероятно, на малайском кладбище пожилых малайцев хоронили не так уж редко.— Самсун Карим его звали.— Патрик подумал, что старик наверняка должен интересоваться именами тех, кого хоронят. Хотя бы из чистого любопытства.

Он не ошибся.

— Да, да,— радостно закивал тот,— хоронили так-то, туан*.

— А вечером после похорон никто не приходил на кладбище?

— Приходили, туан. Двое приходили. Китайцы. Я еще удивился: что, думаю, китайцам делать на мусульманском кладбище? А они могилу чью-то искали. Знакомый, говорят. Но, правда, хорошие люди. Сигаретой угостили. Дорогая сигарета...— Старик зачмокал толстыми, полинявшими губами, словно пытаясь вспомнить вкус хорошего табака.— Друга своего искали. Расспрашивали.

— О чем?— поинтересовался Ло.

Две кости, из которых состояли плечи старика, поднялись, потом опустились.

— О разном. Спрашивали, кого вчера похоронили, кого— сегодня. Много ли народу на похоронах бывает. Глубоко ли мусульмане умерших закапывают. Интересно, говорят, нам, китайцам, про мусульман узнать... Потом ушли.

— И больше не возвращались?

Старик снова начал покачиваться, как маятник: вправо-влево, вправо-влево.

— Не знаю. Заснул.

— Как же ты?— усмехнулся Патрик.— Ночной сторож— и вдруг...

— Да сам не знаю, туан. Уж очень спать хотелось.

— А утром у тебя болела голова?

— Откуда туан знает?— удивился сторож.

— Как они выглядели, эти китайцы?— не отвечая старику, спросил Ло.

— Китайцы как китайцы,— развел тот руками.

Выслушав такой исчерпывающий ответ, инспектор повернулся и медленно пошел к выходу. Судя по словам старика, люди из «Анг Сун Тонг» пришли на кладбище, еще не зная, чье тело они смогут отсюда забрать... Выходит, Карим и его жена действительно не имеют отношения к перемещению трупа Раззака?

«Ладно,— подумал Ло, садясь в лимузин.— С подменой документов мы разберемся. Подмена трупов на острове— это будет сложнее...»

Инспектор неторопливо поехал в офис, пытаясь нащупать логику в действиях преступников. Но логики не было. Убрать мертвого свидетеля— вещь не такая уж странная, хотя в общем-то редкая. Но положить на его место труп другого человека— с таким случаем Ло сталкивался впервые. Он перебирал в уме различные варианты, но не мог найти достаточно разумного объяснения случившемуся. Не подлежало сомнению единственное: для риска, на который пошли преступники, имелись, видимо, серьезные причины.

Приехав в офис, Ло поинтересовался у дежурного, нет ли известий с Блаканг-Мати. Известий не было. Инспектор прошел к себе в кабинет. Настроение у него испортилось еще в машине. В его руках практически был один из преступников— Ко Ин. Но вместо того, чтобы арестовать его, хорошенько потрясти и заставить рассказать, чей труп был выкраден с Блаканг-Мати и для чего подброшен другой, Ло сидел в кресле и мучительно соображал, с какого конца взяться за решение этой нелегкой задачи. Он прекрасно понимал, что никто, кроме Ко Ина, не даст ответа на эти вопросы. Но Аланг не разрешил его трогать. Впрочем, может быть, шеф прав: без улики сержант не заговорит, а его арест только насторожит преступников. Значит, круг замкнулся? Нет, нужно как-то попытаться развязать язык Ко Ину. Но как?

А что, если?... Патрик удивился и обрадовался неожиданно возникшей мысли. Почему бы и нет? Он взял в руки лист чистой бумаги и стал писать. Потом все перечеркнул и начал снова.

А если Аланг не разрешит? Нет, он должен согласиться— это верный ход.

Ло закончил писать и сунул листок в карман. В этот момент зазвонил селекторный телефон. Патрик нажал кнопку.

— Слушаю.

— Инспектор, с Блаканг-Мати вернулся один из экспертов. Он пошел к себе.

— Спасибо.

Ло спустился на первый этаж, где располагался отдел экспертизы, и почти побежал по коридору. Угадал он или нет?

Есть хоть какие-то следы, указывающие, что был третий труп, или эксперт разочарует его? Дверь в один из кабинетов была приоткрыта.

— Добрый день, господин эксперт.— За шутливым тоном Ло пытался скрыть нетерпение.

— Мое почтение, господин инспектор,— в тон Патрику ответил тот.

— Что скажете?

Эксперт улыбнулся.

— Скажу, что вы не ошиблись. Я обнаружил следы...

Где-то в глубине души Ло надеялся на такой ответ и все-таки вздохнул с облегчением.

— Спасибо!

— Два больших пятна крови и несколько черных волос. Устраивает?

Инспектора устраивало. Ведь на теле второго трупа ранений обнаружено не было, а его голова была лысой, как колечка!

Эксперт подошел к большому застекленному шкафу, взял оттуда пузырек с какой-то жидкостью, потом сел за стол и подвинул к себе микроскоп.

— Какой давности кровь?

— Вы слишком много от меня хотите,— рассмеялся эксперт.— Как вы заметили, я только что пришел. Дайте мне хоть взглянуть в микроскоп.

— Когда можно будет получить ответ?

— Дня через два, не раньше.

— Скажите... А почему пятна не были обнаружены в тот день, когда выкопали труп?

— Ну, знаете ли!— рассердился эксперт.— Вы что, все замечаете с первого раза? Следы старые, пятна стали практически невидимы. На трупе, как вам известно, ранений не было— кто ж мог предполагать, что в яме окажется кровь? А сегодня, когда мне сказали, что в яме мог быть еще один труп, я тщательно исследовал дно и все равно визуально ничего не обнаружил. Пришлось делать бензидиновую пробу. Ну, ладно, дорогой инспектор, не отвлекайте меня, а то я и через неделю не дам вам ответа!

Ло покинул кабинет.

— Шеф у себя?— спросил он, проходя мимо секретарши Аланга.

— Только что пришел.

Инспектор открыл дверь, обитую коричневым пластиком.

— Вы свободны, Теон?

— Да, конечно. Заходите, Патрик. Только с условием, что не будете курить. У меня сегодня ужасно болит голова.

— Условие тяжелое, но я вынужден его принять. Переговоры мне необходимы.

— Судя по вашему виду, есть интересные новости.

— Такие интересные, что хочется влезть на кокосовую пальму и грызть орех,— отозвался Патрик.

— Кокосовый орех зубами не возьмешь,— заметил Аланг.— Неужели все так безнадежно? Что-то я не узнаю вас, Патрик.

— А что сказали бы вы, если бы у вас из-под носа умыкнули один труп, а вместо него нарочно подсунили другой?

— Вы меня интригуете, Патрик. Что-то я не припоминаю подобных случаев в своей практике.

— Я тоже.

Ло подробно рассказал шефу о своих сегодняшних визитах.

— В общем, в ту ночь уголовная полиция сделала нам хорошенький подарочек...

— Не надо про уголовную полицию.— Аланг прикоснулся пальцами к вискам.— А то у меня еще сильнее разболится голова. А случай действительно любопытный.

— Их действия противоречат здравому смыслу.

— Это нам с вами так кажется. Но ведь они преследовали какую-то цель...

— Я это прекрасно понимаю. Понимаю, что они не стали бы напрасно рисковать. Но никакого объяснения найти не могу. Может быть, этот второй... а точнее, третий... тоже плыл на «Тумасике»?

— Тогда наши дела неважны,— вздохнул Аланг.— Однако не будем строить догадки. Подождем результатов экспертизы. Правда, из-за давности пятна крови нам скажут немного, и тем не менее... С Ко Ином ничего нового?

— Нет.— Ло вытащил из кармана сигареты, но, вспомнив про свое обещание, положил их обратно.— Кстати, насчет Ко Ина. У меня появилась одна мысль...

— Давайте ее сюда.

— Только не иронизируйте.

— Попробую.

— Я хочу заставить его работать на нас.

— О, это будет несложно!— все же не сдержался Аланг.— Ко Ин с радостью примет ваше предложение. Я почти уверен, что его планы совпадают с вашими.

Не обращая внимания на насмешливый тон шефа, Ло вытащил из кармана лист бумаги, который он только что исписал у себя в кабинете, и положил перед Алангом. Тот прочел, и лицо его стало серьезным.

— Недурно. Что ж, я согласен. Давайте. Попробуем.

7

На следующее утро Ло позвонил в полицейский участок, где работал Ко Ин, и справился, когда его можно будет увидеть. На другом конце провода ответили, что сержант находится в участке, но через час уйдет на дежурство.

Через пятнадцать минут инспектор уже входил в кабинет начальника участка.

— Я из «Си-Ай-Ю»,— сказал он, поздоровавшись, и протянул хозяину кабинета свое удостоверение.

— Я к вашим услугам, инспектор,— взглянув на документ и возвращая его Патрику, ответил тот.

— Мне хотелось бы переговорить с сержантом.

— Сейчас я его вызову.

— Я хотел бы с ним встретиться с глазу на глаз.

— Понимаю, инспектор. Вы можете расположиться в моем кабинете. Я уезжаю и вернусь не раньше чем через два часа.

— Благодарю вас, лейтенант.

Начальник полицейского участка вышел, а вскоре в дверях появился мужчина лет сорока, в форменных шортах и рубашке песочного цвета, с редкими усиками и злым взглядом.

— Я сержант Ко Ин...

— Я хотел бы выяснить некоторые подробности относительно Блаканг-Мати,— сказал Ло, в упор разглядывая вошедшего.

Ко Ин заметил пристальный взгляд Патрика, и на его губах заиграла едва уловимая усмешка. «Ну, ну, инспектор, выясняй свои подробности,— прочел Патрик в глазах сержанта,— посмотрим, много ли выяснишь». «Что ж, посмотрим»,— согласился Ло.

— Я все написал в рапорте,— сказал Ко Ин после короткой дуэли взглядов.— Его передали в уголовную полицию.

— Твой рапорт уже у нас, в «Си-Ай-Ю». Я читал его. В нем изложено не все.

— Почему же это не все?— Сержант недовольно выпятил нижнюю губу.— Со мной было еще трое полицейских. Не верите— их спросите.

— Спрашивал.

Ло помолчал, давая собеседнику возможность немного понервничать: почему он обратился сначала к рядовым полицейским, а не к старшему группы? Ко Ин отвернулся, равнодушно глядя в окно, но по его лицу Патрик понял, что сержанту очень хочется узнать, что сказали полицейские. Однако инспектор не спешил. Он с деловитым видом достал сигареты, подчеркнуто неторопливо закурил, затянулся с таким удовольствием, словно самым важным было для него это, а не разговор с Ко Ином. Тот, наконец, не выдержал, оторвал взгляд от окна.

— Ну и что?

Он постарался вложить максимум небрежности в свой вопрос, но это ему плохо удалось. В тоне сержанта сквозила настороженность.

— «Репортер», который приезжал на остров, угощал вас сигаретами,— слегка отпустил «поводок» Ло.

— А-а!— Сержант расслабился и наглово улыбнулся.— Я и забыл. По правде говоря, не придавал этому значения. Ну, угостил и угостил— велика важность.

— Для нас все важно,— с нарочитой укоризной заметил Ло.

— Виноват, господин инспектор. Сплоховал.

В голосе Ко Ина прозвучало такое искреннее раскаяние, что Ло еле удержался от улыбки.

— Вот такие мелочи, бывает, уводят следствие совсем не в ту сторону,— как бы рассуждая сам с собой, произнес он.

Сержант сочувственно покачал головой.

— Да-да... Простите, господин инспектор. Больше такого не повторится.

— Хорошо, что мы подобрали эти окурки,— продолжал размышлять вслух Патрик. И вдруг быстро спросил:— Он всех угощал?

Сержант на мгновение замер, соображая, видно, в какую сторону клонит инспектор, потом ответил решительно:

— Всех!

— А в сигаретах ведь было сильное снотворное. Как ты думаешь... зачем?

— Н-не знаю,— замылся Ко Ин и, вдруг спохватившись, добавил:— Виноват, господин инспектор! Испугался, что попадет мне за то, что спал. Вот и не указал в рапорте. Но ведь не по своей воле я заснул. Уж крепился, крепился...

Ко Ин шагнул в приоткрытую Патриком «дверь», полагая, что там, за ней, он будет чувствовать себя в безопасности. Развел руками, давая понять, что за халатность готов понести заслуженное наказание.

— Они нас нарочно усыпили... наверно, чтобы улики скрыть?— и горестно покачал головой.— Небось, наделали дел, пока мы дрыхли!..

— Наделали,— подтвердил Ло.— И еще каких дел!

Ко Ин расстроено зацокал языком, и Патрик даже на секунду усомнился: может быть, тот действительно спал?

— С чего же это ты по десятке велел остальным принести? Если и сам спал,— принялся «раскручивать» Ко Ина инспектор.

Зрачки сержанта сузились, но тут же он изобразил на лице виноватую улыбку.

— Все-таки нажаловались!— В голосе его зазвучали покаянные нотки.— Правда, господин инспектор, что было, то было. Пользовался тем, что последний

* Господин (малайск.).

заснул. Зарплаты-то не хватает... Вот и урвешь, где можно. Но я верну, господин инспектор. Правда, верну! Бог с ними, с деньгами. Отдам сегодня же. Вы только начальству не говорите. Уволят меня... А у меня четверо детей.

Ко Ин замолчал и просительно посмотрел на Патрика.

— Брось дурака валять,— вздохнув и подложив руку под щеку, бесцветным голосом произнес Ло.— Ты же прекрасно знаешь, что твое мелкое вымогательство меня не интересует.

— Но не по своей же воле я уснул!— заныл сержант.— Откуда мне было знать, что в сигаретах снюворное?... А-а!— Он безнадежно махнул рукой.— Чего теперь объяснять! Все равно уволят...

— Могу помочь тебе...

Сержант подошел к Патрику:

— Как?

— Где найти того «репортера», который приехал на остров?

— Да откуда ж я знаю, господин инспектор? Я его и видел-то впервые в жизни. Наверное, хотел раньше всех о трупах сообщить. Любят они сенсации, эти газетчики. Вот и приперся на остров ночью. Но я его не пустил, как и было приказано.

— Ну, а людей, которые приезжали на остров после него, ты тоже не знаешь?

— Да что вы, господин инспектор?— Ко Ин безуспешно пытался округлить свои узкие, как щелочки, глаза, в которых все чаще стали мелькать огоньки беспокойства.— Какие люди?

Патрик поднялся из-за стола, снова закурил и несколько раз прошелся по кабинету, чувствуя спиной цепкий взгляд... Потом он подошел к сержанту и, в упор глядя на него, медленно, с расстановкой произнес:

— Игру ты ведешь верно, Ко Ин. Если бы я, скажем, захотел тебя упрятать в тюрьму за принадлежность к тайному обществу, за... впрочем, достаточно одного этого... то у меня ничего не получилось бы. Маловато улик. Вернее, их у меня совсем нет. Ты уже сказал, что спал в ту ночь, и доказать обратное я не в силах.

— Не понимаю, о чем вы говорите, господин инспектор,— удивленно начал Ко Ин, которому слова Патрика об отсутствии улики явно пришлись по душе.— Я...

— Но я не буду привлекать тебя к уголовной ответственности,— пропуская мимо ушей слова сержанта, продолжал Ло.

Он вытащил из кармана листок бумаги, с нарочитой бережностью разгладил его руками.

— Я сегодня же отправлю во все газеты вот эту маленькую штучку. Сам знаешь, как в редакциях любят сенсации. Завтра же эту заметку опубликуют под заголовком «Сержант Ко Ин приоткрывает завесу тайны над «Садом смерти». Хороший заголовок, а?

Ло взглянул на собеседника. По скулам сержанта начали ходить желваки. Он весь напрягся, сидел с приоткрытым ртом, слегка подавшись вперед. Ко Ин словно намеревался прыгнуть на Патрика и только ждал подходящего момента.

— Не нервничай, Ко Ин,— усмехнулся Ло,— ты становишься известным человеком. Правда, ненадолго. Потому что кое-кому по вполне понятным причинам такой заголовок может не понравиться. Тебе, конечно, не терпится узнать, что будет написано в заметке? Тебе все еще кажется, что я блефую. Нет, Ко Ин, я не блефую. В заметке будет написано, что некто Ко Ин решил порвать с преступной организацией, членом которой он является. Он добровольно явился в «Си-Ай-Ю» и рассказал, что в ночь с двенадцатого на тринадцатое января преступники, усыпив с помощью сигарет «Данхилл» полицейских...

Ло оторвался от чтения и поднял голову.

— Только не вздумай наделять глупостей, Ко Ин. Бежать тебе все равно некуда. На улице стоят мои люди.

...Усыпив полицейских, подменили один из находившихся на Блаканг-Мати трупов. Дальше в ней будет написано... Впрочем, это уже детали. Достаточно того, что я сказал. Ты станешь популярным человеком, Ко Ин. Репортеры толпами бросятся тебя разыскивать. Только жаль, что пресс-конференция с тобой не состоится. Ведь тебя наверняка к этому времени не будет в живых! Ты своим друзьям толком-то и объяснить ничего не успеешь. Могу тебе пообещать, что вмешиваться мы не будем. Это ведь ваше внутреннее дело, не так ли?

Пока Ло рисовал перед сержантом столь радужные перспективы, тот молча сидел, уставившись на инспектора, и Ло видел, как хочется Ко Ину облизать пересохшие губы.

— Не смотри на меня так свирепо, Ко Ин,— попросил Патрик мягко, даже ласково.— Не то я могу испугаться и уйти отсюда, так ни о чем и не договорившись...

Сержант молчал.

— Ну, не задерживай меня,— уговаривал его Ло.— А то я не успею объехать все редакции. Решай же, Ко Ин: либо ты работаешь на нас, либо...

Ло выразительно покачал бумажкой перед носом собеседника.

— Что я должен делать?— угрюмо спросил тот.

— Молодец,— похвалил сержанта инспектор.— Понятливый парень! Для начала расскажи мне что-нибудь интересное. Ужасно люблю секреты. Ну, к примеру, скажи, как называется организация, к которой ты принадлежишь?

Ко Ин оглянулся по сторонам, будто хотел удостовериться, что они здесь действительно одни, только потом вполголоса произнес:

— «Са Джи».

Патрик вздохнул:

— Придется мне ехать по редакциям...

— Почему... придется?

— Блаканг-Мати для «Са Джи»— это слишком крупно,— спокойно сказал Патрик.— «Са Джи» занимается другими делами. Если мы договорились, к чему тебе врать, Ко Ин?

— Можно закурить?— спросил сержант.

— Если тебе легче будет ответить на мой вопрос— сделай одолжение.

Ло протянул ему пачку. Ко Ин попытался вытащить сигарету, но пальцы его не слушались.

— Как ты, однако, расстроился,— дружески усмехнулся инспектор.— Так ты не сможешь, пожалуй, дежурить.

Он достал сигарету сам и подал ее сержанту. Ко Ин закурил, сделал несколько жадных затяжек. Потом опять посмотрел по сторонам. Патрик терпеливо ждал. Сержант открыл было рот, но не смог произнести ни звука. Его узкий серый лоб стал влажным.

— Ну, хорошо,— сказал с сочувствием Ло,— я помогу тебе. А чтобы ты больше не сомневался, что мне кое-что известно, сниму-ка рубашку и покажи мне шрам на левой стороне груди.

Ко Ин схватился за свою форменную куртку, как женщина за платье, когда ее собираются насильно раздеть, и судорожно затряс головой. Ло понял, что попал в точку.

— «Анг Сун Тонг»?— быстро спросил он.

Ко Ин вздрогнул, стиснул лежавшие на коленях руки так, что они побелели, и уставился в пол.

— Ты не слышишь меня?— осведомился Ло.— Повторить погромче?

Сержант бросил на него умоляющий взгляд.

— Не надо...

— Да или нет?

Ко Ин молча кивнул. Даже не кивнул— просто его голова упала на грудь.

— Давно работаешь на них? Впрочем, на эту тему мы еще успеем поговорить. Расскажи-ка лучше про твоё дежурство на Блаканг-Мати. Приди в себя и расскажи все подробно.

— Я весь день дежурил,— начал Ко Ин медленно.— А вечером, когда я уже освободился, на улице ко мне подошел Фын...

— «Репортер», что ли?

— Да. Он сказал, чтобы я вернулся в участок и попросился сегодня ночью на дежурство. Когда мы приехали на остров...

— Не торопись,— перебил сержанта Патрик.— В котором часу ты с ним виделся?

— В девять у меня кончилось дежурство, и я сразу собрался домой.

— Допустим. А у твоего начальника не вызвало удивления, что ты хочешь остаться на ночь? И потом тебя же могли направить в другое место, не обязательно на Блаканг-Мати.

— Я сказал лейтенанту, что завтра хочу взять отгул. Так многие делаем. А в другое место я попасть не мог. На ночь все посты распределяются заранее, и меня могли включить только в оперативную группу... Я договорился со старшим этой группы, и он согласился подежурить на следующий день. В участке уже было известно, что группа, дежурившая днем, уехала на Блаканг-Мати. И мы должны были ее сменить.

«Четко работают,— подумал инспектор, делая пометку в блокноте.— Нужно бы проверить всю цепь, по которой шла информация о находке на острове».

— Дальше?

— Около двенадцати на остров приехал Фын. Мы сидели у могильника, и я пошел на берег посмотреть, что за лодка подчала. Фын шепнул мне, чтобы я не пускал его к трупам и не курил сигарет, которыми он угостит всех. Когда полицейские заснут, велел посветить фонариком в сторону пролива. А потом громко сказал, что он журналист, хочет сфотографировать могильник и все такое... В общем, все получилось, как он сказал. Мои ребята заснули, а я посветил, и к острову подчалил сампан. Фын и еще трое...

— Ты видел раньше этих троих?

— Только одного...

— Как его зовут?

— Красный Жезл.

Патрик мысленно заглянул в досье «Анг Сун Тонг». Красным Жезлом, по имеющимся в «Си-Ай-Ю» данным, именовался главарь так называемой боевой группы.

— Потом что?

— В сампане лежало тело, завернутое в мешковину. Мы вытащили его... понесли к могильнику.

— Как выглядел труп, который вы выкопали?

— Я не видел.

— Что ты мелешь?!— вскричал Патрик.— Ты же стоял рядом!

— Я не видел его,— упрямо повторил Ко Ин.— Его никто не видел. Когда на трупе оставалось еще немного земли, Красный Жезл всем велел отойти. Потом он накрыл его мешковиной...

— Это был труп мужчины?

— Да.

Ло снова закурил.

— Ладно. Будем пока считать, что ты не врешь. Теперь расскажи мне о твоих взаимоотношениях с Красным Жезлом.

— Он мой босс.

— Об этом я уже догадался. И часто ты его видишь?

— За последние полгода только на Блаканг-Мати.

— Ты знаешь, где его найти?

— Нет. Он передает мне указания через Фына.

— Кого еще «сверху» ты знаешь?

— Больше никого.

— Сколько у тебя своих людей?

— Десять человек.

Патрик взял со стола чистый лист бумаги.

— Мне нужны сведения о каждом: фамилия, кличка, где служат...

Ко Ин вынул из кармана авторучку. Пока он писал, Патрик воспроизвел в уме только что состоявшийся разговор. Сержант был сильно напуган и явно не врал. Значит, удалось наконец ухватиться за ниточку, ведущую к неуловимой «Анг Сун Тонг».

Неожиданно для себя Патрик подумал, что слишком уж просто все получилось. Не очень ли быстро заговорил Ко Ин? Ло по натуре был человеком азартным. Страстный любитель бриджа, он, впрочем, как каждый истинный поклонник этой серьезной, требующей раздумий игры, не признавал победы без борьбы. За карточным столом он получал щемящее наслаждение от самой партии, а не от ее результата, хотя проигрыш всегда сильно огорчал Патрика. Эмоции игрока продолжали жить в инспекторе и в служебное время. Поэтому Ло чувствовал сейчас некоторое неудовлетворение. Он выходил на одного из главарей «Анг Сун Тонг» почти без всяких усилий. Без должной, захватывающей партии с могущественной «триадой», где Патрик надеялся со смакованием обдумывать каждый ход, угадать в конце концов карты противника, сделать загадочный, обескураживающий сброс и неожиданно атаковать крупным козырем. Игра, к которой Ло был постоянно готов, вдруг начала терять для него свою прелесть.

«Стоп,— одернул себя инспектор,— загадочный сброс пока сделал противник. Вот и доставь себе удовольствие— разгадай его карты. Еще вчера ты, кажется, был настроен не слишком оптимистично. А сегодня, едва переиграв какую-то пешку, считаешь, что «Анг Сун Тонг» у тебя в руках. Доберись сначала хотя бы до Красного Жезла».

Полицейский закончил писать. Патрик взял у него листок, пробежал глазами и возвратил Ко Ину.

— Ты забыл себя. И впиши-ка на всякий случай Фына и Красного Жезла. А то я могу про них позабыть.

Сержант сделал, как ему было сказано.

— Что это за номер?— поинтересовался Ло, увидев на последних трех строчках какие-то цифры.

— Клички продублированы. Всех рядовых членов, как и меня, зовут «монахами», но каждый из нас имеет свой личный номер.

— Рядовых? Но у тебя же есть свои люди. Кстати, почему у них нет номеров?

— Они не входят в организацию. Они даже не знают, что она существует. Работают только на меня. И от меня... получают деньги.

«Как раковая опухоль!— Патрика вдруг охватила злость.— Ее вырезаешь в одном месте, а она возникает в другом».

— С Фыном у тебя двусторонняя связь?— спросил он сержанта, молча ожидавшего новых вопросов.

— Да. Но мне разрешено ею пользоваться лишь в крайнем случае.

— Как ты можешь вызвать его на встречу?

— На Хавлок роуд возле отеля «Мирамар» стоит дорожный знак «Остановка запрещена». На обратной стороне — «Стоянка запрещена». Знак никогда не меняют. Мне достаточно перевернуть диск, и максимум через час меня разыщет Фын или кто-нибудь из его людей.

— Ну что ж,— Ло посмотрел на часы,— тебе пора на дежурство. Указания получишь позже. А пока вот два телефона.— Он набросал на клочке бумаги несколько цифр и протянул Ко Ину.— Появится Фын — позвонишь. И учти: с этого момента мы контролируем каждый твой шаг...

Продолжение следует.

Рисунок Виктора НАРСКОГО

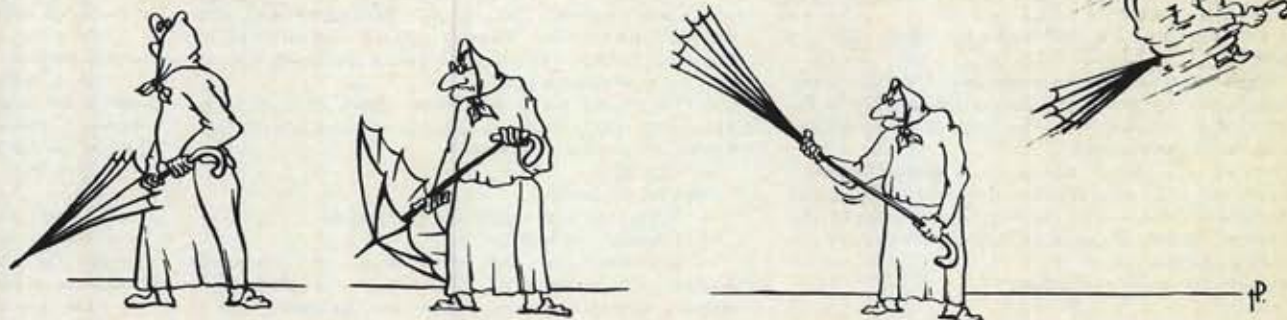
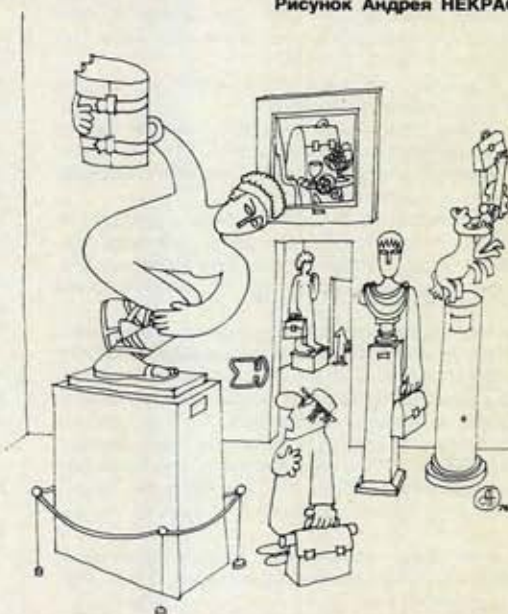

Рисунок Евгения МИЛУТКИ

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ПОЧЕТНЫЕ ТИТУЛЫ

Входящем 1976 году советские шахматные мастера, в основном молодежь, выступая в ответственных международных соревнованиях, собрали поистине рекордный «урожай» гроссмейстерских баллов. Мы уже рассказывали читателям «Смены» о достижениях москвичей Сергея Макарычева, Игоря Зайцева и челябинца Евгения Свешникова, привели их творческие фрагменты. В ногу с ними шагает и талантливый армейский мастер из Новосибирска Геннадий Тимошенко. Он перевыполнил норматив гроссмейстерского балла своей победой на традиционном мемориале выдающегося польского шахматиста Акибы Рубинштейна (1882—1961 гг.). В этом турнире участвовали известные мастера из Югославии, Чехословакии, Румынии, ГДР, Болгарии, Венгрии, Кубы, Польши и СССР. Правда, ввиду того, что Г. Тимошенко еще не был международным мастером, ограничили присвоением ему только этого звания.

Примером весьма динамичного

шахматного почерка 27-летнего сибиряка может служить его партия с румыном М. Шубе. На диаграмме вы видите позицию, к которой поединок пришел после 24-го хода белых. Несколько ранее Г. Тимошенко, игравший черными, в целях развития наступления на королевском фланге пожертвовал качество и пешку. Теперь он подключает к атаке последний резерв — ферзевую ладью.

24. ... Лав—d8 25. Фс1—d2 Лd8—d6 26. Се2—f1 Лd6—g6+ 27. Кpg1—h1 Кf4—d3!

Этот неожиданный тактический удар не только впечатляет эстетически, но и является, по существу, наиболее сильным продолжением.

28. Фf1:d3 Ch3—g2+ 29. Фd2:g2.

Белые вынуждены отдать ферзя, так как иначе они получают бы форсированный мат в несколько ходов.

29. ... Лg6:g2 30. Кph1:g2 Фh4:e1 31. Ле5—e8+ Кpg8—h7 32. e4—e5+ g7—g6 33. Cd3—e4 Фe1:c3 34. d4—d5 f7—f5!

Энергичный пешечный выпад заставляет соперника использовать правило «взятия на проходе», ибо в противном случае белый слон обречен.

35. e5:f6 Фс3:f6 36. Ле8—e6 Фf6—b2+ 37. Кpg2—g3? Фb2:a2 38. Ле6—e7+?

В сложном положении белые неудачно маневрируют и облегчают партнеру искусной перебрской ферзя достигнуть успеха.

38. ... Кph7—g8 39. Ле7:b7 Фа2—a6! 40. Лb7—d7 Фа6—c8 41. Лd7—e7 Фс8—c5 42. Ле7—e6 Фс5—g1+! 43. Кpg3—h3 Кpg8—f7! 44. Ле6—с6.

Увы, получившаяся после размена на поле «g6» пешечная кон-

цовка не сулила бы белым спасения.

44. ... h6—h5 45. Лс6—с7+ Кpf7—f8 46. d5—d6 g6—g5 47. Лс7—с2 Фg1—f1+ 48. Кph3—g3 Фf1—d1!

Молодой мастер действует в нестандартном эндшпиле высоко технично и с завидной изобретательностью.

49. Лс2—с6 Фd1—g1+ 50. Кpg3—h3 Кpf8—e8 51. Се4—f5 Фg1—f1+ 52. Кph3—g3 h5—h4+, и ввиду неизбежной потери ладьи белые пошли на капитуляцию.

ИГРАЕТ СЕЛЬСКИЙ ЧЕМПИОН

Большой шаг вперед сделали в последнее время наши сельские шахматисты. Отнюдь не случайно на минувшем командном Кубке СССР сборная Центрального совета сельских спортивных обществ стала мастером из российского «Урожай» — архангелец Владимир Козлов, набравший 12,5 очка из 16 возможных. В женском турнире лучшей была международный мастер из эстонского «Йюуда» Майя Раннику. У нее 10,5 из 13.

В интересной борьбе, при участии группы сильных шахматных мастеров из разных союзных республик прошли недавно всесоюзные сельские чемпионаты. Победителем мужского первенства стал мастер из российского «Урожай» — архангелец Владимир Козлов, набравший 12,5 очка из 16 возможных. В женском турнире лучшей была международный мастер из эстонского «Йюуда» Майя Раннику. У нее 10,5 из 13.

Предлагаем вниманию читателей красивый комбинационный финал поединка, в котором новый сельский чемпион СССР одержал верх над мастером из Рязанской области Д. Годесом.

Лс7—e7 e3—e2 38. b4—b5 h5—h4 39. Лa6—a3 Сg3—e5!! и белые сдались.

ЭТЮДЫ—МАЛЮТКИ

Изящные, миниатюрные по форме и оригинальные по содержанию этюды составляет польский шахматный композитор Владзимеж Проскуровский. Шахматы — его хобби. Он инженер из Варшавы, работает в Институте физики Польской Академии наук.

На диаграмме изображена ситуация, возникшая после 20-го хода белых. В. Козлов, игравший черными, пожертвовал сперва качество, а затем коня и разрушил пешечный бастион, за которым укрывался неприятельский король.

20. ... Kg4:e3! 21. Ke6:f8+ Лев:f8 22. f2:e3 Фd7—e7 23. Кс3—e2 Кf5:g3! 24. Ke2:g3 Фе7:h4 25. Фd2—h2.

Ценою возврата фигуры белые стремятся разрядить обстановку, однако получающееся после размена ферзей окончание, несмотря на лишнее качество, сулит им мало радостей.

25. ... Сg7—e5 26. Ch3—g2 Фh4:g3 27. Фh2:g3 Се5:g3 28. b2—b4 g6—g5! 29. c4—c5 h6—h5 30. Лb1—b3 g5—g4 31. Лb3—a3 a7—a6 32. c5—c6.

Противник чемпиона находчиво сопротивляется, изыскивая пути для организации встречной игры. Но черные действуют с предельной четкостью и быстро реализуют свой перевес. Запоминается их замечательный тактический удар на тему перекрытия.

32. ... b7:c6 33. Ла3:a6 c6:d5 34. Лf1—c1 d5—d4! 35. Лс1:c7+ Кph7—g6 36. e3:d4 e4—e3 37.

В обоих этюдах белые начинают и выигрывают.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19/Х 1976 г. А 06029. Подписано к печати 12/ХI 1976 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 2819. Заказ № 2964. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Солово.

The musical score is arranged in four systems, each with a vocal line and a piano accompaniment. The key signature has one flat (B-flat), and the time signature is 4/4. The lyrics are written below the vocal line. The piano part includes various chords such as Em, Dm6, E7, Am, H7, Fm, Bm6, Eb, and Ab.

ТИХАЯ РЕКА

Музыка Владимира МИГУЛИ

Слова Людмилы ОВСЯННИКОВОЙ

Есть река, что течет ровней с берегом,
Исчезая в небесной тиши.
Ей счастливая доля доверена,
В ней рождаются песни души.

Припев:
Тихая вода, ты моя река,
В глубине хранишь сердце родника.
Синим небесам даришь облака,
Неоглядные, неоглядные, неоглядные берега.

Подари мне любовь, речка тихая,
И в глубинах своих сохрани.
Пусть она, как награда великая,
Не кончается краем земли.

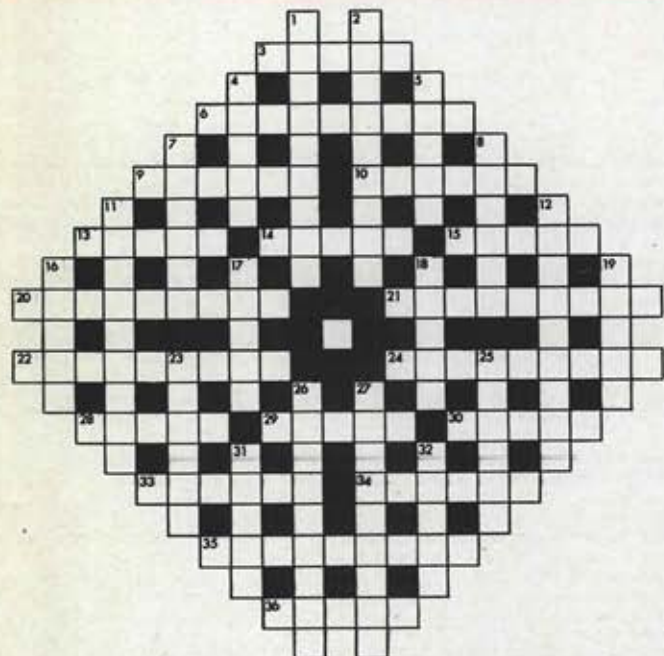
Припев.

Пусть надежды подхватит течение,
А невзгоды уходят ко дну.
Рассыпается жизнь на мгновения,
Но сливается в песню одну.

Припев.

КРОССВОРД

Составил А. ЧЕРНОУС, г. Коростень

По горизонтали:

- 3. Продукция, изготовленная для продажи.
- 6. Озеро в Астраханской области.
- 9. Физиолог, основоположник учения о высшей нервной деятельности.
- 10. Одновременное звучание нескольких музыкальных звуков.
- 13. Учреждение связи.
- 14. Сочный консервированный корм.
- 15. Небольшая закусовая.
- 20. Художник-передвижник.
- 21. Русский писатель XIX века.
- 22. Лесная птица.
- 24. Машина для разделения молока на сливки и обрат.
- 28. Геометрическое тело.
- 29. Инструмент для обработки на станках металла, дерева.
- 30. Народный артист СССР, режиссер.
- 33. Рассказ М. Горького.
- 34. Рабочий, специалист по обработке металла, дерева.
- 35. Город-герой.
- 36. Духовой клавишный инструмент.

По вертикали:

- 1. Воинское звание.
- 2. Советский металлург, академик.
- 4. Спортивное оружие.
- 5. Столица европейского государства.
- 7. Промысловая морская рыба.
- 8. Мореплаватель, открывший Америку.
- 11. Столярный инструмент.
- 12. Машина, вырабатывающая электрическую энергию.
- 16. Государство в Экваториальной Африке.
- 17. Тригонометрическая функция.
- 18. Всесоюзный пионерский лагерь.
- 19. Дипломатический ранг.
- 23. Овощное растение.
- 25. Исторический крейсер.
- 26. Писатель, Герой Советского Союза.
- 27. Печатный прибор для размножения текстов.
- 31. Огородное растение.
- 32. Помещение для хранения материалов, товаров.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

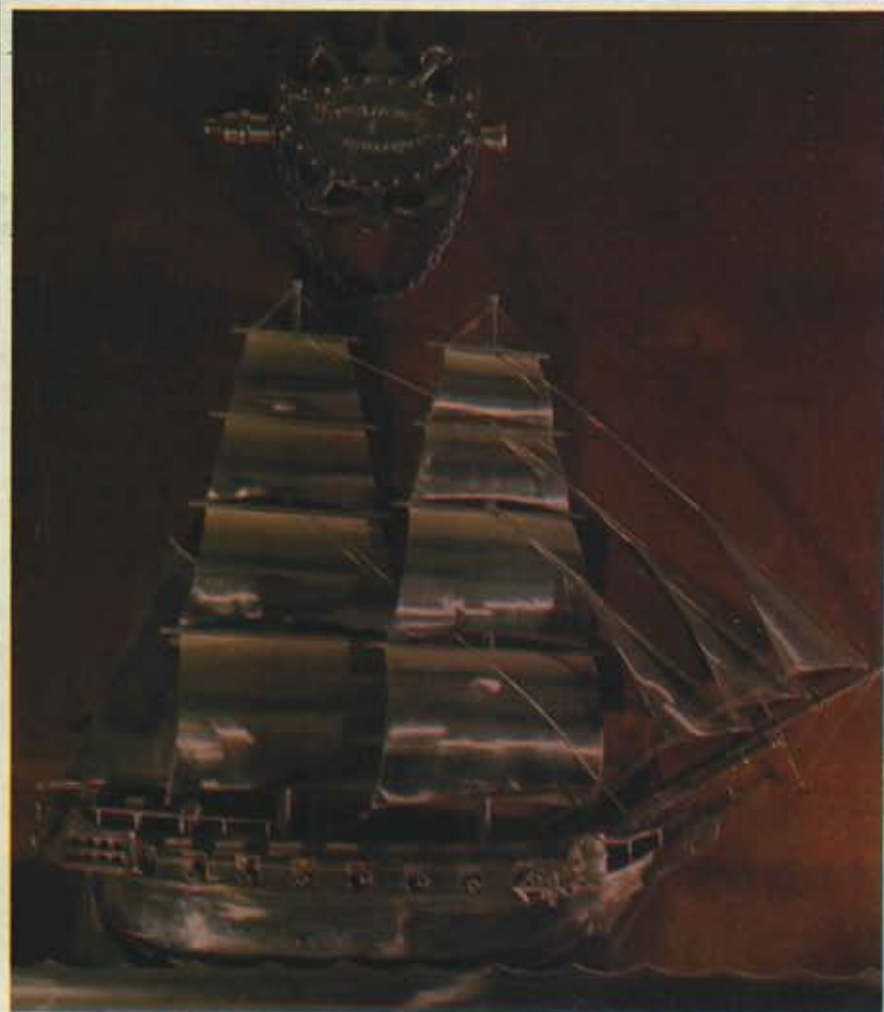
По горизонтали:

- 3. План. 4. «Заза». 8. Тамариск.
- 10. Свиридов. 11. Существительное.
- 12. Улитка. 14. Карась. 15. Троянка. 18. Паруса. 20. Эстамп.
- 23. Днепродзержинск. 26. Украинка. 27. Каватина. 28. Клуб. 29. Плуг.

По вертикали:

- 1. Угадугу. 2. Канифоль. 3. Плащ. 5. Азот. 6. «Фиделио». 7. Бильбао. 9. Каток. 10. Свеча. 13. Айова. 14. Каноя. 16. Трепанг. 17. Калитва. 18. Панданус. 19. Скопа. 21. Сурик. 22. Писатель. 24. Укок. 25. Снег.

БРОНЗОВАЯ ЭСКАДРА

«Парусник — особый исчезающий тип судна, герой многочисленных необычайных морских приключений, описанных знаменитыми писателями и поэтами. Он всегда будет символом истинного плавания по «семи морям света» и поэтому не должен погибнуть, забытый современным поколением» — эти слова Андрей Навапетович Гаспарян, начальник учебно-производственных мастерских Батумского мореходного училища, выгравировал на бронзовом парусе, похожем на крыло чайки. С этого паруса и начинается коллекция «Парусники мира», над которой вот уже треть века работает Гаспарян. Он родился на берегу моря и мечтал стать моряком, но война перепутала все планы. Он служил в артиллерии и как-то в перерыве между боями вырезал из снарядной гильзы свой первый парусник. И тогда же решил создать модели всех парусных судов, когда-либо бороздивших моря и океаны. Теперь в его коллекции свыше пятидесяти барельефных изображений различных судов. Здесь и одномастовый древнеегипетский парусник, ходивший в восточной части Средиземного моря еще в период XVIII династии фара-

онов, и древнегреческая триера с тремя рядами весел, и суда викингов, и каравеллы Колумба. Но основное место в коллекции, конечно же, занимают русские парусники, начиная с ладьи IX века и кончая знаменитым барком «Товарищ», на котором сейчас проходят практику курсанты мореходных училищ. Среди них немало учеников Гаспаряна, удостоенного недавно звания «Наставник молодежи».

Комната Андрея Навапетовича одновременно похожа на мастерскую художника и морской архив. Здесь собраны книги и брошюры о судостроении, вырезки из газет и журналов, многочисленные рисунки и гравюры. Прежде чем взяться за изготовление очередной модели, Гаспарян тщательно изучает историю судна, советуется с учеными и корабельщиками. И посетители Государственного краеведческого музея Аджарии, где собрано большинство работ самодеятельного художника, всегда отмечают и красоту и точность, с которой создана бронзовая эскадра Гаспаряна.

Анатолий БАРАНОВ

